МИХАИЛ ЛУНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью-Йорк, 1976

МИХАИЛ ЛУНИН

СОЧИНЕНИЯ

Перепечатка с книги
"Декабрист М.С. Лунин. Сочинения и письма"
под ред. и с примечаниями С.Я. Штрайха, Петербург, 1923 г.
с присовокуплением статьи Лунина
"Взгляд на польские дела" и писем из Акатуя из книги
С.Я. Гессен и М.С. Коган "Декабрист Лунин и его время",
Труды Пушкинского дома при Академии наук СССР,
"Наука и школа", 1926.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1976 г.

Издание осуществлено под наблюдением Елены Штейн

M. Lunin, Decembrist. Essays and Letters.
(Reprint from 1923 edition with supplements.)

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y. 10018

Manufactured in the USA

СОДЕРЖАНИЕ

Из вздохов заключенных рождаются бури, низвергающие дворцы.
Лунин, Письмо 22-е.

ДЕКАБРИСТ

М. С. ЛУНИН

СОЧИНЕНИЯ и ПИСЬМА

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
С. Я. ШТРАЙХА

ТРУДЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГ
1923

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Пушкин (Декабристам).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пушкин в десятой, сожженной главе «Евгения Онегина», которая по свидетельству князя П. А. Вяземского должна была стать «славной хроникой» событий после Отечественной войны,—так охарактеризовал М. С. Лунина:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...

Есть в черновых набросках дополнительный штрих:

Им резко Лунин предлагал...

И другой:

Тут Лунин резкий предлагал...

Еще один:

Свои губительные меры...

Таким же рисуют Лунина воспоминания современников. Это Лунин—по впечатлениям бесед и личных наблюдений—человек беззаветной храбрости, дерзкой отваги, отчаянной решимости. Кто знает Лунина также и по его политическим писаниям,—расширяет и углубляет эту оценку. Герцен писал про него: «Лунин—один из тончайших умов и деликатнейших». Декабрист П. Н. Свистунов вспоминал о нем: «Лунин—характер, носивший печать весьма рельефной и вместе с тем привлекательной индивидуальности... Это был загадочный характер, весь сложенный из противоположностей... Он одарен был редкими качествами ума и сердца... Бесстрашие—слово это не вполне выра-

жает того свойства души, которым наделила его природа». Свистунов говорит о душевной доброте Лунина, о пленительной веселости, об остроумии его и удостоверяет: «Он был того мнения, что настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны, словом и примером, служить делу, которому себя посвятили».

Словом и примером, с постоянной смелостью и беспощадной резкостью Лунин все годы своей Сибирской ссылки служил делу тайного общества и с удивительным самоотвержением вел упорную борьбу за свободу Русского народа. Свои письма к сестре Лунин превратил в политические памфлеты—острое орудие, терзавшее и злившее противника. Он сосредоточил на этом всю силу своей воли, и записи в дневнике свидетельствуют о тяжкой борьбе Лунина с воспоминаниями и мечтами о личном счастье. Писания его распространялись в списках и вызывали сочувствие читателей, что служило автору «могучей подпорой» в борьбе. Но, могучая нравственно, бодрившая дух Лунина и дававшая ему решимость продолжать свою опасную борьбу, эта «подпора» была очень слаба физически. Отважный боец, Лунин посылал в III Отделение свои наполненные едкой критикой и бичующей иронией письма, дразнил медведя в самой берлоге и не сдавался, несмотря на жестокие преследования. Сила солому ломит: укрывшись от дерзких атак Лунина—по его же замечанию—под защиту корпуса жандармов, самодержавие буквально раздавило его.

В одном из своих политических очерков Лунин сказал: «от людей можно отделаться, но от их идей нельзя». Его идеи сослужили свою службу, и Лунин присоединился к сонму мучеников за освобождение родного народа от цепей рабства, физического и духовного. Но произведения Лунина либо разбросаны в разных недоступных современному читателю сборниках, преимущественно заграничных, где они напечатаны с плохих списков, либо до сих пор не опубликованы. Настоящим изданием делается попытка приблизить к читателю писания Лунина — этот голос высокого духа и светлой мысли, по определению С. М. Волконского—и вернуть их автору достойное место среди русских политических мыслителей.

Сочинения Лунина, особенно Письма из Сибири, отражают его выдающийся талант памфлетиста: они написаны горячо и страстно, исполнены убийственной иронии. Они очень сжаты, но богаты содержанием и охватывают самые разнообразные вопросы Русской государственной жизни. Еще ценно, что эти сочинения проникнуты духом творческой критики, и нет в них бессильного брюзжания. В этом смысле писания Лунина—действительно плод десятилетних «размышлений о выгодах родины». Не останавливаюсь здесь на более подробной характеристике этих писаний. Самое содержание их ярко

выявляет личность автора, необходимые же дополнения даются в моих пояснительных статьях и примечаниях—во втором отделе книги.

Отмечу еще, что многое в судьбе и сочинениях Лунина роднит его с другим замечательным русским человеком—П. Я. Чаадаевым. Много в них сходства, много и различия. Есть общее в их личностях, в их значении для развития Русской общественной мысли, но как неодинакова их судьба! Оба были гусары, одновременно принадлежали к кругу Пушкина и к тайному обществу. О Чаадаеве Пушкин сказал, что

Он в Риме был бы Брут,
В Афинах—Периклес,
У нас он—офицер гусарский.

Лунин сам о себе сказал, что в Англии его называли бы: «такой-то из оппозиции», в отечестве—он только «государственный преступник, находящийся на поселении». Оба отстали от заговора задолго до 14 декабря 1825 г. Но Чаадаев, заявив об этом на допросе, сослался на свою старую речь о «безумстве и вредном действии тайных обществ». Лунин, сделав такое же заявление, добавил, что он не ставит себе в оправдание прекращение сношений с тайным обществом, так как «при других обстоятельствах вероятно действовал бы в духе оного». Один остался под надзором полиции, другой послан на вечную каторгу.

Оторванные от жизни, Чаадаев и Лунин старались влиять на русское общество своими писаниями. Правительство преследовало за это обоих, но Чаадаев, об'явленный сумасшедшим, оставлен был в Москве, Лунин замучен в мрачной келье гнилого Акатуя. Неодинаковая судьба обоих—в разности характеров Чаадаева и Лунина: первый разносторонне-образованный, глубокий мыслитель-философ, второй—очень вдумчивый и чрезвычайно начитанный политический деятель. Оба шли к одной цели, но различными путями.

Еще сходство—и не только внешнее: конечной целью своей поставляя освобождение человеческого духа от всякого насилия, оба были ревностными католиками и в признании всеми народами верховной власти Римского первосвященника видели воплощение идеи всеобщего братства. Наконец, есть некоторое сходство в почерке обоих.

Следовало бы привести здесь в подлинниках те произведения Лунина, которые написаны по-французски и по-английски. Но книга разрослась, а увеличение об'ема сделало бы ее совершенно недоступною широким читательским кругам. Нельзя было отбросить обширный пояснительный материал, так как

он необходим для оценки политического значения произведений Лунина. И потому, что историческое значение Лунина не в его художественно-литературных заслугах, а в политической борьбе, можно было ограничиться переводами. К тому же для знакомства со стилем автора, кроме его подлинных русских писаний, воспроизводится здесь цинкографически одно французское письмо. Вместе с тем это факсимиле и воспроизведенная таким же способом заглавная страница его Записной книжки знакомят читателя с почерком Лунина—крепким, четким, сильным—по определению С. М. Волконского—отражающим силу духа, ясность мышления и точность выражения.

Впервые здесь появляются: Записная книжка Лунина (в выдержках), половина текста «Писем из Сибири», «Розыск исторический» и показания 1841 г. Много новых данных к жизнеописанию Лунина в пояснительных статьях и примечаниях, для которых использованы архивные материалы: здесь впервые несколько подлинных показаний Лунина в процессе 1826 года. В дополненном и исправленном виде — по подлинным рукописям автора или по составленным под его руководством переводам—печатаются здесь остальные «Письма из Сибири», «Взгляд на Тайное Общество» и «Разбор Донесения Следственной Комиссии». Письма из Сибири расположены в порядке их составления; отступления, при отсутствии точных дат, оговорены в Примечаниях. Все включенное в прямые скобки принадлежит составителю книги. Пояснительные статьи и Примечания составителя, помещенные во втором отделе книги, выделены шрифтом, отличным от основного—Лунинского—текста. Все примечания помечены заголовками статей, к которым относятся, и снабжены ссылками на соответственные страницы текста. Из помещаемых здесь четырех дошедших до нас портретов Лунина четвертый публикуется впервые. Возможная полнота книги достигнута благодаря дружескому содействию Б. А. Ильина, Р. М. Кантора и Б. Л. Модзалевского. Постоянную помощь оказывали мне советами и указаниями Н. А. Бычков, Н. Д. Игнатьев, Н. О. Лернер, М. Л. Лозинский, В. И. Саитов, П. Е. Щеголев. Всем названным лицам глубокая признательность.

Ноябрь 1922 г.

С. Штрайх

+

+ Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem, propterea sum in exilio.

+ Exégèse. +

Ideoque et nos tantam habentes impositam nubem testium, deponentes omne pondus, et circumstans nos peccatum, per patientiam curramus ad propositum nobis certamen.
Heb: XII. 1.

Сестрѣ моей К. Уваровой.

~~[illegible]~~ Въ Россіи два проводника: языкъ до Кіева, а перо до Шлиссельбурга.

Мой дух, свободный от жалких уз, странствует... Всюду я нахожу Истину и всюду счастье...
Лунин. Зап. книжка, 25/XII 1836.

[ЗАПИСНАЯ КНИЖКА]

Открывается записная книжка титульной страницей, которая начинается следующей латинской фразой:

┼ Я любил справедливость и ненавидел несправедливость и потому нахожусь в изгнании.

По середине выписано по-французски название книжки:

┼ Exégèse ┼ [толкование, из'яснение].

Ниже выписан по-латински § 1 главы XII Послания апостола Павла „К Евреям":

„Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще. Евр. XII. 1".

Затем по-русски:

Сестре моей К. Уваровой.

В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга.

В последней строке было слово „Любезной", но зачеркнуто. На обороте этой страницы, по нумерации Лунина — 2-й, в верхнем левом углу такая запись:

┼ a. graeci. b. Symbolum. Nic. Const. c. Ecclesiae Rom.

На третьей странице — французские записи, относящиеся к ноябрю 1836 года:

┼ Рыцарство имело меньшее влияние на просвещение человечества, чем то, которое ему часто приписывали. Правда, оно придало храбрости некоторые внешние украшения; установило правила вежливости; запечатлело в сердцах начала чести, часто ошибочные; но бурные мстительные страсти были в действительности свободны от его надзора, и даже самые совершенные рыцари часто выказы-

вали такую склонность к жестокости [1]), что ни в чем не уступали своим предкам шестого века.

✝ Недостаточно оценены блага, полученные человечеством благодаря миролюбивому влиянию римских первосвященников. В те века, когда не признавались никакие заслуги, кроме военных,— Европа была бы погружена в беспрерывную войну, если бы папы последовательно не трудились упорно то над сохранением мира, то над восстановлением его. Они обуздывали страсти и сдерживали чрезмерные притязания государей; их сан отца всех христиан давал их выступлениям такой вес, какого не могло иметь никакое другое посредничество; и послы их не жалели ни путешествий, ни трудов, чтобы примирить противоречивые интересы дворов и протянуть оливковую ветвь мира между саблями соперничающих армий.

Под чертой на той же странице—позднейшая приписка, по-французски:

После разрушения западной Римской Империи все христианские государства в Европе, за исключением одного [2]), принадлежали, вплоть до XVI века, к латинской церкви. В Российской Империи, как издревле в Византии, религия, отвлекаясь от ее божественного происхождения, есть одно из тех установлений, посредством которых управляют народом; изменения, которым подверглась Восточная Церковь, исходили от светской власти или получали ее одобрение; служители Церкви—в то же время прислужники государя.

На странице четвертой, после ряда французских выписок из Евангелия, есть такие французские записи:

✝ Западная церковь никогда не прибегала к сомнительному и опасному опыту—взывать к страстям и народной буйности; она хотела действовать на разум, искоренять злоупотребления посредством постепенного улучшения национальных учреждений. ✝ У нее была та сила, которая дается глубоким убеждением, честною целью и благородными стремлениями.

Рядом следует на той же странице несколько французских заметок, отделенных от предшествующих крестиком посреди строки, вроде новой главы. Эти заметки относятся к русским тайным обществам 1820-х годов.

✝ Их усилия стали казаться осуществимыми и вызвали самые бурные страсти приверженцев неограниченного правления. ✝ Движение было чисто нравственным и духовным, но они почувствовали необходимость задушить его в зародыше. ✝ Неот'емлемые права человека. ✝ 26/14 декабря—только досадное столкновение.

---

[1]) Здесь сбоку: „в 1325 году“.

[2]) Поставлены скобки и оставлено пустое место, но не вписано название этого государства.

На странице пятой ряд переходящих на следующую страницу русских записей—о бессмертии души и т. п. Начинается страница крестом сверху и заглавной строкой:

1836. Зима.

Затем под 1, 2, 3, 7, 10 декабря, между прочим, записано:

Смерть истребляет корень греха, который всегда живет в нас, хотя не всегда обнаруживается. Поэтому она необходима и желательна... Человек, вступая в лоно Церкви, приносится в жертву и освящается. Жертвоприношение продолжается во всю жизнь его и кончается смертию. Действуя на одно тело, смерть не пресекает сношений между душами... Посредницею этих таинственных сношений есть Церковь... Смерть есть сильнейшее свидетельство о любви. Смерть также сильнейшее свидетельство о истине... В книге Иова разительное свидетельство о бессмертии души...

Подкрепляются эти афоризмы выписками из Евангелия с точными ссылками на главы.

На странице 7-й несколько французских записей того же времени.

„*25. Рождество.* Тело мое испытывает в Сибири холод и лишения, но мой дух, свободный от жалких уз, странствует по равнинам вифлеемским, бдит вместе с пастухами и вместе с волхвами вопрошает звезды. Всюду я нахожу Истину и всюду счастье.

Дальше—позднейшая приписка:

┼ NB. Понять условия нашего времени. ┼ Надо выйти из круга старых представлений, стряхнуть старые привычки, приспособить к новому политическому строю новые основы военной организации.

На странице 8-й, под заглавием

1837. Зима

зачеркнута французская запись от 1 января и под тем же числом приведен ряд выписок со ссылками на Евангелие, с переходом на дальнейшие страницы вплоть до 11-й, по-русски и по-французски. Содержание этих записей видно из следующих выдержек:

Генварь 1. Церковь устроена Богом... Непогрешительна... Непреодолима... Католическая... Видимая имеет видимого главу, преемника Св. Петра, по праву Божественному... Греки и армяне, исключившие одно слово из Символа Веры, имеют только три Литургии, один монашеский орден. Храмы их не оживляются вздохами органов и гармониею музыкальных орудий, которую одни голоса не в состоянии заменить. Одежда священников не отвечает условиям изящного в живописи, устройство церкви—изящному в Архитектуре...

Под 30 января 1837 года записано по-русски:

30. Никакой порядок вещей не может существовать без начала власти. Усилия сект состоят в том, чтоб заменить власть католической церкви другими властями. Одни избрали Патриархов, Суперинтендентов, признали светские власти; другие допустили произвольное толкование, чувство, инстинкт и т. д. и т. д.

Все стремились к свободе, и нашли порабощение. Как свобода состоит в повиновении законной власти, так порабощение есть подлежание незаконной [1]) власти.

И позднейшая приписка по-французски и по-латыни:

+ NB. Всеобщий беспорядок—легко, и мне видеть в молчании.

Дальше под отделяющей чертой:

NB. Политическое состояние мира—это распределение, сделанное умом человеческим, чтобы установить права и определить поведение себе подобных.

Страницы 12—18 заняты русскими, латинскими и французскими выписками из Плиния младшего и других древних писателей и из Евангелия о зарождении христианства. На странице 19-й, под 25 февраля 1837 года, записано по-русски:

Философия всех времен и всех школ служит единственно к обозначению пределов, от которых и до которых человеческой ум может сам собою идти. Прозорливый вскоре усматривает эти пределы и обращается к изучению беспредельного Писания. Но она опасна для обыкновенных умов своим пустословием...

Под 26 числом читаем:

Политические идеи в постепенном развитии своем имеют три вида. Сперва являются как отвлечение, и гнездятся в некоторых головах и в книгах; потом становятся народною мыслью, и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством, требуют непременного удовлетворения и, встречая сопротивление, разрешаются революциями. В России идея гражданской свободы—отвлечение: идеи национальной независимости, нераздельности, распространения чувства.

Под 27 февраля записано:

27. Через несколько лет те мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни. Одни сочинения сообщают мысли, другие заставляют мыслить [2]). Мысли проявляются мне на Французском и Русском языках, религиозные иногда на Латинском. Скорбное

---

[1]) Было „бесправной", но зачеркнуто. Сбоку вдоль всей этой записи, в III отделении, сделана карандашная пометка в виде вертикальной черты.

[2]) Дальше—переход на 20-ую страницу.

свидетельство падения, что даже внутренние мысли души требуют материальной формы [1]). Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога Иисусом Христом Господом нашим (К Римлянам, VII. 24) [2]).

Дальше, на странице 20-й, есть позднейшая французская запись о католической церкви, помеченная 2-м января 1839 года. А на странице 21-й, под заглавием:

1837. Весна

помещена в виде французской записи дневника под 1 марта черновая, первоначальная редакция письма от 1 мая 1837 г., переписанная с значительным дополнением на стр. 69-й, куда и отсылает автор особой пометкой в конце черновой редакции (на 22-й странице Записной книжки). Вслед за этим, на той же странице 22-й, под чертой, есть французская запись дневника от 7 марта, по содержанию имеющая внутреннюю связь с письмом от 1 марта—1 мая, но в окончательную редакцию не перенесенная.

7. Католическая религия воплощается, так сказать, видимо в женщинах. Она дополняет прелесть их природы, возмещает их недостатки, украшает безобразных и красивых, как роса украшает все цветы. Католичку можно с первого взгляда узнать среди тысячи женщин по осанке, по разговору, по взгляду. Есть нечто сладостное, спокойное и светлое во всей ее личности, что̀ свидетельствует о присутствии Истины. Последуйте за ней в готический храм, где она будет молиться; коленопреклоненная перед алтарем, погруженная в полумрак, поглощенная потоком гармонии, она являет собою тех посланцев Неба, которые спускались на землю, чтобы открыть человеку его высокое призвание. Лишь среди католичек Рафаэль мог найти тип Мадонны.

Посмотрите на секты в их храмах: притворство, раболепство, грубое и неловкое принуждение; не говорю уже о тех религиозных собраниях, где танцуют, трясутся, пророчествуют и т. д. Везде, за исключением католической церкви, женщина, приближаясь к Источнику милостей, должна отречься от отличительного свойства своего пола, которое заключается в прелести [3]).

Приведенная запись переходит на страницу 23, где имеется ряд русских выписок из Евангелия в подтверждение мысли, выраженной под 15 марта 1837 года, о том, что „католическая истина о происхождении Святого Духа от Отца и Сына основана на словах св. Писания". При этом все ссылки на Евангелие сделаны в скобках по-французски. На следующих страницах (24 — 25) эти русские выписки перемешаны с латинскими, а страницы 26—27—28 заняты подтверждающими латинскими выписками из

---

[1]) Дальше—по-латински.

[2]) Это выписка из §§ 24 и 25 гл. 7-й Послания апостола Павла к Римлянам.

[3]) la grâce.

греческих отцов церкви. На странице 28 эти выписки переходят в написанные по-русски рассуждения о расколе:

К этому надо присовокупить мнение латинских отцов церкви, Св. Августина, папы Льва, папы Григория В., которых авторитет равномерно признается отпадшими Греками.

Раскол Греков есть дело политическое, а не религиозное, как мы увидим из изложения исторических фактов. Вопросы религиозные служили только предлогом. Настоящею целью было присвоение власти.

В Истории Реформации то же явление. Но начальники Реформации действовали с большею последовательностью. Они поняли незаконность свою, предвидели невозможность удержать присвоенную власть и решились разделить ее с светскими властями. Они уступили капитал с тем, чтоб пользоваться процентами. Этим об'ясняются их быстрые успехи и оседлость настоящего положения. Начальники Греческого раскола, увлекаясь теми же побуждениями, но не имея сметливости реформатов, при самом отпадении от законной власти впали в унизительное порабощение. Дом их разделился. Патриархи и Митрополиты, враждуя между собою, не могут определить взаимных отношений. Одни сгибаются под палку Мусульманина, другие покорствуют тайной Полиции, третии вводят новые расколы, все служат дьяволу, чтоб сохранить призрак власти над участками стада, ими же в гибель увлеченного. Погибнут навеки [1]).

Дальше на странице 29—французские заметки о церковном авторитете, а на странице 30, под 9 апреля, французские записи, которые имеют прямое отношение к упомянутому выше письму от 1 мая и отчасти, в первой половине, к письму от 27 июня 1837 года.

9 апреля [1837 года]. Я слышал пение впервые после десятилетнего заключения. Музыка была мне знакома; но в ней была для меня прелесть новизны благодаря контральтовому голосу, а может быть благодаря той, которая пела [2]). Ария Россини произвела впечатление, которого я не ожидал. Музыка опаснее слов неопределенностью своего выражения. Она приспособляется ко всему, не выражает ничего положительного и украшает все то, что выражает. Это язык окружающего нас невидимого мира, часто это язык тех воздушных сил, с которыми нам приходится бороться. Блаженный Августин находит, что приятные впечатления от музыки — тягостны. „Когда случается, говорит он, — что я более тронут самым пением, чем словами, которые оно сопро-

---

[1]) Последняя фраза—по-латински.

[2]) В 1837 году в Урике жила с мужем-декабристом княгиня М. Н. Волконская, имевшая прекрасный голос. Друг С. Г. Волконского, Лунин часто навещал их. Кроме указанного выше письма, см. еще письмо от 25 ноября 1837 года—о княгине Волконской.

вождает, я признаю, что согрешил, и тогда я предпочел бы не слышать пения (Исповедь, книга 8)". Если есть зло в пении, сопровождающем псалмы царя-пророка, то что же сказать о музыке, выражающей разнузданные людские страсти?

Однако, смятение, вызванное слышанным пением, все еще продолжалось. Несмотря на усилия мысли вознестись в свойственную ей эфирную высь, она блуждала по земле. Воображение воспроизводило всевозможные видения: старинный замок с зубчатыми башенками, молодую владелицу замка с лазоревым взглядом, ее белое покрывало, развевающееся в воздухе, как условный знак, голоса серенады и лязг оружия, нарушивший гармонию. Безумные, преступные мечты моей юности!

Но с вечерней молитвой дьявольские наваждения рассеялись. Я возблагодарил Господа за то, что он мне показал, как сам по себе я слаб и как я силен с помощью того, кто укрепляет меня. Все могу в том, кто меня укрепляет (к Фил., IV, 13) [1]).

Под 15 апреля, непосредственно за предыдущей записью, читаем (в подлиннике по-французски):

Бури мысли возникают внезапно, как бури в океане, но мука их длится дольше. Мы можем вызвать их, но не можем сами их успокоить.

Лишь на корабле католической церкви они безопасны. Таинственный путник, повелевающий стихиями, всегда здесь: спит ли он или бодрствует. Надо лишь произнести: Господи, спаси нас, мы погибаем,—и спокойствие возвращается.

Рядом с этим, на странице 31, которая начинается последним абзацем записи от 9 апреля, читаем по-французски:

16 [апреля 1837 года]. Католические страны имеют живописный вид и поэтический оттенок, которых тщетно искать в странах, где владычествует Реформация. Эта разница дает знать о себе рядом смутных впечатлений, не поддающихся определению, но в конце концов покоряющих сердце. То видимый путнику на горизонте полуразрушенный монастырь, чей дальний колокол возвещает ему гостеприимный кров, то воздвигнутый на холме крест или Богоматерь среди леса,—указуют ему путь.

Лишь около этих памятников истинной веры слышится романс, каватина или тирольская песня. Для бедной Польши воскресенье—семейный праздник, для богатой Англии—это день печали и принужденности. Эта противоположность особенно сильно чувствуется в дни торжественных праздников. Католики окружают свою Мать-церковь, в простоте сердца, с самозабвением и полным упованием

[1]) Выдержка из послания ап. Павла к Филиппийцам приведена у Лунина по-латински. В русском синодальном тексте она читается так: „Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе".

исполняют предписанные ею обряды, счастливы ее радостью; сектанты суровы и необузданы, ищут причины, почему надо радоваться, или погружаются в излишества, чтобы избежать терзающего их сомнения.

18 [апреля]. *Праздник Пасхи.* Христос воскрес!

Мы обладаем способностью любить и должны направлять ее к нашему Творцу, а через него и к созданиям его. В противном случае, чем более мы способны чувствовать, тем более мы несчастны. Если бы человек мог познать ангела, он полюбил бы его и стал бы несчастным.

Отврати взор мой от совершенства в творениях Твоих, чтобы душе моей не было препятствия в стремлении к тебе. Есть прелести в творениях Твоих, которых я, в своем падении, не могу без смятения видеть; дьявол всегда тут как тут, чтобы использовать это мгновение. Рыщет точно лев рыкающий [1]).

Все эти записи с 31 страницы переходят на 32, а затем страницы 33—38 вырваны весьма небрежно, повидимому, самим Луниным. Страница 39 занята записью, под 1 июня 1837 года, о различии между католицизмом и реформатством. На страницах 40-41 — рассуждение о французской литературе, по-французски же.

7 [июня]. „Литература претерпела во Франции нечто вроде революции, которой придают слишком большое значение. Перемена — условие, свойственное заблуждению. Против новой школы, называемой романтической, гремят также неосновательно, как и восхваляют старую, классическую. Обе одинаково вредны, поскольку они выявляют ложь. Классическая школа имела целью изображать природу совершенную, которой нет, ибо наша природа греховна. Эта мысль—наследие язычества. Отсюда рабское подражание древним, преувеличение, сухость, педантизм и все недостатки, которыми попрекают эту школу. Послушаем монаха XVII века: „Довольно есть творений, благ, красот этого мира, чтобы внушить людям заблуждения, чтобы отвратить их от Бога, который собственно является их целью: в нем одном воплощается высшее совершенство, лишь слабым отражением которого являются даже самые удивительные создания его...“

Следует большая выписка со ссылкой: Réflex. sur l'art poétique, du K. P. Lamy, de l'Oratoire, 1678 г. [2]), а затем Лунин пишет, по-французски:

Наконец, наскучило пресыщение воображаемым совершенством. Принялись воспроизводить несовершенство человеческой натуры, с такой же фальшью, в привлекательных формах и красках. Искусственное безобразие заменило искусственную красоту. Вот проис-

---

[1]) Последняя фраза—по-латински.

[2]) Bernard Lamy, 1640—1715, французский философ и ученый, оставил сочинения по вопросам религиозно-философским, о литературе и др.

хождение романтической школы. Она погружается в грязь, как ее предшественница терялась в облаках. Следствие одно и то же; но ее влияние вероятно будет менее прочным и менее гибельным; ибо скорее чувствуют отвращение к дьяволу при виде его рогов, чем когда он предстает в образе ангела света.

Страницы 42—45 наполнены французскими, вперемежку с русскими записями, под 15, 16, 17 июня, о преимуществе католической религии. Здесь много зачеркнутых строк, много позднейших, 1840 года, записей, есть даже—после тщательно зачеркнутой французской записи—строка по-английски: „Милостивый государь, остаюсь с совершенным почтением ваш друг М. Л.". На странице 45, под 1 июля 1837 года, среди ряда французских записей есть и такая:

Привычка имеет большое влияние на слабые умы. Рожденные в ереси, они постоянно имели перед глазами вид ее кривлянья. Она связана с воспоминаниями их детства, юности, со всей повестью их жизни. Они остаются в ней, потому что к ней привыкли. Прекрасно. Но смогут ли они так же привыкнуть к вечному огню ада?

На странице 46, над тщательно зачернутыми французскими записями указанного времени, вписаны подобные же рассуждения позднейших лет и есть английское обращение, которым Лунин начинал письма к Е. С. Уваровой: „дорогая сестра". Страницы 47—50 вырезаны, повидимому, Луниным. На странице 51 есть русская запись (за июль 1837 года), продолжающая, повидимому, рассуждения, которые были записаны на недостающих страницах:

Везде были и есть злоупотребления, но нигде не было подобных соблазнов. Тут зло проистекает не от людей и страстей, которые могут измениться и утихнуть, а от ложных начал, которые неминуемо ведут к одним и тем же результатам [1]). Греко-Российская церковь будет равно привержена ко всякому правительству, которое учредится в России. Не имея в себе начала законной власти, она по необходимости должна покорствовать предержащей власти, но она препятствует водворению представительного порядка вещей, который повсюду развился под влиянием католицизма.

Кроме этой записи, на той же странице есть еще письмо к иркутскому исправнику от 4 мая 1840 года, которое приведено ниже, в примечаниях к письму от 7 июля 1837 года, и несколько французских фраз о сектах. Есть среди них и английское вступление к ненаписанному письму: „милостивая государыня". На странице 52 имеются такие французские записи:

1 августа [1837 г.]. Преобладание человеческого разума в области веры—основной догмат протестантизма.

Вера, постигающая бесконечное, подчинена разуму, который ограничен. В этом заключается внутреннее противоречие.

---

[1]) То, что выписано дальше, до конца абзаца, в подлиннике тщательно зачеркнуто и дважды переделывалось автором. Здесь приводится одна, более законченная, редакция зачеркнутой фразы.

┼ Вера превышает наш разум; но причины, побуждающие веровать, находятся в его компетенции и должны быть ему ясны: для разумного служения вашего (к Римл. XII, 1) [1]).

Протестантизм—религия умов ограниченных...

И т. д. в таком же роде на страницах 53—56. На страницах 57—58 и дальше есть любопытные французские записи о важности изучения древних языков.

┼ 27 [августа 1837 года]. Изучение мертвых языков, особенно греческого и латинского,—ключ к высшему знанию. Первый служил проявлению человеческой и божественной мысли; второй был орудием соединенной материальной и умственной силы; тот и другой ведут к познанию предания.

Важность предания, содержащего и причины, и свидетельства веры, определяет важность этих языков и безусловную необходимость их изучения.

Помощь перевода недостаточна. Он передает только мысль, никогда [не передавая] чувства во всей его свежести и полноте. Чувство исходит из самого слова, как благоухание из цветка. Даже лучшие переводы напоминают химические приемы, посредством которых приготовляется искусственный запах розы. Если бы перевод мог воспроизвести подлинник вполне, было бы тщетно слово Писания: дабы не слышал каждый голос ближнего своего (Бытия, XI, 7) [2]).

Исключения нет из этого всеобщего закона, кроме как для Писания, которое сохраняет свою силу даже в несовершенных переводах. Но Писание—исключение во всех отношениях.

Языки раскрывают дух, учения, установления, характер, нравы древних народов. Они дают об'яснение историческим событиям, в которых последние участвовали. Одна страница Тацита лучше знакомит нас с Римлянами, чем вся история Роллена или мечтания Гиббона [3]). Надо читать и изучать творения древних не для того, чтобы открыть в них тип идеальной красоты, как утверждают риторы, но чтобы постигнуть гармонию целого с его разногласиями, добро и зло, свет и тени. Все это одинаково необходимо, чтобы составить себе представление о том, чем было человечество до Откровения и после него.

---

[1]) Заключительные слова из § 1 главы 12 из „Послания ап. Павла к Римлянам“ выписаны по-латински. Вот они в контексте, в синодальном переводе: „Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего“.

[2]) Выписка из § 7 гл. 11 первой книги Моисеевой—Бытия—у Лунина приведена по-латински. Вот ее контекст по синодальному переводу: „сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого“.

[3]) Ш. Роллен, французский историк (1661—1741 г.), автор „Римской истории“. Э. Гиббон, английский историк (1737—1794), автор „Истории разложения и упадка Римской империи“.

Далее следуют ссылки на апостолов, причем латинским выпискам из них предшествует, на странице 59, такое вступление:

Святой Павел ставит знание языков наряду с апостольством, с пророческим даром и с даром чудес.

А затем читаем, по-французски же:

Изучая их в указанном только что смысле, мы трудимся, чтобы заслужить эту Благодать. Она как бы заранее предчувствуется в прелести преодоленных трудностей по мере того, как подвигаются в изучении; в проблесках, освещающих ум по мере того, как расширяется область познания; в невыразимом чувстве, испытываемом при приближении к Истине.

Почему эти языки называются мертвыми?. В них больше жизни, чем в наших новых наречиях. Греческий язык всегда орудие милости: язык ангелов [1]). Латинский употребителен среди ученых и подвергается изменениям, как живые языки. Затаенная мысль заимствует иногда их изящные формы в беседе, происходящей в нас самих; внутреннее чувство прибегает к их гармонической просодии в молитве духа: стану молиться духом (I к Кор. XIV, 15) [2]).

Все народы изучают эти языки. Это единодушие подкрепляет мои мысли...

Кончаются эти записи на странице 60 и на ней же, под чертой, следуют записи, под 1 сентября 1837 года, по-французски:

1 сентября. Утверждают, что протестантство благоприятно политической свободе. Исторические факты доказывают противное:

Оно проникает через вершины политического устройства: князья, дворяне, чиновничество и т. д.

Оно не имело успеха в странах республиканских: Польша, Генуя, Венеция, Феррара. В Швейцарии оно преуспевает только в аристократических кантонах; кантоны демократические—Швиц, Ури и Унтервальден—его отвергают.

Следует еще ряд ссылок на другие страны, в роде такой:

Пруссия, Саксония, Дания — колыбель протестантизма — самодержавные монархии...

И заключительная фраза:

Из заблуждения не может произойти ничего доброго — даже косвенно.

Под 29 сентября, на страницах 61—62, изложены по-французски мысли, вызванные чтением „Потерянного Рая“. Страница 63 начинается следующей записью по-французски:

---

[1]) В подлиннике эти два слова—по-гречески.

[2]) Выписка из § 15 гл. 14 первого послания ап. Павла к Коринфянам—у Лунина по-латински. Вот ее контекст в русском синодальном переводе: „Стану молиться духом, стану молиться и умом“.

14 октября [1837]. Не будем смешивать смирение с уничижением. До первого возвышаются, до второго падают. Когда дело коснется добродетели, займем последнее место; когда оно коснется познания, займем то, которое указало нам Провидение. Не будьте детьми умом (1 к Кор. XIV, 20) [1]). Степень познания определяется так же легко, как и сравнительная высота роста ✝.

На той же странице, под 1 ноября, по-французски—первая редакция письма от 25 ноября 1837 года, окончательная редакция которого—на стр. 75. Кончается эта запись на середине страницы 64, а дальше, с переходом на 65,—запись по-французски о греческом языке, сделанная гораздо позже многих записей, внесенных на дальнейшие страницы:

✝ 1838. *февраля 4*. Греческий язык прост в своем сходстве, бесконечно сложен в своем устройстве и своей гибкости; ясен, силен, изящен в своем сочетании; нежен, разнообразен и гармоничен в просодии: язык ангелов [2]). Развитие его, в условиях самых неблагоприятных, при постоянных переселениях и изгнаниях, среди смешения различных орд,—факт замечательный. В эпоху Гомера и Гезиода он уже обладал всеми своими совершенствами. Платон говорит, что во времена Тамиса и Орфея, задолго до Гомера, он был уже необычайно приятен (Плат. о законах, кн. 8). Ему, как и латинскому, приписывают восточное происхождение. Но он существенно отличается от восточных языков. У него своеобразный тип, исключительный характер. Впрочем, мысли ученых о происхождении языков—не более как предположения, более или менее остроумные. Смешаем языки их [3]). Вот происхождение языков. Всякое другое об'яснение точно так же приведет к чуду, но лишенному авторитета. Что касается совершенствования языков, то это общепринятое заблуждение. Языки суть языки, по закону, превышающему наше разумение. Человеческая наука никогда не могла прибавить ни числа, ни времени, ни падежа, ни произвести какое-либо органическое изменение. Мнимое совершенствование ограничивается заимствованием нескольких иностранных слов, изменением смысла и порядка местных слов. Это придает внешний лоск. Но обогащаясь таким образом, языки склонны слабеть. В англо-саксонском языке были падежи и двойственное число, которые потерялись в смешении с французско-норманским наречием, из чего произошел современный английский язык. Двойственное число греческого языка не повторяется нигде, кроме древних авторов. Русский и польский языки богаче, но слабее славянского, из которого они произошли.

---

[1]) Выдержка из § 20 гл. 14 первого послания к Коринфянам приведена по-латински. Вот ее русский контекст в синодальном издании: „Братья, не будьте детьми умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни“.

[2]) В подлиннике последние два слова—по-гречески.

[3]) В подлиннике—по-латински.

На странице 66, под 4 февраля—французские заметки о Гомере, как об историке. На 67-й французская запись, повидимому, более позднего происхождения, чем предшествующие и последующие.

+ (862. IX век) [1]. Славяне, призывая авантюриста Рюрика и его шайку, имели в виду защиту своих границ от воинственных соседей и кочующих орд, бродивших в то время по Европе (Болгары, Авары, Франки, Финны, Хозары и др.) [1]). Многие народы, слабые в начале своего существования, прибегали к этому средству, которое всегда имело роковые последствия для свободы страны...

И дальше примеры из истории Европы в начале Средних веков. На странице 68, среди других французских записей, есть и такие, относящиеся, повидимому, к 1838 году:

В эпоху растущего духа свободы и всеобщего изучения наук люди менее снисходительны к притязаниям высших классов и более склонны отмечать их недостатки.

Плоды просвещения: [стремление] изучить основы управления и противопоставлять права подданных притязаниям государя.

На страницах 69-70 — окончательная редакция письма от 1 мая 1837 года, первая редакция которого, под 1 марта, занесена на страницу 21-ую.

На странице 71—письмо от 27 июня 1837 года, переходящее на стр. 72, а за письмом—русские заметки, относящиеся к историческим занятиям Лунина:

+ Р. Летописи: a) Нестор, Монах К. писал в последней половине XI в. В последних годах этого столет. продолжает некто Васили.

b) В 1110 году: Сильвестр, Монах Выдобицкого м. близ Киева.

c) С тех пор нет имен, кроме переписчиков. До XIII века единство текста доказывает продолжение одной летописи лицами, следовавшими др. за др. до XVII. Писали разные люди в разных местах и разнообразно. Имена неизвестны.

d) Степенная книга, при Иване Гр.

e) Летопись Никоновская, безобразное извест. р. Летоп. К XVII летописи прекратились. Академия пр. П. I.

f) Синопсис, архим. Гизеля. Учебная кн. Штор. fables.

g) Начинается критика: Байер, Эмин, Щербатов, Ломоносов, Болтин, Шлецер, Миллер, Эверс и др. [2]).

На странице 73—письмо от 29 сентября 1836 года, на 74—французские записи, более позднего времени, о преимуществе ограниченной монархии перед неограниченной. На 75—письмо от 25 ноября 1837 года (окончательная

---

[1]) То, что в круглых скобках—у автора по-русски.

[2]) Более подробное изложение взгляда Лунина на русскую историю—ниже, в его очерке: „Розыск Исторический".

редакция; первоначальная запись на 63 стр.), переходящее на 76-ую, где продолжены рассуждения об управлении, начатые на 74 странице, — по-французски:

Правительства подали первый пример большинства тех поступков, за которые они впоследствии признали своих подданных заслуживающими смертной казни. Первые негритянские суда были снаряжены Елизаветой Английской в 1567 году. Подделка денег или выделка фальшивых монет была начата государями в Англии, во Франции и в других странах. Нарушение договоров предшествовало нарушению присяги со стороны подданных и преступлениям государственной измены. Монополия, вводимая правительствами, создала спекуляции и монополии торговых обществ и т. д. и т. д. + Продолжая исследование, можно установить, в какой школе чернь воспринимает теорию своих преступлений... Идея злостного банкротства была подана примерами правительств.

Далее—отрывочные записи:

+ Следствия, которые и т. д., могут быть об'единены под тремя пунктами.

+ Топор палача превращает осужденного в свидетели за или против его судей перед судом потомства.

Страницы 77—80 вырезаны Луниным, на странице 81, с переходом на 82-ую,—письмо от 1 мая 1838 года, к которому, до известной степени, относятся как приведенные выше рассуждения, так и последующие, со страницы 82 (по-французски и позднейшего времени):

+ NB. Во Франции обвиняемые всегда доказывают свою невиновность; в Англии они могут говорить о своей невиновности или о своей вине. В случае невиновности они отвергают все обвинение целиком; в случае виновности признают факт и выставляют в свою пользу смягчающие обстоятельства.

+ Обычай заставлять людей обвинять самих себя—варварский и несправедливый. В подобных случаях позволительно пользоваться двусмысленностями, а в случае необходимости подтвердить их присягой...

Страницы 83—84 заняты французскими рассуждениями о нравственном и политическом развитии Англии, а под чертой, на 84, обведена рамкой следующая французская заметка, относящаяся к 1839 году:

+ Как человек, я только бедный ссыльный; как личность политическая — представитель известного строя, которого легче изгнать, чем опровергнуть.

+ Бич сарказма так же сечет, как и топор палача.

Дальше, вне рамки, ряд относящихся к осени 1839 года записей, в которых намечено содержание некоторых помещенных ниже „Сибирских писем“:

+ Предметы для обсуждения: a) в пользу ссыльных поляков +. b) в защиту писем +. c) Освобождение крестьян +. d) гласность. e) ход управления после 1826 года +. f) Эклезиаст политический. g) Сибирские письма; устройство тайного общества [1]). h) Греческая история: Фемистокл и другие изгнанники +.

Страницы 85—88 вырезаны, повидимому, автором; на 89—запись от 16 октября 1839 года, вошедшая позднее в письмо от 21 ноября 1839 года, а под нею, под чертою, три темы:

+ Об идее цареубийства, приписываемой тайному обществу. + Законодательная и судебная история Англии; извлечь из Лингара [2]). + Греческие рабы.

Страница 90 занята доказательствами, по-французски, происхождения всякой человеческой власти от Бога. Здесь же, внизу, заметка, давшая возможность установить дату письма от 21 июля 1840 года:

+ 1840. 25 мая, утро. Варка исчезла. Ее ищут тщетно. Революция. + Да будет благословен Господь. Она отыскалась.

На странице 91—французские записки о святом Василии Великом и об его литургии. Они обведены заключающей чертой, а над нею, в числе других, такая французская запись:

Идея о верховной власти народа — пустая мечта в ряду других химер...

На стр. 92, после рассуждений о французской революции, Лунин переходит к русскому восстанию 1825 года (по-французски):

Выдающиеся люди эпохи находятся в глубокой ссылке, в Сибири; посредственности во главе управления.

+ Ослаблять действие просветительных элементов действием ретроградных порядков—их единственная забота.

+ Люди погрешают против правительства, потому что само оно погрешает против принципов...

Основы общественного порядка, безопасности и мира заключаются в народе, а не в правительстве, которое притязает на право распоряжаться этими благами. Вообще, оно получает больше, чем дает, а круг его действия более ограничен, чем оно воображает.

Рассуждения эти переходят на страницу 93—95, где имеются такие записи, относящиеся к 1840 году:

+ Слишком много кричат о свободе народа и теряют из виду свободу Власти. Свободно ли наше правительство? Нет.

---

[1]) Сравнить для отдельных пунктов след. письма: a) от 5—17 ноября 1839 года, b) предисловие, c) от 22 октября 1839 года, d) от 15—27 сентября 1839 года, g) „Взгляд на тайное общество".

[2]) Дж. Лингар (Lingard) 1771—1851, английский историк.

+ Есть наивная и идиотская простота во многих наших официальных актах, как, например, в извлечении тела генерала Багратиона [1]) и т. д.

+ События вытекают из законов логики.

+ Политические изгнанники образуют среду вне общества. Следовательно они должны быть выше или ниже его. Чтобы быть выше, они должны делать общее дело, и полнейшее согласие должно господствовать между ними по крайней мере наружно.

+ Это сильные и славные личности.

+ Не следует смешивать с честолюбием, желаниями, восторгами, поэтическими движениями [2]), возникающими на поверхности общества, и т. д.

Они рассматривали вещи в их целом и, отмечая подробности, избегая частных случаев, оставляя ограниченный круг мелочей, они приступили к вопросам органическим, составляющим основу общественного порядка.

Они выводили каждый важный факт из общей идеи.

Отсюда неизменность принципов: свидетельство истины и ручательство за успех.

+ Они скрепили своею кровью дело свободы.

+ Общество в России являет однообразное зрелище мелких личностей, мелочных интриг и ничтожных результатов.

+ Надо различать две вещи—установления и обычаи. Обычаи были сами по себе. Вообще не было или было мало гражданских и политических признаков [3]).

+ Сущность предпринятого ими дела избавляет нас от стеснений, которых на первый взгляд требует их положение в изгнании. Между ними и толпой — пропасть, в которой теряются угодливое замалчивание и обычные суждения. Можно говорить о заблуждениях и ошибках этих апостолов свободы, как Писание говорит о дани, принесенной человечеству апостолами веры.

+ В нашем политическом устройстве пороки не заблуждение, но—основа. Выявление основ порядка было тем более чувствительно и успешно.

+ По отношению к государю не может быть ни ненависти, ни любви.

+ Классы [общества] не разделены никакой непроходимой преградой: этого достаточно, чтобы переносить угнетение одних другими.

---

[1]) 5 июля 1839 года тело героя 12-го года князя П. И. Багратиона (род. 1765 г., умер 1812 г.) было похоронено в ограде памятника на Бородинском поле, куда оно было перенесено по повелению Николая Павловича из могилы в с. Симы, Владимирской губернии.

[2]) Порывами благородными, но мгновенными (выноска *Лунина*).

[3]) Préjugés.

+ Вообще права бывают трех родов: политические, гражданские и естественные. Первые не существуют в России, вторые уничтожены произволом, третьи—нарушены рабством.

+ Основное положение в законоведении, что каждый обвиняемый считается невиновным, пока он не будет признан виновным [1]).

Первое правило в уголовном деле—что никто не может быть судим иначе, как равными себе [1]).

+ Закон 1840 года создает новые различия между людьми, препятствующие установлению законных отношений, основанных на взаимности, — что является единственной справедливой основой человеческих отношений.

+ Основное положение, признанное всеми разумными законодательствами, заключается в том, что в уголовном деле наказания должны быть определены законами. Закон 1840 года предоставляет усмотрению судьи наказание ссыльного...

+ Есть основное священное положение, что никто не может творить суд сам и что всякий пострадавший должен обратиться к судебным властям, которым законом поручено вынести приговор между истцом и обвиняемым [1]).

Этим кончаются записи на странице 95-й; затем следуют пронумерованные Луниным страницы 96—149, разлинованные, как предыдущие, но без единой записи. На странице 150—такая французская запись—перечень „Сибирских писем“:

+ Новая серия. Ave Maria gratiaplena! [2]).

+ Ссылка. 27-15 сентября 1839. № 1, и письмо к шефу жандармов +

+ Ссылка. 3 ноября-22 октября 1839. № 2. Суета.

+ Ссылка. 10 ноября-29 октября 1839. № 3. Рабы.

+ Ссылка. 17-5 ноября 1839. № 4. Поляки.

+ Ссылка. 3 декабря-21 ноября 1839. № 5. Ссылка.

+ Ссылка. 27-15 декабря 1839. № 6. Процесс.

+ Ссылка. 3 января 1840-22 декабря 1839. № 7 [слово неразб.] + Пестель +.

+ Ссылка. 1 января 1840-20 декабря 1839. № 8. Летус.

+ Ссылка. 10-22 января 1840. № 9. Отказ от писания +

+ Ave Maria gratiaplena!

---

[1]) Здесь ссылки на закон 1840 года.

[2]) Католическая молитва Богородице. См. ниже „Сибирские письма“, в большинстве под указанными числами, и примечания к ним.

Нумерованные страницы 151—153 чисты, а на 154-й—несколько французских и русских отрывочных фраз, из которых разобраны следующие:

+ NB. *Предание.* Итак, братия, стойте и держите *предания* (Фесс. 2.2.14) [1]).

+ Я исполнен утешением, преизобилую радостию, при всей скорби нашей (II Кор. 7.4) [2]).

+ Возвращение [неск. слов неразб.] 1840. 10 октября.

+ 1840. На сеннике 60 копен. В зароде 40 копен, дом. сенокос [3]).

---

[1]) Выдержки из второго послания ап. Павла к Фессалоникийцам, гл. 2, § 15. В подлиннике—по-французски.

[2]) Выдержки из второго послания ап. Павла к Коринфянам, гл. 7, § 4. В подлиннике—по-французски.

[3]) Последняя запись—по-русски.

Мои письма служат выражением убеждений, которые повели меня на место казни, в темницы и в ссылку.

Лунин, Письмо 30-е.

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ

[Предисловие]

1839. Августа 17. Иркутск.

Письма из Сибири, по своему политическому содержанию, обратили на себя внимание Правительства. Генерал-губернатор передал мне повеление не писать в течение года. Запрещение излагать свои мнения свидетельствует о важности их и о той робости, которую вообще люди ощущают при первом взгляде на истину, пока не узнают и не полюбят ее. Такое запрещение в политике обыкновенно невыгодно действует для власти, от которой происходит, рождая мысль о недостатке доказательств, могущих оправдать излагаемые идеи. Цель писем моих состояла в том, чтобы обозначить органические вопросы быта общественного, которые разрешать необходимо, но которые держат под спудом и устраняют, занимая умы делами второстепенными и мелочными подробностями.

Предприятие мое не бесполезно в эпоху прехождения, когда стихии рациональной оппозиции не существуют, когда печатание, немое для истины, служит только выражением механической лести. Облако фимиама, которым окружают правительство, имеет обманчивое действие призраков фантастических. Заключенный в казематах, десять лет не переставал я размышлять о выгодах родины. Думы мои всегда клонились к пользам тех, которые не познали моих намерений. В ссылке, как скоро переменились обстоятельства, я опять начал действия наступательные. Многие из писем моих, переданных через императорскую канцелярию, уже читаются.

Последним желанием Фемистокла в изгнании было, чтобы перенесли смертные останки его в отечество и предали родной земле; последнее желание мое в пустынях Сибирских, чтоб мысли мои, по мере истины, в них заключающейся, распространялись и развивались в умах соотечественников.

[Письмо первое]

✝ № 8. Сибирь. 29 сентября 1836. День Св. Михаила [1]).

Дорогая сестра! Моя жизнь проходит попеременно между видимыми существами, которые меня не понимают, и Существом Невидимым, которого я не постигаю. Мрак грехов скрывает его от моих глаз, но я угадываю его ангельскую красоту. Я слышал шелест его крыльев в ту минуту, когда убийственный свинец притупился в моем теле. Я провидел отблеск его взора, когда острие меча отклонилось от моей головы. Кто сопутствовал мне на дно темниц? Кто облегчил тяжесть моих цепей и исцелил их язвы? — Невидимое Существо, бодрствующее над моею судьбою. Оно не может явиться мне прежде смерти моей, но окружает меня свидетельствами Своего присутствия: хижина в заточении имеет для меня всю прелесть крова родительского; я безмятежен среди опасностей, независим в стеснении, счастлив в уединении. Теперь верно знаю, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня от руки Ирода и от всех ожиданий народа Иудейского. Твой любящий брат Михаил.

[Письмо второе]

ПРОЩАНИЕ

✝ № 38. Сибирь. 1 мая 1837.

Дорогая сестра! После долгого заточения в казематах память производит лишь неясные и бесцветные образы, подобно планетам, отражающим лучи солнца, но не передающим его теплоты. Однако у меня сохранились сокровища в прошедшем. Помню наше последнее свидание в галлерее N-ского замка. Это было осенью, вечером, в холодную и дождливую погоду. На *ней* черное тафтяное платье, золотая цепь на шее, а на руке браслет, осыпанный изумрудами, с портретом предка — освободителя Вены. Ее девственный взор, блуждая вокруг, как будто следил за причудливыми изгибами серебряной тесьмы моего гусарского доломана. Мы шли вдоль галлереи молча; нам не нужно было говорить, чтобы понимать друг друга. Она казалась задумчивой. Глубокая грусть проглядывала сквозь двойной блеск юности и красоты, как единственный признак ее смертного бытия. Подойдя к готическому окну, мы завидели Вислу: ее желтые волны были покрыты пенистыми пятнами. Серые облака пробегали по небу, дождь лил ливнем, деревья в парке колыхались во все стороны. Это беспокойное движение в природе без видимой причины резко отличалось от глубокой тишины вокруг нас.

---

[1]) См. на странице 33-й снимок с французского подлинника этого письма.

Вдруг удар колокола потряс окна, возвещая вечерню. Она прочла Ave Maria, протянула мне руку и скрылась.

С этой минуты счастье в здешнем мире исчезло также. Моя жизнь, потрясенная политическими бурями, обратилась в беспрерывную борьбу с людьми и обстоятельствами. Но прощальная молитва была услышана. Душевный мир, которого никто не может отнять, последовал за мной на эшафот, в темницу и ссылку. Я не жалею ни об одной из своих потерь. Правнука воина является мне иногда в сновидениях, и чувство, которое бы ей принадлежало исключительно, растет и очищается, распространяясь на моих врагов. Твой любящий брат М +.

[Письмо третье]

+ № 46. Сибирь. 27 июня 1837.

Дорогая сестра! Я прогуливался по берегу Ангары с изгнанницей, чье имя уже внесено в отечественные летописи. Сын ее (красоты Рафаэлевской) резвился пред нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери... Когда мы прошли часть леса, постепенно поднимаясь в гору, нам вдруг представилось обширное пространство, замыкаемое на запад цепью синеющих гор и перерезанное на все протяжение рекою, которая казалась серебряным змеем, лежавшим у наших ног. *Его* невидимые совершенства сделались видимыми через понимание, которое дают о нем Его творения. Но величественное зрелище природы было только обстановкой для той, с кем я прогуливался. Она осуществляла мысль апостола и своей личной грацией, и нравственной красотой своего характера. Устав от долгого пути между кустарником, она прилегла на траву, чтоб собраться с силами. Разговор зашел о смерти, с которой свыкалась мысль людей, проживших бурно. На пути домой мы заметили между деревьями бедную женщину с мешком в руках, искавшую корней Мукыра. — На что этот корень? — спросил я. — Дети будут пить вместо чаю, — отвечала она. Ее избавили от труда. Встреча с сосланной в лесу доставила помощь ее семейству, как встреча ангела в пустыне доставила Агари воду для ее сына. Прощай, дорогая. Твой любящий брат М +.

[Письмо четвертое]

[1]

№ 10. Сибирь. 7 июля [1837 г.].

Любезная сестра! На последней неделе получил я посылки, требованные от тебя в № 76. Ящик разбит, вещи попорчены, беспорядок совершенный. Счастье Департамента Почт, что мне нельзя ни

разыскивать, ни обнародовать мнений своих о его управлении. Кто берет деньги, должен исполнять обязательства. Неспособность и мистицизм не оправдывают. Стариковщина вообще ни к чему не годится: поручи армию, она завязит ее, поручи дворец — сожжет, поручи посылку — изгадит. Прискорбно сказать тебе, что на вещах нет начальных букв моего имени и нет подробной описи предметам. Я не получил сукна, подсвечников и сочинения твоей приятельницы: *Анализ силы*. Надеюсь, что все это доставится. Видишь последствия беспорядка, как в мелких, так и в больших вещах. Дружеское письмо, вместо того, чтоб выразить чувства, наполняется мелочными подробностями и тягостными об'яснениями. Ты доводишь меня до красноречия столоначальника. Прощай. Тебя любящий.

[2]

Любезная сестра! Вещи и книги, полученные мною, пришли перепорченными по небрежности или тупоумию Почтового Департамента, которому вы их вверили. Такое нарушение общественного доверия происходит от того, что эта важная отрасль управления превращена в синекуру и отдана на кормление царедворцу старой школы, который при нескольких государях занимал с большим или меньшим успехом должность шута. Старая школа вообще ни к чему не годна. Вверьте ей армию, она ее загрязнит; поручите дворец, она его сожжет; предоставьте поезд, она его изгадит.

Слышу, что некоторые из наших политических ссыльных из'явили желание служить рядовыми в Кавказской армии, в надежде помириться с правительством. По-моему, неблагоразумно идти на это, не подвергнув себя наперед легкому испытанию. Следовало бы велеть дать себе в первый день пятьдесят палок, во второй сто, а в третий двести, чтобы в сложности составило триста пятьдесят ударов. После такового испытания уже можно провозгласить: dignus, dignus est intrare in isto docto corpore.

[Письмо пятое]

+ № 65. Сибирь. 25 ноября 1837.

После двух недель (месяца), проведенных на охоте, я отправился к NN. Было поздно. Она обычно убаюкивает свою малютку Нелли, держа (неся) ее на руках и напевая своим молодым голосом старый романс с ритурнелем. Я услышал последние строфы из гостиной и был опечален тем, что опоздал. Материнское чувство угадывает. Она взяла свечу и знаком показала, чтобы я последовал за нею в детскую (спальную). Нелли лежала в железной кроватке закрытой белыми муслиновыми занавесками. Шейка ее была вы-

+ № 8. Sibérie. 29 Septembre 1836. La St Michel.

Charissima Soror! Ma vie s'écoule tour à tour parmi les êtres visibles, qui ne me comprennent pas : ou avec l'être + invisible que je ne comprends pas. Les ténèbres du péché le dérobent à ma vue : mais j'ai une idée de sa beauté angélique. J'ai entendu le bruit de ses ailes, au moment que le plomb meurtrier s'est amorti dans mes chairs. J'ai entrevu un reflet de son regard, quand le tranchant du glaive a été détourné de ma tête. Qui m'a suivi au pied ~~[illegible]~~ fond des ~~cachots~~ cachots ~~prisons~~? Qui a allégé le poid de mes chaines, et guéri leurs blessures? — L'être invisible qui veille sur ma destinée. Ne pouvant se manifester à moi avant ma mort, il m'entoure des témoignages de sa présence : une chaumière dans l'exil a pour moi le charme du foyer paternel : je suis calme au milieu des dangers, indépendant dans la contrainte, heureux dans la solitude. + Nunc scio vere, quia misit Dominus Angelum suum, et eripuit me de manu Herodis, et de omni expectatione plebis Judaeorum. Votre affectionné frère.

Michel

+ ~~c'est~~ A cette heure ~~que~~ je reconnois véritablement que le Seigneur a envoyé son Ange, et qu'il m'a délivré de la main d'Hérode, et de toute l'attente du du peuple juif.

Снимок с первого письма Лунина к сестре (см. стр. 30).

тянута, головка слегка запрокинута. Если бы не опущенные веки и не грациозное спокойствие, которое сон придает детям, можно было подумать, что она собирается вспорхнуть, как голубка из гнезда. Мать, счастливая отдыхом дочери, казалась у постели одним из тех духовных существ, что бодрствуют над судьбою детей. „Она почти всегда так спит. Не бойтесь разбудить ее. Я точно знаю момент ее пробуждения по небольшому предшествующему ему движению“. Вездесущий искуситель говорил мне: „познать и любить— в этом весь человек; тебе неведомы чувства супруга и отца; где твое счастье?“ Но слово апостола рассеяло это наваждение: „А я хочу, чтобы вы были без забот; неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу“ (Первое послание к Коринфянам, VII, 32). Истинное счастье—в познании и любви к истине. Все остальное— лишь относительное счастье, которое не может насытить сердце, так как не находится в согласии с нашими бесконечными желаниями. Прощай, дорогая. Твой любящий брат М. +

[Письмо шестое]

[1]

№ 6. Сибирь. 7 апреля. Пасха 1838.

Любезная сестра! Наступающие праздники—символ счастия. Желаю, чтоб ты провела их в своем семействе, как я провожу их в заточении. Но сердце наше — лира поврежденная, не издающая радости, внушаемые Вечною Истиной. Эту радость нельзя ни сосредоточить, ни обнаружить. В первый день праздника были у меня заточенные, в которых ты принимаешь участие.

С тех пор опять система уединения: часы мои текут в тишине кабинета или в гармонии Сибирских лесов. Странная продолжается постепенность: чем ближе я к пределу моего течения, тем попутнее становятся ветры. Не надо беспокоиться, если новые тучи сбираются на горизонте. Эта буря пройдет, как и другие, и только ускорит прибытие мое к пристани. Прощай, любезная. Обнимаю тебя.

[2]

Дорогая сестра. Удовольствие, всегда доставляемое вашими письмами, было помрачено вестью о случившемся с полковником Д. Положение трудное; но вы слишком берете его к сердцу. Нападение разбойника вовсе не наносит бесчестия. Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслуживаем. Я был под виселицей и носил кандалы. И что же, разве я тем опозорен? Мои политические противники не того мнения. Они были вынуждены употребить силу,

потому что не имели иного средства для опровержения моих мыслей об общественном улучшении. Что же касается до полковника Д., он может теперь окружить новым блеском прямоту свою и честь, испросив помилование убийце или дав ему средства существования, если уже он осужден законом.

В замену ваших житейских треволнений, я могу вам сообщить добрые вести. Мои часы проходят в тишине кабинета или в созерцании красот Сибирских лесов. Удивительная постепенность счастья. Чем ближе я к цели своего плавания, тем попутнее становятся ветры. Нечего тревожиться, если облака снова собираются на горизонте. Эта буря пройдет, как и все другие, и только ускорит мой вход в гавань.

[Письмо седьмое]

№ 13. Сибирь. 28 апреля 1838.

Любезная сестра. Давно не извещал я тебя о моих учебных занятиях. Сообщаю. В последнее время мои занятия обращены были на исторический обзор кодификации Русских законов, составленный по подлинным актам, хранящимся в архиве II Отделения собственной канцелярии императора.

В первой части этого труда встречаются замечательные признания. В 1700 г. наше законодательство состояло из весьма неполного Уложения и из огромного числа указов, нередко разногласных и по большей части явно противоречащих духу самого Уложения. В юриспруденции не было связи, ни единства, что запутывало и самое применение законов (ст. 11). С того времени десять комиссий, одна за другою назначенные для исправления этих недостатков, ровно ничего не сделали в продолжение 126 лет,—сколько вследствие дурного устройства, столько и по неспособности их членов (стр. 55—63). Таким образом, в 1826 году Русская земля находилась относительно законодательства точно в таком же положении, как и в 1700.

Исповедь откровенная, но не полная. Но к чему ее высказывать? Никто того не требовал. Истина, как и заблуждения, имеет свою строгую последовательность. Так как правительство не умело, в продолжение столетия слишком, удовлетворить самым безотлагательным нуждам народа, управляемые поневоле должны были прибегнуть к собственным средствам, чтобы достичь цели. Ни в каком случае нельзя их обвинять в нетерпении и поспешности. Правительство, делая без надобности такие признания, защищает косвенно дело тайного общества, которое уже нашло вооруженных защитников справедливости своих мнений относительно Польского вопроса.

Вторая часть обзора не чисто исторического содержания. Она заключает в себе род диссертации об основных началах кодифи-

кации, судопроизводства, правоведения и проч. Посреди этой ученой выставки является канцлер Бэкон, к которому редакторы имеют повидимому непреложную веру. Не только перевод, но и отрывки самого подлинника, не взирая на плохую латынь канцлера (эпиграф; ст. 82 и др.), приводятся в книге. Выбор извлечений замечателен; например, Бэкон говорит, что следует исключить из кодекса отмененные законы; что не следует повторяться, необходимо сокращать то, что растянуто, и т. д. (стр. 105 и след.). Спрашиваю вас, да разве это не было тысячу раз сказано прежде и после Бэкона? Его авторитет приводится даже и там, где от него отклоняются. Канцлер требует, чтоб из законов, друг другу противоречащих, был выбран лучший; мы же выбираем позднейший, не разбирая, лучший ли он (стр. 109).

Пределы письма не позволяют мне заняться опровержением органической части обзора, в которой редакторы стараются доказать, что мы ничего не заимствовали у иностранцев, что все наше законодательство имеет источником народные обычаи и опытность (стр. 85). Они повидимому не знают, что почти все наши обычаи заимствованы, что наша опытность тоже чужая, что наконец истина не изобретается, а передается одним народом другому, как величественное свидетельство их общего начала и судеб. Словом, эта книга— низкая дверь к обширному зданию. Надо нагнуться, чтоб войти. Прощай.

[Письмо восьмое]

+ 1838. Мая 1.

Рота солдат пришла вчера вечером в деревню и остановилась на ночлег. Она конвоирует одного осужденного на смерть, которого гонят пешком из Иркутска на Александровскую фабрику, где совершится казнь. Сегодня с рассветом отправился я в острог. Осужденный сидел в заднем каземате, на земле, с кандалами на ногах, прикрытый лишь грязной и изношенной рубахой. У него даже не было соломы для изголовья. Он голодал и обрадовался при виде завтрака, который я принес. Но ему мешали есть и слушать мои слова утешения. Я готовился встретить у него священника и нашел одних солдат да казаков. Видя, что страже хотелось меня удалить, он сказал: поминайте меня в ваших молитвах [1]). Между тем барабан собирал роту, рассеянную по деревне. Час спустя она выступила, продолжая свое погребальное шествие. Через два дня страдания и жизнь приговоренного кончились вслед за экзекуцией.

---

[1]) Этой фразы нет во франц. тексте, но там сделана пометка, указывающая на необходимую или предполагаемую вставку. Возможно, что последняя была на вырванной 80-й странице Записной книжки.

У нас нет внимания к человеку, осужденному законом. Мы забываем или скорей—не ведаем, что приговором над ним он очищен перед обществом и что его смерть так же нужна, как и жизнь его судьи. Роды казни, в употреблении у нас за высшие преступления, отзываются варварством времен прошедших. Это тоже смертная казнь, только исподволь. Она оскорбляет разум, возмущает человеческое чувство и унижает судебную власть, подчиняя степень приговора произволу палача. Если для очищения уголовного судопроизводства нужно время и успехи просвещения, для перемены рода наказания нужно лишь действие разумной воли. Первый шаг к этой цели есть указ, воспрещающий уродовать человека. Вторым шагом было бы постановление разом лишать его жизни и не длить страшных и бесполезных предсмертных мучений. В то время, как ареопаг молчит, слабый голос раздается из глубины ссылки, отстаивая права человечества. Глас вопиющего в пустыне + [1]).

[Письмо девятое]

№ 1. Сибирь. Мая 19 [1838].

Любезная сестра! Вот выводы моих агрономических занятий в 1837 году. Оценив потребленное и проданное и вычтя все издержки, я получил чистого дохода 141 р. 75 коп., кроме озимей, подающих хорошую надежду. Слава Богу, есть чем жить, хотя прошлый год был вообще худой для урожая и первый для меня на поселении. Много было препятствий: задержание денег, запрещение выездов, пугливость властей. Зато я избавлен от податей и натуральных повинностей; одно стоит другого. Правда, главным препятствием были учебные (книжные) занятия: Платон и Геродот не ладят с сохой и бороной. Вместо наблюдений за полевыми работами я перелистываю старинные книги. Что делать? Ум требует мысли, как тело пищи. Между тем в 8 месяцев много сделано: земля болотная, необработанная, тернистая—осушена, огорожена, обращена в луга и пашни. Посредине английский садик с песчаными дорожками, беседкой и множеством цветов, далее две левады, огород и наконец уютный домик с пристройками, где запоздалый путник находит убежище, бедный—кусок хлеба, разбойник—отпор. Приятно сообщать тебе эти подробности, потому что все это более твое, чем мое дело: ты доставила средства, я только действовал.

В хлопотах забыл написать о получении 8 томов сочинений Платона на греческом тексте. Кстати эта посылка: я анализирую теперь болтовню доброго Сократа перед его смертью. Толпа удивляется многому, чего не понимает. Прощай.

---

[1]) Во французском подлиннике—последняя фраза по-латински.

[Письмо десятое]

№ 94. 26 мая 1838.

Я получил твое [письмо] за № 452 от 12 марта с синим приложением. Ты пренебрегаешь моими указаниями. Инициалов нет ни на Платоне, ни на чайной коробке и т. д., и т. д., и т. д. Я имел свои основания настаивать на этом. Так как дело с ружьем не удалось, то пошли мне пожалуйста хорошую удочку с червячками. Надо надеяться, что это орудие не встретит таких же препятствий. Не захотят же запретить бедному ссыльному наудить себе рыбы на ужин. Провизию можно достать только в городе. Я не имею возможности ходить туда, посылать некого, и не всегда можно купить, так как все очень дорого. При помощи ружья я добывал бы себе дичи к обеду, по крайней мере дважды в неделю. Останемся на растительной пище: картофель да каша. Когда я решаюсь просить что-нибудь (кроме как у тебя, моя дорогая), то исключительно самое необходимое. Мне отказывают, я смиряюсь. В сущности мне оказывают услугу, косвенно сокращая немногие дни, которые мне осталось жить. Уничтожай все мои письма, не показывай их никому, даже своим детям. Они составлены слишком небрежно и для тебя одной. Я не обращаю внимания на любопытных, которые читают их с дурными намерениями. У меня еще нет сведений о № 39. Перечитай его внимательно. Может быть, я ошибаюсь номером, слишком полагаясь на свою память. С радостью узнал я, что ты не пренебрегаешь своим музыкальным дарованием. Русские дамы в известном возрасте забрасывают все. Без искусства жизнь превращается в механизм, как мое [изгнание]. На-днях у нас была снежная вьюга. Ветер и холод продолжаются. Это не предвещает ничего хорошего для моего земледелия.

[Письмо одиннадцатое]

№ 14. Сибирь. 2 июня 1838.

Любезная сестра. Образование Министерства государственных имуществ представляет собою важное развитие [1]) жизненных начал и либеральных учреждений, которых не осуществили еще и просвещеннейшие народы. Круг его деятельности об'емлет все степени общественной лестницы и простирается на весь народ, начиная с крестьян в общине и нисходя до племен, кочующих в Сибирских пустынях [2]). По свойству вещей оно придет к двум положительным результатам: одному прямому, другому косвенному. Первый будет

---

[1]) Во франц. тексте: „величавое зрелище развития".

[2]) Этой фразы нет во франц. копии III отделения.

заключаться в увеличении материального благосостояния страны, во сколько это возможно при сложном управлении, облеченном неограниченной властью на место политических ручательств. Второй— что еще гораздо важней — будет заключаться в приготовлении народа для принятия тех ручательств, вследствие огромного числа идей, которые через новые меры войдут в обращение.

Бросим взгляд с этой двойной точки зрения на составные части нового министерства. Общий недостаток наших учреждений повторяется и тут: число центральных чиновников доходит до 618. Умственная работа совершается не с помощью толпы. Во избежание подробностей мы ограничимся замечанием, что число врачей безмерно: один на 154½ чиновника. В войсках, где болезни часты, не считая ран, обыкновенно бывает один лекарь на тысячу человек, нередко даже один на две тысячи. На водах, куда изо всей Европы с'езжаются больные, не бывает столько врачей. И несмотря на то, еще устраивается госпиталь для чиновников (прим. 5). Заботливость „мнимого больного“ о сбережении своего здоровья не заходила так далеко.

Судебная часть кажется несовместной с исполнительной властью. Как судилище, Министерство становится судьей в своем собственном деле или средней инстанцией, лишь замедляющей производство (Гл. II, § 46; гл. III, § 10). В большей части отделений встречаешь с удивлением: отделение мундиров о бок с отделеним веры, нравственности о бок с тайной перепиской (гл. II, § 1, 3, 21; гл. VIII, § 4, 107 и 108). Наконец, есть и ученый комитет, который обходится в 40 тысяч рублей и которого цель недостаточно определена; ибо, в сущности, его занятия заключаются в распространении необходимых сведений между чиновниками; в наблюдении за ходом государственного хозяйства в Европе [1]) для сообщения министру; в представлении задач и в заранее условленной плате за истины, в которых оказывается надобность (гл. VIII, ст. 122, § 6, 7, 8; ст. 131). Очевидно, что при назначении образованных чиновников и министра, который бы не нуждался в сообщаемых сведениях, Министерство само бы могло открывать истины, не покупные ни в каком случае, и тем значительно бы сократило годовые расходы. Общий бюджет простирается до 1.216.694 рублей, кроме жалованья министру и его Совету. То, что было бы сбережено из этой суммы, пошло бы на пользование больных чиновников, на починку старой мебели и на покупку новой (примеч. 5). Все это не очень утешительно.

Так как я был особенно близок с теперешним министром, то я прошу прислать мне перечень его действий, а также Журнал Министерства, когда он станет выходить, для того, чтобы я мог следить за общим ходом дел. Идея кадастра меня сильно занимает. Прощай.

---

[1]) Во франц. тексте—„политической экономии“, без слова „Европа“.

[Письмо двенадцатое]

№ 9. Сибирь. 9 июня [1838].

Любѐзная сестра! Я получил от тебя № 453. Пожар деревни на кантонир-квартирах твоего сына есть случай обыкновенный и едва ли бы составил эпизод моей бурной жизни. Ты верно забыла о нем, читая это письмо. Сын твой исполнил свой долг, подвергая опасности жизнь для спасения твоего портрета из пламени. С большим сожалением узнал я о смерти одного из моих политических противников, председателя Государственного Совета, гр. Новосильцова. Когда он был главой дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе, от которой возникли такие скорбные результаты для Королевства и Империи. Но разность политических мнений не мешает мне отдать ему справедливость. Он имел много ума, большой навык в управлении и пламенную ревность к исключительным пользам России. Какая противуположность в наших судьбах! Для одного—эшафот и история, для другого—председательское кресло в Совете и адрес-календарь. Упоминая о нем в этом письме, я открываю для его имени единственную возможность перейти в потомство.

[Письмо тринадцатое]

№ 7. Сибирь. 16 июня 1838.

Любезная сестра. Мое прозвище изменилось во время тюремного заключения и в ссылке, и при каждой перемене становилось длиннее. Теперь меня прозывают в официальных бумагах: *государственный преступник, находящийся на поселении* [1]). Целая фраза при моем имени. В Англии сказали бы: Лунин—член оппозиции. Ведь таково в сущности мое политическое значение. Я не участвовал в мятежах, свойственных толпе [2]), ни в заговорах, приличных рабам. Мое единственное оружие — мысль, то согласная, то в разладе с правительственным ходом, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие. В последнем случае не из чего пугаться. Оппозиция свойственна всякому политическому устройству. И при теперешнем порядке вещей в России есть своя оппозиция; но она выражается поездками за границу или жительством в Москве и состоит из людей, обнаруживших свою неспособность или наворовавших по службе. Надеюсь, что ты не смешиваешь меня с этими господами и не смотришь на то, что могут сказать или написать, или напечатать обо мне. Хоть я не гоняюсь за мнением света, но дорожу твоим по свойству наших сношений. Прощай. Тебя любящий.

---

[1]) Подчеркнутое написано во французском тексте по-русски.
[2]) В „Полярной Звезде"—„возмущениях, приличных гробу".

[Письмо четырнадцатое]

№ 2. Сибирь. 30 июля [1838].

Любезная сестра. Тебе известно мое домашнее устройство, познакомься теперь с моими домочадцами, их немного: Василич, его жена и четверо детей. Бедному Василичу 70 лет, но он силен, весел, исполнен рвения и деятельности. Судьба его так же бурна, как и моя, только другим образом. Началось тем, что его отдали в приданое, потом заложили в Ломбард и в Банк. После выкупа из этих заведений он был проигран в бильбокет [1]), променен на борзую и, наконец, продан с молотка со скотом и разной утварью на ярмарке в Нижнем. Последний барин, в минуту худого расположения, без суда и справок сослал его в Сибирь. Проделки Василича во время этих многочисленных изменений задернуты покровом, который поднимать было бы нескромно. Прочитав где-то, что причиной моего заточения было предположение преступлений, которые могли бы совершиться, и намерение публиковать сочинения, которые могли быть написаны, Василич разделяет скромность моих судей и с таким же старанием, как они, избегает важных допросов. Между собою мы совершенно ладим, несмотря на некоторое различие в наших привычках и наклонностях. В два года, как судьба соединила нас в Сибирских пустынях, ничто не нарушало еще взаимного согласия. Жена его существо безвредное, ограниченное стряпней, присмотром за детьми и укрощением их крика. Оканчивая картину, надо сказать и о старой белой лошади, которая своей мастью напоминает статного коня, убитого подо мною в Можайской битве, и о шести собаках с пышащими мордами, заменяющих мою Варшавскую псарню. Теперешнее положение мое с таким слабым ограждением в краю, наводненном разбойниками, выражает положение Алкивиада в Битинии [2]). Предчувствую, что такой же род смерти прибавит еще одно сходство с этим необыкновенным человеком. Прощай. Тебя любящий.

[Письмо пятнадцатое]

№ 15. Сибирь. 1838.

Любезная сестра. Министерство народного просвещения обращает на себя внимание ревностью, которую обнаруживает в разных отраслях своего управления, и блистательными результатами, какие себе приписывает в своих изданиях. Так как единственным подтверждением его слов служит число вновь устроенных школ и учащихся в них, то необходимо обратиться к органическим началам

[1]) В „Полярной Звезде"—„в щелкушку".
[2]) В „Полярной Звезде"—„в Вифинском изгнании".

для уразумения хода настоящей образованности. Министерство об'являет, что его основной мыслию есть одновременное развитие православия, самодержавия и народности. Но оно не сочло нужным упомянуть, что эта мысль не нова. Лет пятьдесят тому назад один профессор Московского университета поместил ее в учебной книжке для своих учеников. Ученый муж сделал это спроста. Он философствовал, как мещанин во дворянстве, говорил прозой, сам того не подозревая. Но вот его мысль, потонувшая в забвении, вдруг всплывает и обращается в критериум для Министерства народного просвещения. Постараемся разобрать три заключающиеся в ней начала и определить их взаимные отношения.

Вера (православие) [1]) не дает предпочтения ни самодержавию, ни иному образу правления. Она одинаково допускает все формы и очищает их, проникая своим духом. Она стирает народности, как и всякое различие между людьми, ибо об'емлет весь род человеческий, не отличая рабов от свободных, иудея от язычников. К тому же у религии свои служители, которым исключительно вверено ее распространение; и светская власть, присвоивающая их обязанность, навлекает на себя наказание.

Перейдем к самодержавию. Эта политическая форма имеет и свои выгоды, и неудобства. Не доказано еще, почему она свойственнее русским, чем другое политическое устройство, и всегда ли они одинаково будут ее предпочитать. Народы, которые нам предшествовали на поприще гражданственности, начали также с самодержавия и кончили тем, что заменили его конституционным правлением, более свойственным развитию их сил и успехам просвещения. Так как усилия Министерства стремятся к тому, чтоб сравнять нас с этими народами и даже превзойти их, то весьма может статься, что те же преобразования по тем же причинам сделаются необходимостию для русских. В таком случае следовало бы отложить в сторону одно из основных начал образованности.

Принцип народности требует пояснения. Если под нею разумеют общность обычаев, нравов, законов, всего общественного устройства, то она изменялась сообразно различным эпохам нашей истории. Баснословные времена, монгольское иго, период царей, эпоха императоров образуют столько же различных народностей. Которой же из них дадут ход? Если последней, то она скорей чужая, чем наша.

Вывод из этих общих размышлений тот, что три начала, составляющие теперешнюю систему образованности, разнородны, бессвязны и противоречивы по своим результатам. Их бы можно заменить одним началом: меньше слов, больше дела. Это было бы религиозней, потому что скромнее; самодержавней, потому что болтливость противна духу самодержавия; наконец, народней, потому что выражено народной поговоркой. Прощай.

---

[1]) Скобки—в тексте „запрещенной“ тетради; в „Пол. Зв.“—„религия“.

[Письмо шестнадцатое]

№ 16. Сибирь. Сентябрь 1838.

Любезная сестра. Министерство народного просвещения верует в самодержавие, как догмат, и, располагая мощными средствами, двигает ими для его укрепления. Оно не перестает проповедывать, что этот образ правления был во все времена господствующею мыслью народа и что он единственный путь к спасению в настоящем и единственное ручательство для будущего. Наемные писатели сочиняют книги в пользу этого предположения, а полиция подкрепляет их своими рукоплесканиями. Но нужен иной язык, иные доказательства, а пуще всего иное управление, чтоб заставить 50 миллионов людей принять начала, которые нам выгодны. Ибо народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание. Доказательством, что он мыслит, служат миллионы, тратимые с целью подслушивать мнения, которые мешают ему выразить.

То, что прежде всего представляется уму, есть необходимость поверить, точно ли провозглашения Министерства согласны с прошедшим. Император Александр, даруя полякам конституцию, обещал пред лицом Европы распространить благодеяния представительного образа правления на все народы, вверенные Провидением его заботам. Эта драгоценная надежда русских получила значение нравственной достоверности после манифеста 12 декабря 1826 [1]). Проникнутые чувством благодарности к щедротам своих монархов, русские ожидали с полным доверием исполнения этого двукратного обещания.

Но вот Министерство просвещения об'являет им, что более уже нечего ждать, что теперешнее устройство достаточно и что желать иного есть преступление; причем оно даже не намекает, каким актом воля двух государей была отменена. Когда события говорят так громко, бесполезно пояснять их. По какому праву Министерство, присваивая себе законодательную власть, похищает у народа самые дорогие его надежды? Если поляки и злоупотребили благодеяниями своих царей, то следует ли из этого подвергать русских одному с ними наказанию? Наконец, внушая им недоверие к царскому слову, думает ли оно тем склонить их к самодержавию? Впрочем, Министерство право, отвергая представительный образ правления, ибо голос ссыльного, затерянный теперь в Сибирских пустынях, раздался бы тогда на трибуне, чтоб уличить его в нарушении пределов власти — когда оно вмешивается в дела религии; в уничтожении плода собственных усилий—когда делает неспособными возникающие поколения пользоваться благами, которые правительство им готовит; в проповедывании русской народности на языке вовсе не русском. Прощай.

---

[1]) В тексте „Полярной Звезды"—1825

[Письмо семнадцатое]

№ 12. Сибирь. 1838.

Любезная сестра. Постепенно зреющая мысль в краю нашем должна снова обратить общее внимание на дело Тайного Общества. Общественное мнение развивается быстро, когда над ним лишь надзирают, не направляя его. Скоро придется воспретить косвенную похвалу, как для виду было воспрещено порицание, о котором никто не думал. Это естественный ход в политике. Когда вопрос не разрешен, а только замят или обойден, то он всплывает опять, порождая неожиданные затруднения, в начале вовсе несуществовавшие.

Внуши сыновьям, чтоб избегали споров об этом предмете; особенно, чтоб не было речи обо мне в их разговорах: молчание— единственный и приличный для них ответ на суждения толпы. Политика такая же специальность, как и медицина. Бесполезно вмешиваться в нее без призвания, нелепо увлекаться ею. После лекаря поневоле нет ничего смешнее, как политик поневоле. Между нами есть такие. Не зная, за что приняться, они разыгрывают раскаянье. Как будто можно допустить раскаянье в науке! Люди раскаиваются в пороке, недостатке, слабости, а не в идее, которую стоит исправить, если доказательства достаточны. Прежде думали, что солнце вертится, пока наконец не открыли, что вертится земля. Последняя система была принята всеми, и никому не вошло в голову раскаиваться [1]). Что касается до кающихся, о которых речь, они не могут вменить себе в заслугу даже перемену мыслей, потому что у них никогда не было мысли ясной и установившейся. Я до сих пор не понимаю, как мы могли и из чего искали обманывать себя на их счет. Это избиение младенцев.

Укажем на другой род людей, на помилованных по нашему делу. Их тактика, сшитая на живую нитку, может быть опасна для неопытности. Одни берут на себя роль угнетенных патриотов и возбуждают к себе удивление в своем околотке изданием книг, которых никто не читает, и попечительством над школами живописи. Иные, заняв высшие места, роняют правительство своей неспособностью или рвением отступника, раздражающим умы. Эти люди вообще заслуживают жалость и забвение. Срываю с них личину, чтоб показать их моим племянникам подобно тому, как выставляли на показ пьяных илотов перед спартанской молодежью. Прощай.

---

[1]) Последние две фразы отсутствуют в „запрещенном“ сборнике.

[Письмо восемнадцатое]

№ 16. Сибирь. 1838.

Любезная сестра. В № 453 ты опровергаешь идею действительной службы на Кавказе для твоего старшего сына. Об'яснимся. Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос. В стужах Сибирских, из глубины ссылки моя мысль переносится часто на берега Черного моря и пробегает три боевые линии, начертанные русскими штыками в стране, которую некогда опустошал римский меч. Русским, призванным к не менее важной роли, представлялся в 1557 году выбор между двумя направлениями для развития их материальных сил: на север и на юг. Дав предпочтенье первому, правительство приобрело прибрежье двух второстепенных морей и мало удобного океана. Второе направление вело к более существенным результатам. Это была мысль Адашева и Сильвестра. Сохранясь силою сокровенною, свойственною идеям органическим, она с полвека тому назад начала развиваться постепенными завоеваньями, отодвигавшими южную границу.

Каждый новый шаг на север заставляет нас входить в сношения с европейскими державами; каждый новый шаг на юг заставляет эти державы входить в сношения с нами. В политическом отношении взятие Ахалцыха важнее взятия Парижа. Если дела замедляются на Кавказе, то это надо приписать неспособности людей, стоявших один за другим во главе войска и управления. Победитель Эриванский один отделяется по своим военным способностям от тех людей старой школы. Но недовольно еще одержать победу, надо организовать страну. А система, принятая с этой последней целью, повидимому ошибочна, ибо она не удалась ни в западных равнинах, ни на юге в горах. Не имея разумного основания, она в силах лишь спаять раздробленные части. Пределы письма не дозволяют развить все мои мысли. Verbum sapienti. Как бы ни было, служба на Кавказе представляет твоему сыну случай изучить военное искусство в его различных отраслях и принять деятельное участие в деле высокой важности для будущих судеб его отечества. Ограничиваюсь советом. Тем хуже для тех, которые от него уклоняются. Прощай.

[Письмо девятнадцатое]

Сибирь. 15—27 сентября 1839.

Граф! По свойству моих сношений с сестрой мне иногда приходится в письмах своих касаться вопросов, с виду не имеющих прямой связи с моим теперешним положением. У нее нет в мире иного друга, кроме меня, который бы навел ее на правду и подал должную помощь при затруднениях, происходящих от расстроен-

ного состояния, от наследственных тяжеб и от освобождения ее крестьян [1]). В ответах на последовательные вопросы об этих предметах я принужден был говорить о наших учреждениях, об'яснять движение гражданственности, толковать законы, утверждающие ее права, обнаруживать злоупотребления и лихоимство, которые ослабляют силу этих законов и порождают противоречащие решения по одному делу в одном и том же судилище, что сестра моя испытала на самом деле. Мне стоило усилий отвлечь свою мысль от занятий, составляющих мое утешение в изгнании, и обратить ее на заботы и суетность мира. Но я думал тем исполнить долг перед сестрою, которая в продолжение моего десятилетнего заключения в казематах не переставала писать ко мне каждую неделю даже без надежды получить ответ.

Прискорбно было для меня повеление прекратить переписку. Желая вперед избежать этого несчастия, я беру смелость обратиться к вашему превосходительству с просьбою, чтоб благоволили предписать начальствам, коим поручена передача моих писем, просматривать их предварительно и исправлять или уничтожать те из них, которые покажутся неправильными, несмотря на старание, с которым я их составляю. Таким образом я не подвергался бы тяжелой ответственности за невольные отклонения или за неуместную искренность, а последствия строгой меры не падали бы на невинного, лишая мою сестру необходимого утешения и помощи. Кажется, я не уклоняюсь от справедливости и рассудка, испрашивая для родственной переписки не более того, что законы предоставляют письменам, предназначенным к печати.

Имею честь быть, граф, вашим почтительным слугою. Михаил Лунин.

[Письмо двадцатое]

№ 1. Ссылка. 15—27 сентября 1839.

┼ Сестрица! Прекращение моей переписки, вредное по своим последствиям для домашних дел твоих, обязывает меня об'яснить причины моего поведения, которые расторгли последнюю видимую связь между нами. Я принужден был касаться важных предметов, говоря о твоих наследственных тяжбах и об освобождении твоих крестьян. В первом случае я исполнял обязанность к тебе; во втором—к человечеству. Не взирая на откровенность моей речи, я всегда старался соблюдать законы строгого приличия и ревностно пользовался случаем, когда по внутреннему убеждению мог принести дань уважения действиям власти. Моя похвала, в себе самой

[1]) В III Отделении последние три слова подчеркнуты, а сбоку поставлен вопросительный знак.

незначительная, имеет однако некоторую цену, если вспомнить, что она одна, может быть, совершенно бескорыстна.

Пусть укажут мне закон, запрещающий излагать политические идеи в родственном письме. Его нет в нашем Своде. Да он и не найдется ни в каком законодательстве, ибо политика заключается в глубине всех вопросов нравственных, ученых и литературных, и такой закон равнялся бы запрещению мыслить.

Заблуждения свойственны всем. Можно ошибаться без своекорыстия, как в заточении, так и на высоких местах звания общественного. Сошлемся на события. Я указал, что медленность успехов на Кавказе проистекает от людей старого толка; как скоро новые люди показались в рядах армии, мы тотчас подвинулись вперед. Я разобрал распоряжения Министерства народного просвещения в конце прошлого года; в начале настоящего закрыт Университет Владимирский, и спустя несколько месяцев Дерптский навлек на себя меры запретительные. Я сказал несколько слов о Министерстве государственных имуществ, которое уже... и проч. и проч., Предусмотрение таких событий не могло произойти от случайности; кажется, вероятнее, что в мыслях, изложенных мною в письмах, было нечто истинное. Но я не ищу оправдания. Напротив, я желал бы выразить глубокое сокрушение о том, что откровенность, имевшая в виду твою пользу, подвергла меня неодобрению властей, к которым питаю глубокое уважение.

Твой любящий брат Михаил.

[Письмо двадцать первое]

РАБЫ

Ссылка. № 3. $\frac{\text{3 ноября}}{\text{22 октября}}$ 1839 г.

Любезная сестра. Рабство пришло к нам не прямым путем, но случайно, во времена недавние, когда уже все просвещенные народы признавали оное несообразным с законами Божественными и Человеческими. Около половины 17-го века Правительство, желая исцелить язвы, причиненные смутами, почти десять лет волновавшими Россию, вздумало произвести всеобщую перепись жителям и поземельным владениям (писцовые книги). К облегчению этого двоякого действия возобновили [1]) указ, забытый во время Народных смятений, препятствовавший свободному переходу крепостных из одного места в другое. Этот указ, впоследствии, способствовал

---

[1]) В списках Шильдера здесь: „Царь Михаил, 1690“.

действиям местной полиции, легчайшему сбору налогов, пополнению войска рекрутами и учреждению периодической переписи народа (ревизия).

Вероятно увлекаясь временными выгодами, не предусмотрели окончательных последствий возобновленного указа. Приводимый в различные времена и царствования в постепенно бо̀льшую силу и об'ятность, он, по существу дела, лишил многочисленную часть Народа покровительства законов, предав оную произволу частных лиц (Петр I, Екатерина II). Однакож в Своде Законов нет начала, узаконяющего рабство. Если б крепостные наши судебным порядком стали отыскивать свою свободу, мы не могли бы ничего противопоставить им, кроме косвенного действия узаконений, клонившихся к общему благу Народа.

Другое обстоятельство, исключительно принадлежащее России, упрочило этот порядок вещей. Почти везде денежный недостаток вынуждал Правительство обращаться к Народу, который взамен денежных пособий получал уступки, права и преимущества. У нас вышло противное: истощение государственной казны заставило прибегнуть к винному откупу и в разврате народном искать поруки за его ничтожество.

Многие, извлекая корысть из заблуждений, не убеждаются никакими рассуждениями и не преклоняются никакими просьбами. Жертвуя всем для личной выгоды, ложно понимаемой, они продают своих братьев, как животных, или истребляют их, как вещь. Владельцы более человеколюбивые, составляющие большинство, безотчетно и по другим побуждениям следуют путем не менее ложным. Они воображают, что вещественное благосостояние, доставляемое крепостным, достаточно уже вознаграждает их за потерю гражданских прав и за усыпление умственных способностей. Присвоивая право располагать судьбою крепостных и устраивать их счастье, они не понимают, что это присвоивание нарушает начала в законах нравственного порядка, по коим настоящее и будущее благо каждого зависит от собственного произвола. Однакож не одно неведение причиною таковых поступков: они бы первые может быть вопияли противу рабства, если б голос совести не заглушался звуком металла, рабством доставляемого.

Ошибки не проходят даром в политике. От повреждения одного корня в общественном дереве увядает вся растительность, как от одной неверной ноты разрушается стройность аккорда. Рабство выражается в наших нравах, обычаях и учреждениях. Впечатленные примером безмолвного повиновения, мы утратили нравственную силу, отличающую человека и составляющую гражданина. Мы не страшимся смерти на поле битвы, но не смеем сказать слова в Государственном Совете за справедливость и человечество. Оттого мы лишены светильника рассудительной оппозиции, которая, освещая

стези Правительства, способствовала бы исполнению его благотворных намерений. Бесплодность нашей Словесности происходит от тех же причин. Наши книги, наполняемые бессмыслицей или нелепыми баснями, не производят никаких последствий. Напечатанное поутру забыто вечером. Свод Законов заключает в себе таблицу, где обозначена цена людей по возрасту и полу; где однолетнее дитя оценено дешевле теленка (Свод Законов о правах состояний т. IX ст. 707—11 р.). Наши Судилища, в которых совершают купчия и закладныя, подобны базарам, где торгуют человеческим мясом.

С тех пор, как введен этот порядок, никто не восстал, чтоб остановить его успехи или указать на его неизбежные [1]) последствия. Тайный Союз первый прервал молчание. Он отстаивал порабощенных соотечественников всеми средствами, которыми мог располагать. Проекты освобождения крестьян были предложены некоторыми из его Членов. Он доказывал владельцам, что истинные выгоды их требуют освобождения крестьян и что это действие, справедливое и великодушное, послужит не к уменьшению, но к приращению их доходов. Он представлял облеченным Властию, что все подданные, одушевленные одинаковою ревностью к исполнению своих обязанностей, имеют право на одинаковое покровительство и равенство перед законами. Нравственное влияние Тайного Союза на умы произвело местное уничтожение барщины, частное освобождение, совершенное многими Владельцами, и общее улучшение в состоянии рабов. Заметим, что эта важная отрасль трудов Тайного Союза заслужила, повидимому, одобрение Правительства, ибо ни Следственная Комиссия, ни Верховный Уголовный Суд не рассудили за благо упомянуть об оной ни в Донесении, ни в приговоре.

Рабство, несовместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий по мере того, как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, где рабство утверждено Законом. Признав торжественно равенство людей перед Законом, как основное начало их Конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество. Отличая даже могилу негра, эти поборники равенства уничижают ближнего и за пределами земной жизни. Познание настоящего полезнее в некотором смысле опытов прошедшего. Когда великодушные усилия Правительства успеют разлить благодетельный свет познаний на массу народа, тогда иго неволи, сносное теперь от невежества, может навлечь неправильные и насильственные меры для обеспечения владельцев или для укрощения справедливых, но незаконных требований крепостных.

---

[1]) У Громницкого было еще: „гибельные“, но зачеркнуто; во французском списке этого слова нет.

Освобождение крепостных не представляет затруднений и опасностей, которые робкие или корыстолюбивые умы усиливаются выставлять. Оно совершилось в Царстве Польском и в областях Балтийских без малейшего потрясения. Разве мы хуже Поляков, Лифляндцев и Курляндцев? Однакож ничего не сделано в пользу крепостного состояния в течение 13 лет с тех пор, как лишили его кровных защитников. Мы не усматриваем даже никаких предварительных мер, необходимых для сего действия.

Нарушая права человечества допущением рабства, Правительство благоприятствует развитию чуждых ему сил, которые могут найти опору в общем мнении и желаниях Народа, когда справедливость и рассудок находятся на их стороне. Много было толков о причинах, по коим возник Тайный Союз. Его основание приписывали: *„чтению зловредных книг, путешествиям за границу, роскоши полупознаний и даже моде“* (Донесение Следственной Комиссии. Манифест 13 июля 1826 года). Может быть это заблуждение продолжалось бы и теперь, если б Государственный Сановник в обнародованном под его руководством сочинении не указал главнейшей причины: *„что наше законоположение в 1826 году находилось в таком же беспорядке и смешении, как в 1700, и что все усилия Правительства в продолжение более века не могли исправить этого зла, ниже удовлетворить первой потребности народной“* (Историческое Обозрение Свода Законов).

При вторжении неприятеля рабство служит ему предлогом оправдывать свои поступки, орудием волновать умы и средством привлекать на помощь своему делу все просвещенные народы. Французы в последнее нашествие [1]) не воспользовались этими преимуществами потому, что система императорства, основанного на злоупотреблении, не дозволяла обратиться к коренным началам и находить в них опору. Но ход событий может вооружить противу нас народы и правительства более опасные совокупностию сил вещественных и нравственных, проистекающих из учреждений Конституционных. Уничтожение рабства, восстановляя порядок и стройность в учреждениях, послужит к уравнению борьбы и к сокрушению врагов действительнее, чем сожжение городов, опустошение областей и суровость климата.

Эти мысли, созревшие в тишине темниц, не отвергнутся теми, которые в простоте сердца ищут истины и которые понимают, что обязанность говорить и для общего блага независима ни от каких обстоятельств нашей скоротечной жизни.

---

[1]) Во французском списке указан и год—1812.

[Письмо двадцать второе]

ПОЛЯКИ

Ссылка. № 4. $\frac{17}{5}$ ноября 1839.

С некоторой поры Сибирь наводнена новыми изгнанниками. Им приписывают характер политический; но в самом деле—они жертвы нерассудительной ревности или легковерия, свойственного неведению. Говорили о Поляках, сосланных после революции 1830 г. Их несколько тысяч (около 20 т.). Одни на каторжной работе, другие на поселении, третьи размещены по гарнизонам. Как побежденные, они имеют право на великодушие Русских; как несчастные—на сострадание всех людей. Не ищите между ими не только виновников революции, даже косвенных волнователей [1]). Те и другие смекнули о своей безопасности, когда дела приняли худой оборот. В совокупности наших изгнанников видим людей, которых вовлекли в заблуждение подвергли опасности и оставили. Они состоят из шляхты, отставных воинов, горожан, арендаторов и крестьян. Между ими есть дети, осужденные прежде совершеннолетия, дряхлые старики, обратившиеся в детство, духовные, едва читающие свой молитвенник. Спросите всех и каждого, какая была у них цель? Никто не сумеет ответить вам.

По законам справедливости и рассудка можно, кажется, принять за правило: что во всякой революции виновность поровну падает на двое: на власть, которая причинила или не умела предупредить оную, и на подвластных, которые прибегли к этому средству, чтоб искать удовлетворения за угнетения существенные или мнимые. Мы не намерены оправдывать бедных изгнанников. Но часть виновности, падающая на них, много уменьшится, если сообразим, что этим людям, по их общему положению, были чужды дела Политические; что недостаток просвещения и особенно верность, свойственная Народному характеру, увлекли их за стремлением потока; что, наконец, они издавна были приготовлены к волнению многими мерами предыдущего царствования. Во время брожения и смут они осуждены и приговорены военными судилищами, неспособными производить рассудительного исследования и стесненными строгостию военных законов. Лишенные пособия законоведца, не понимая языка, на котором их допрашивали, подсудимые, желая оправдаться, часто усиливали свою виновность. Судьи с своей стороны умножали этот хаос, или по неведению судопроизводства, или по ревности, ложно понимаемой. Большая часть совершенных приговоров требует законной поверки. Наконец, должно сказать и то, что много несчастных сослано без суда. Эти события показывают, от кого чернь заимствует свои неистовства.

---

[1]) Во французском тексте—agitateurs.

Рассматривая этот вопрос политически, найдем, что таковое множество изгнанников—потеря для Польши без малейшей пользы России. Употребляемые на каторжной работе не могут выполнять определенных уроков по физическому и нравственному ослаблению. Должны изменять для них общее положение, ибо принуждение было бы им выгоднее, сокращая дни, ознаменованные страданиями. Маловажная и плохо производимая ими работа не покрывает издержек на содержание, ничтожных отдельно, но значительных в сложности. Поселенцы, лишенные всего, обольщаемые неосновательною надеждою увидеть родину, не думают водворяться и проводят жизнь в нищете и праздности. Развращенные несчастием, они составят впоследствии новый рассадник разбойников в добавок к тем, которые здесь существуют. Инсургенты, поступившие в войска, немного облегчая тягость рекрутства, производят худое действие на нравственность солдата, который усматривает, что его звание служит наказанием за преступления.

Варшавские высшие общества, увлекая массы, неспособные рассуждать, восстали не против Народа [1]), но против Русского Правительства. Это различие ясно было обозначено первыми революционными действиями: отсылкою Русских войск из Варшавы, депутациею в Петербург, всенародными почестями памяти Русских, казненных за дело Конституционное, печатными воззваниями, приглашавшими Русских к собратству, и прочее. В наших изгнанниках Правительство почитает своими противниками существа безвредные, с первого взгляда внушающие сочувствие по своей простоте и бедствиям, которых самые большие проступки могли бы решаться разбирательством Сельского Начальства. Они так незначительны, что не могут быть ни жертвами искупительными, ни служить примером для своих соотечественников. Сомнение невольно закрадывается в умы, когда Власть предостерегается против слабости и принуждена поддерживать свои начала суровыми мерами. Это многолюдство, отторгнутое от родного крова, придает Польскому восстанию характер общественной революции [2]), чего не было; но если бы и было, не следовало это оглашать.—Польша не может быть опасна для нас, пока не будет владеть поморьем, иметь пристаней и будет состоять из одного города. Медлительность и бедствия последнего похода происходили единственно от самонадеянности и неспособности Фельдмаршала, которому в начале войны вверена судьба войск, вопреки предостережениям Тайного Союза. Приписывая искусству противников последствия собственных ошибок, мы сооружаем подножие, которое, возвышая их, омрачает нас своей тенью.

---

[1]) Во франц. списке—„les salons de Varsovie“ и „la nation russe“
[2]) Во французском тексте—„révolution sociale“.

Доказательством, что общепринятая мера несообразна, по крайней мере—отчасти, служит множество частных злоупотреблений, которые она порождает. Чиновники, надзирающие за изгнанниками, облечены, по ходу дел, властью произвольною, которая сама по себе есть уже злоупотребление. Их личные выгоды имеют влияние на исполнение обязанностей. Им естественно представлять изгнанников не в настоящем свете, увеличивать и даже вводить их в проступки [1]), чтобы возвысить собственное значение, доказать свою ревность и заслужить награду. Из множества подобных событий ограничимся примером поручика Высоцкого и его товарищей. Этот молодой человек заслуживал некоторого внимания, как военнопленный, взятый с оружием в руках и покрытый ранами при защите своего поста. Кто защищается таким образом против Русских, тот заслуживает название храброго. Однакож он и трое его товарищей были преданы суду за намерение к побегу. Обстоятельства этого предположения были увеличены, которое даже при успехе лишило бы только его виновника политической важности, напрасно ему приписанной. Все были осуждены и испытали жестокое наказание—сквозь строй. В числе истязуемых был священник. Гнусность этого дела сложили на умственное расстройство высшего чиновника [2]); но ничего еще не сделали к облегчению участи страдальцев. Они угасают, обремененные цепями, в безмолвии казематов.

Если политическое значение наших изгнанников ничтожно, то не должно забывать, что связи родства и дружбы существуют для них, как и для нас; а может быть и более, чем для нас, по тому общественному быту, в каком они находились, где подобные связи сильнее и продолжительнее. Каждый из них оставил родное пепелище и тесный круг друзей в каком-нибудь неизвестном уголке Польши, где имя его повторяется матерью, женой или сирыми детьми. Не будем презирать слез, втайне проливаемых малыми перед Великим Свидетелем. Из вздохов, заключенных под соломенными кровами, рождаются бури, низвергающие дворцы. Неудовольствия и недоверчивость, обнаруживаемые в Польше и разрушающие миротворные распоряжения правительства, родятся и возрастают от подобных причин. Пока они существуют, народ уступит силе, но не сроднится душою. Однакож взаимного укрепления последнего союза требуют выгоды обеих земель. Поляки—братья нам по происхождению, наша передовая стража по географическому положеню и естественные союзники, несмотря на домашние ссоры между нами. Нужно такое же сплавление, как между Англичанами и Шотландцами, чтобы совершилось предопределение и чтобы мы могли занять место, назначенное нам среди народов Европейских.

---

[1]) Во французском тексте—„provoquer leurs fautes".

[2]) Во французском списке—„генерал-губернатора Броневского".

После восстания Польского несколько милостивых Указов являлись как благотворные светила после временной бури. Но их лучи не проникали в пустыни Сибирские, чтобы согреть сокрушенные сердца изгнанников. Обманутые в своих ожиданиях, они не покидают надежды. Признавая Отеческое Право Власти, которая их карает, они ждут помощи от руки, их сокрушившей. Это безусловное доверие к великодушию Государя свидетельствует о их покорности и ручается за их будущее поведение. Обращение их под родимый кров, политически выгодное обеим землям, согласовалось бы и с чувством Народным. Русские наследовали начало, выражаемое поговоркой: *лежачего не бьют* [1]).

Общее мнение, несмотря на стесняющие его препоны, не перестает указывать, что надо что-нибудь сделать для Поляков. Первостепенные Державы хотели помочь им, но не могли. Воспользуемся случаем доказать Европе, что Россия может сделать все, что пожелает. Недавно враги, более опасные, проникнув до сердца Империи, испытали тотчас гостеприимство после их сокрушения и обращены в свое отечество без выкупа и промена. Эта мера не повредила России. Напротив, в странах Запада она распространила страх нашего оружия и возбудила желание искать нашей дружбы. Справедливость и рассудок требуют, чтобы братьям сделали то же, что сделано было чужеземцам.

Читая эти строки, какой-нибудь холодной и расчетливой ум найдет, может быть, что я говорю о делах, которые до меня не касаются. Я говорю потому, что молчат те, до кого это касается. Паскаль верил свидетельству идущих на смерть. Отрекшиеся от личной свободы, от всякого благосостояния, от всякого звания общественного,—кажется заслуживают также некоторой доверенности... Облеченным Властью следует рассмотреть, не скрывается ли какая-нибудь истина в этом изложении, начертанном по глубокому убеждению.

[Письмо двадцать третье]

№ 5. $\frac{3 \text{ декабря}}{21 \text{ ноября}}$ 1839.

Ave Maria! Моя добрая и дорогая! Скоро исполнится четвертый год моего изгнания. Начинаю чувствовать влияние Сибирских пустынь: отсутствие образованности и враждебное действие климата. Тип изящного мало-по-малу изглаживается из моей памяти. Напрасно ищу его в книгах, в произведениях Искусств, в видимом, окружающем меня мире. Красота для меня—баснословное предание, символ граций—иероглиф необ'яснимый. В глубине казематов мой

[1]) Во французском тексте—по-русски.

сон был исполнен смятений поэтических; теперь он спокоен, но нет видений и впечатлений. Излагая мысли, я нахожу доводы к подтверждению истины; но слово, убеждающее без доказательств, не начертывается уже пером моим. Иногда я жажду аккорда, оттенка, черты, слова; иногда хотел бы уничтожить эти формы, стесняющие сношения между умами и свидетельствующие наше падение.

К полноте бытия моего недостает ощущений опасности. Я так часто встречал смерть на охоте, в поединках, в сражениях, в борьбах политических, что опасность стала привычкой, необходимостью для развития моих способностей. Здесь нет опасности. В челноке переплываю Ангару; но волны ее спокойны. В лесах встречаю разбойников; они просят подаяния. Тишина, происходящая от таких прозаических обстоятельств, может быть, прилична толпе, которая влечется постороннею силою и любит останавливаться, чтобы отдыхать на пути. Я желаю, напротив того, окончить странствование, перейти за пределы, отделяющие нас от существ прославленных, вкушать спокойствие, которым они наслаждаются в полном познании Истины.

Мое земное послание исполнилось. Проходя сквозь толпу, я сказал, что нужно было знать моим соотечественникам. Оставляю письмена мои законным наследникам мысли, как Пророк оставил свой плащ ученику, заменившему его на берегах Иордана.

Прощай. Твой любящий брат.

[Письмо двадцать четвертое]

№ 6. $\frac{27}{15}$ декабря 1839.

Любезная сестра! Письмо твое, октября 7, № 528, заключает любопытные подробности о наследственной тяжбе, почти полвека продолжающейся, которая влечет за собою бесконечные злоупотребления. В 1828 году 8-й Департамент Сената признал, что противники твои владели спорною землею незаконно („неправильное владение“), и решил дело в твою пользу; но в 1838 году тот же Сенат находит, что владение противников было законно („добросовестное владение“), и решает дело против тебя. Просьба твоя о перенесении дела в Общее Собрание отвергнута Комиссией Прошений, вопреки всем существующим узаконениям. По родству и дружественным связям можно бы подозревать меня в пристрастии, если бы я сказал свое мнение об этих событиях, которые, впрочем, явны и не требуют пояснений. Но должно предупредить тебя, что случившееся с тобою совсем не новость и не редкость в России. Напротив, редки и новы такие тяжбы, в которых не бывает подобных уклонений.

Главные причины этих беспорядков не заключаются, как многие воображают, в недостатке Свода Гражданских Законов (ибо Common law у англичан также недостаточен), но находятся в обрядах судопроизводства и в составе судилищ. Наше судопроизводство начинается во мраке, тянется в безмолвии, украдкою, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бестолковых бумаг. Нет адвоката, чтобы говорить за дело; нет присяжных, чтобы утвердить событие, и в особенности нет гласности, чтобы просветить, удержать и направить облеченных судебной властью. Их решения, даже справедливые и законные, становятся источником новых тяжеб, по темноте и безграмотности определений.

Что касается до состава судилищ, стоит взглянуть на людей, которые берутся отправлять Суд. Кавалеристы, которые не усидят уже верхом; моряки, которые не снесут уже качку; иностранцы, которые не понимают русского языка; одним словом, все, которых некуда девать, находят мягкое кресло в Правительствующем Сенате. Низшие места и должности наполняются людьми, также чуждыми познаний юридических, но одаренными чутьем к ябеде и знающими наверно, сколько тяжба может принести им доходу. Таковы вообще люди, которым вверена участь сироты и вдовицы и которые по своему произволу произносят решения о правах жизни и чести граждан.

Необходимо обнаружить эту главную причину злоупотреблений, потому что ее влияние решительно на судьбу наших соотечественников и потому что ее можно отстранить, по крайней мере отчасти, не изменяя остальных государственных учреждений. Несмотря на отчаянное положение твоей тяжбы вследствие противоречащих решений и непринятия твоей просьбы, есть надежда и непреложное средство достигнуть третьего противоречащего решения, внести твою просьбу и все исправить. Но я не укажу на это средство, потому что оно несообразно с нашим образом мыслей. Мы можем терпеть, но мы не должны делать худого с сознанием. Среди печалей и забот, которые окружают отеческое пепелище, ты найдешь утешение, вспоминая, что брат твой восставал против этого порядка вещей и что жизнь его в изгнании есть постоянное свидетельство его ревности к общему благу. Прощай.

[Письмо двадцать пятое]

№ 8. 1 января 1840. / 20 декабря 1839.

Любезная сестра! Новый год начался для меня самым приятным образом — прибытием Летуса. Это прекрасное животное, как живое письмо, сообщает мне, что чувства твои в течение 14 лет не изменились, что ты любишь изгнанника, как любила гусара, и, от-

деленная от него 7.000 верст, угадываешь, что может сделать его счастливым. Между тем, Летус — славный жандарм: он сделал на тебя несколько доносов и сплетней; например, что тебя тревожат мои письма и что ты недовольна, когда мне случается говорить о политике. Но в наше время—здравствуй почти нельзя сказать без того, чтобы это слово не заключало в себе политического смысла. Впрочем, кажется, ты приписываешь слишком много важности мыслям изгнанника, изложенным не для печати. Они тогда только могут заслужить внимание правительства, когда справедливы и основательны: и в таком случае скорее должно ожидать развития и осуществления оных, нежели мер запретительных. Истина всегда драгоценна, откуда бы она ни явилась. Если ожидать ее из Правительствующего Сената, то много утечет воды, пока это случится. Как бы то ни было, но я очень доволен сотовариществом нового изгнанника, который всякую минуту напоминает мне лучшую и любимейшую из сестер. Обнимаю тебя мысленно от всего сердца.

[Письмо двадцать шестое]

№ 7. 3 января 1840. / 22 декабря 1839.

Одного из моих сотрудников[1]) упрекали в том, что он в своем проекте Конституции назвал некоторые совокупленные губернии Областью Холмогорскою; другие—Северскою или Северянскою (Донесение Следственной Комиссии, стр. 18). Занимаясь науками политическими, часто приходится обобщать предметы вещественные, так же как идеи, и означать их особенными наименованиями, выражающими с меньшею или большею точностью их сложное значение. Может быть, автор Русской Правды употребил несовершенно точные названия в географическом отделе своего сочинения. Но эта небрежность, которую легко исправить, кажется, не оправдывает упрека *„в едва вероятном и смешном невежестве“* (Донесение Следственной Комиссии), приписанном ему в официальном акте такими людьми, коих ученость еще не доказана. Придирка к словам почти явно доказывает, что нечего сказать основательного о сущности дела или нельзя разобрать его по каким-нибудь посторонним причинам.

В самом деле, много писано об этой Конституции. Мы знаем: *„что ее вырыли из земли близ неизвестной деревушки; знаем, кто исправлял ее слог; что она была одобрена некоторыми членами Южного Общества“*. Однакож содержание ее вовсе нам неизвестно. Что касается до неточности названий, мне кажется, лучше бы совсем не говорить о том, ибо чрез то обратили только

---

[1]) Во французском тексте—„camarade“.

внимание на наименование некоторых из наших областей в официальных бумагах. Например: Области Балтийские обыкновенно называют *Остзейскими губерниями* (то-есть губерниями Восточного моря). Но Балтийское море не на Востоке России; следственно, наименование, заимствованное от немцев, не совсем прилично в России. Западные области в Империи называют *возвращенными от Польши губерниями*. Это наименование *неточно*, потому что об'емлет земли, никогда не входившие в состав России, например, Литву; *неполно*, потому что не распространяется на Смоленск и Малороссию, которые также были возвращены, хотя и прежде; *оскорбительно*, потому что напоминает эпоху унижения России; *неполитично*, потому что питает враждебные чувства в народе, который хотят слить с Русскими.

Когда правительство — светильник и вожатый наш — не замечает подобных неправильностей в своих официальных актах, то его чиновники должны, кажется, оказывать более снисхождения к небрежностям или ошибкам, вкравшимся в очерк политических предположений.

[Письмо двадцать седьмое]

№ 9. 13/1 января 1840.

Любезная сестра. В Петропавловской крепости я заключен был в каземате № 7, в Кронверкской куртине, у входа в коридор со сводом. По обе стороны этого коридора поделаны были деревянные временные темницы, по размеру и устройству походившие на клетки: в них заключались политические подсудимые. Пользуясь нерадением или сочувствием тюремщиков, они разговаривали между собою, и говор их, отраженный отзывчивостью свода и деревянных переборок, совокупно, но внятно доходил ко мне. Когда же умолкал шум цепей и затворов, я хорошо слышал, что говорилось на противоположном конце коридора. В одну ночь я не мог заснуть от тяжелого воздуха в каземате, от насекомых и удушливой копоти ночника, — внезапно слух мой поражен был голосом, говорившим следующие стихи:

Задумчив, одинокой
Я по земле пройду, незнаемый никем
Лишь пред концом моим,
Внезапно озаренный,
Познает мир, кого лишился он.

— Кто сочинил эти стихи? — спросил другой голос.
— Сергей Муравьев-Апостол.

Мне суждено было не видать уже на земле этого знаменитого сотрудника, приговоренного умереть на эшафоте за его политиче-

ские мнения. Это странное и последнее сообщение между нашими умами служит признаком, что он вспомнил обо мне, и [1]) предвещанием о скором соединении нашем в мире, где познание истины не требует более ни пожертвований, ни усилий.

[Письмо двадцать восьмое]

№ 10. 10/22 января 1840.

Любезная сестра! Мне сообщили 10 января 1840 года содержание бумаги Шефа Жандармов графа Бенкендорфа, который позволяет мне возобновить переписку с тобою на условиях: *„не помещать в письмах моих суждений непозволительных о предметах посторонних, выходящих из круга обыкновенной переписки с родными“*. Не зная, какие мысли и какие выражения могут им нравиться, предпочитаю лучше вовсе не писать к тебе, чем стараться скрывать свои мысли и взвешивать слова, которые обращаю к сестре. Я ограничусь сообщением тебе изредка отрывков из моих учебных занятий, по которым можешь узнавать, что брат твой существует еще во глубине изгнания и всегда питает к тебе неизменную дружбу.

[Письмо двадцать девятое]

Сибирь. № 11. 21 июля [1840].

Любезная сестра! Друга моего Варку ужалила змея в последний раз, как мы охотились в лесу. Теперь он лежит у моих ног, с пеной у рта, с трудом переводя дыханье, но при моих словах виляет хвостом и смотрит на меня, словно понимает мою речь. Имя друга приличнее этому животному, чем людям, которые его себе присвоивали. Люди испугались, когда гроза разразилась над моей головой, и убежали от меня, поджав хвост. Опытность не изменила, но переладила мои чувства. Теперь с равным сожалением люблю друзей и врагов. Идея общественного спасения смутила и другов, и недругов. Ослепленные внезапным светом, они не заметили, что в ней скрыто их общее благо. Нет нужды; она разовьется и без меня. Факты сильнее слов. Я боролся в Варшаве против системы, принятой в Польше, и обнаружил ее гибельные последствия. Меня осудили на смерть. Четыре года спустя Польша восстала, власти низвергнуты, крепости сданы, русские войска прогнаны. В это самое время держали на запоре человека, который предсказал грозу и мог ее отвлечь.

---

[1]) У Шимана здесь еще: „хотел меня утешить“.

[Письмо тридцатое]

Милостивая государыня! Письмо, которое вам угодно было написать, возбудило во мне чувства, сыздавна чуждые моему сердцу. Если неожиданное счастье имеет над нами столько власти в обыкновенных случаях жизни, то судите, что я испытал, получив посреди Сибирских пустынь такое драгоценное свидетельство вашей ко мне дружбы. Я радуюсь, что мои письма к сестре вас занимают. Они служат выражением тех убеждений, которые повели меня на место казни, в темницы и в ссылку. Я смею надеяться, что вы, судя беспристрастно, найдете их не только не разрушительными, но, напротив, клонящимися к упрочению основ общественного порядка, через очищение от посторонней примеси, и вместе с тем ищущими раз'яснить жизненные вопросы, которых решение существенно важно для благосостояния государства. Гласность, какою пользуются мои письма через многочисленные списки, обращает их в политическое орудие, которым я должен пользоваться на защиту свободы. Ваша лестная память обо мне будет служить для меня могучей подпорой в этой опасной борьбе.

Постепенно зреющая мысль снова обратит внимание на дело Тайного Общества.

Лунин, Письмо 17-е.

ВЗГЛЯД НА РУССКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО
с 1816 до 1826 года

Тайное общество принадлежит Истории. Правительство сказало правду, „что дело его было делом всей России, что оно располагало судьбою народов и правительств“ (Ман. 13 Июля 1826 года; Донесение След. Ком., стр. 21). Общество озаряет наши летописи, как союз Рюнимедский бытописания Великобритании [1]). Тайное 10-ти летнее существование [2]) доказывает, что Т. О. руководилось мудростию и было по сердцу народу. В этот период, среди опасностей и препятствий, совершилась главная часть его работ. Действуя умственною силою на совокупность народную, оно успело направить мысли, чувства и даже страсти [3]) к цели коренного преобразования Правительства. Существенные вопросы конституционного порядка были установлены и так об'яснены, что решение их в будущности более или менее отдаленной стало неизбежно. Т. О. было глашатаем выгод народных, требуя: чтобы существующие законы, неизвестные даже в судилищах, где вершились по оным приговоры, были собраны, возобновлены на основаниях здравого рассудка и обнародованы [4]); чтобы гласность заменяла обычную тайну в делах государственных, которая затрудняет движение их и укрывает от пра-

---

[1]) Во французском подлиннике и в русском переводе „Полярной Звезды“ читаем: „подобно уложению великой Хартии в летописях Британского королевства“.

[2]) В подлиннике и в „Полярной Звезде“ еще: „при подозрительном и враждебном правительстве“.

[3]) В подлиннике и в „Полярной Звезде“ еще: „различных сословий“.

[4]) Во франц. подлиннике есть выноска, которой нет и в „Пол. Зв.“: „Обозрение исторических сведений об образовании Свода русских Законов, извлеченных из подлинных документов, хранящихся в архиве 2-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии. 1833, стр. 135—140“. Корф говорит, что эта книга Сперанского была тогда же переведена на многие европейские языки.

вительства и общественников злоупотребление властей; чтобы суд и расправа производились без проволочки, изустно, всенародно и без издержки; управление подчинялось бы не своенравию лиц, а правилам неизменным; чтобы дарования без различия сословий призывались содействовать общему благу; а назначение чиновников утверждалось бы по указанию общественному для отдаления лихоимцев и невежд; чтобы назначение поборов и употребление сумм общественных были всем известны; доходы с винных откупов, основанные на развращении и разорении низших сословий, были заменены другим налогом [1]); участь защитников отечества была обеспечена, число войск уменьшено, срок службы военной сокращен и плата солдату соразмерно нуждам его умножена; чтобы военные поселения, коих цель несбыточна, учреждение беззаконно, были уничтожены к предотвращению ужасов, там совершенных, и пролитой крови; чтобы торговля и промышленность были избавлены от учреждений самопроизвольных и обветшалых подразделений, затрудняющих их действия; чтобы духовенство, обеспеченное в содержании, не зависело от прихожан и соответствовало своему служению.

Зрелость гражданственности ускорила новые стихии, которые Т. О. излило в область мысли. Оно рассеяло едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка и убедило народ, что раболепство пред лицами должно замениться повиновением закону. Т. О. постоянно доказывало выгоды взаимного поручительства, по которому дело одного лица становится делом всех; важность суда присяжных в делах гражданских и уголовных и тесную связь такого учреждения с свободою края; крайнюю потребность гласности установить как право и требовать от каждого как обязанность; вред от различия сословий, порождающих зависть и вражду и дробящих людей, вместо того, чтобы совокупить их. Существующему порядку противопоставлен был законный, обеспечены пределы, положенные Провидением всякой человеческой власти: нравственность, разум и справедливость, общая польза—различные отблески одной и той же истины. Т. О. ожидало, что образование совокупности народной доставит внутри Порядок и Правосудие, силу и уважение извне. Для достижения этой цели Т. О. обращалось ко всем сословиям и говорило языком для всех понятным. Временные и разнобытные порывы правительства на поприще Народного Просвещения заменились действием простым, безмездным, основанным на немногих началах, которые должны были—по неточности или по истине, в них заключенной—остаться без последствий, или овладеть будущностью [2]).

---

[1]) В русском списке было—побором, но взято в скобки и заменено—налогом.

[2]) Вот эта фраза в переводе „Полярной Звезды“, более точном и соответствующем франц. подлиннику: „Часто, но без последовательности повто-

Т. О. ходатайствовало за Греков, оставленных почти всеми европейскими державами; оно доказало, что восстановление Польши в виде Королевства, примкнутого к России, противно выгодам обеих земель [1]); оно протестовало противу рабства и торга Русскими, противных законам Божиим и человеческим. Наконец, своим учреждением и совокупностью видов оно доказало, что система Самодержавия уже не соответствовала настоящему состоянию России, что основанное на законах Разума и справедливости Правительство одно может доставить ей права на знаменитость среди народов просвещенных.

Эпохи переходные, неизвестные, в таинственном шествии народов к цели общественного устройства, являют случаи, в которых действия лиц политических, какого бы сословия они ни были, должны необходимо выходить из ряда обыкновенного, пробуждать Правительства и народы, усыпленные постоянным влиянием ложного устройства и предрассудков, наложенных веками. Когда эти люди принадлежат высшим сословиям состава общественного, тогда действия их есть обязанность и средство употреблением умственных способностей платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий [2]). Они пробивают новые пути к совершенствованию настоящих [3]) поколений; направляют усилия народа к предметам общественным; совокупляют действия умов второстепенных, лишенных возможности плодотворить взаимно; восстановляют борение частей, необходимое для стройности целого, и сами облекаются властию по праву и делу, по духу возрождения, который животворит их, и по нравственному влиянию, которое имеют они на своих сограждан. Их мысли оплодотворяют страны, на которые изливаются, с такою же силою, как набеги завоевателей опустошают их: ибо зло и добро причиняются обществу от нескольких лиц. Они отрекаются от жизни и тем свидетельствуют правдивость своего послания, истину своих начал и законность своей власти. Все эти условия соединялись в составных стихиях Т. О., в свойстве видов его и в образе действий.

Нравственное влияние, произведенное разлитием этих идей, было так сильно, что император Александр обязался даровать конституцию Русским, когда они в состоянии будут оценить пользу

рявшиеся усилия правительства в деле просвещения были заменены упрощенной методой, не требующей издержек и основанной на небольшом числе правил, которые, смотря по тому, были ли они ошибочны или верны,—не имели бы вредных последствий или бы господствовали в будущем".

[1]) Фразы о Польше нет в „Полярной Звезде", но она имеется во французском подлиннике.

[2]) Вот перевод „Пол. Звезды": „Если такие люди вышли из верхних слоев, то гражданская деятельность становится для них долгом, который они платят употреблением умственных сил—низшим сословиям за свое превосходство перед ними, купленное их трудом и усилиями".

[3]) В подлиннике и в „Полярной Звезде": „возникающих".

оной (Варш. сейм 1818 г. 15 Марта). Т. О. с признательностью и доверием к Верховной власти приняло это обещание, как политическое данное, которое освещало намерение Т. О., внушало ему новую ревность. Оно соединило и употребило все свои средства, чтобы исполнение этой мысли не зависело от пожизненного расположения [1]) и приготовляло Россию: познавать, чувствовать и быть достойною блага свободы. Эти работы были так важны, что Т. О. даже после своего разрушения проявляется в сущности каждого Правительственного постановления и в каждом замечательном событии последнего десятилетия.

В исполинском предприятии, которое, по сознанию самого правительства, должно было изумить даже тех, которые его постигли,— ошибки были неизбежны (Донес. След. Ком., стр. 5). Их было много. В недрах общества вскоре ощутился недостаток понудительной силы, которая соразмеряла бы общее движение. Слабое в начале небольшим числом своих основателей, оно впоследствии подверглось важнейшему неудобству по множеству своих голосов. Взрощенные в дремотной гражданственности, основанной на бездействии ума, им трудно было удерживаться на высоте своего призвания. Прибегли к разным вымыслам, чтоб обуздывать неосмотрительную ревность одних, подстрекать медлительность других, успокаивать опасение остальных, сохранять согласие между всеми. Единство действий рушилось. Т. О. разрушилось на Северное и Южное, по обширности края, понудившего учредить два средоточия действий. Первому повредило влияние новых членов, которым поручено было временное управление дел. Последнее с распространением деятельности увеличило затруднительность своего положения, присоединив Т. О. Славян и вступив в сношения с Польским Обществом, которого виды отчасти различествовали и требовали противудействия. Между тем измена втайне подрывала основание здания. Тогда же смерть императора Александра, два отречения, две присяги, последовательные и противоречащие, тайное завещание, отысканное в архивах, взволновали, расстроили умы и породили происшествие 14 Декабря в Петербурге и отважное движение одного полка на юге.

Враждебная партия искусно воспользовалась ошибками. Она состояла из дворян, которые боялись лишиться своих прав и рабов, и из чиновников-иностранцев, которые боялись лишиться своего жалованья. Водители партии поняли, что конституционный порядок есть новое вино, которое не держится в старых мехах; что с падением Самодержавия они принуждены будут оставить места, сложить чины и ордена, как актеры после неудачной драмы. Ничего не упустили к отклонению удара. Правительство уверили, что целью Т. О. было цареубийство и безначалие. Эту мысль распро-

---

[1]) „От временной воли лица" (подлинник и „Полярная Звезда").

страняли в сословии малообразованных, которые верят всему, что напечатано [1]), и между духовенством, которое верит всему, что приказано [2]). Но торжествующая партия, в свою очередь, увлеклась ошибкою, свойственною всем партиям: неумеренностью при успехе. Более 600 человек были схвачены и брошены в казематы. Во время следствия, производимого Тайною Комиссиею по правилам, составленным наобум, некоторых из заключенных содержали в цепях, в темноте, томили голодом; других смущали священники, имевшие поручение выведать тайны на исповеди и обнаружить; иных расстроили слезами обманутых семейств; почти всех обольстили коварным обещанием всепрощения. Составили Верховный Уголовный Суд из военных, сенаторов, моряков и попов. Это судилище основалось на донесении Тайной Комиссии и, рассматривая не личные дела обвиняемых, но дела, совокупленные в разряды, приговорило: пятерых к четвертованию, 31 к отсечению голов, 112 к работе в рудники и ссылке и 9-х в солдаты, не допросив и даже не видав заключенных. Спешили кончить данное поручение, потому что приближались праздники коронации. — Правительство заменило смертную казнь 31, назначив им вечную работу в сибирских рудниках с заключением в казематы (на них были надеты оковы; они были лишены воздуха и света, предоставлены произволу низших служащих, подчинены управлению грубых людей, сограждан которых они хотели освободить, как первые христиане, которых подвергали оскорблениям перед тем, как предать диким зверям) [3]); а Верх. Угол. Суд, которому предоставлена была участь 5-х, нашел милосердие в том, что заменил колесо виселицею (Протокол Суда, июля 11-го 1826 года). Приговор выполнили украдкою, на гласисе крепости, где был призрак суда, и под прикрытием внезапно собранных войск. Неумение или смятение палачей продлило мучение осужденных: трое выпали из слабо затянутой петли, были разбиты, окровавлены, вновь повешены. Они умерли спокойно в твердой уверенности, что смерть их была необходима, как свидетельство истины их слов. Родным запретили взять тела повешанных: ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью и на другой день всенародно благодарили Бога за то, что пролили кровь. Водители партии, достигнув соучастия Правительства в таком деле, заняли частные места в управлении [4]).

---

[1]) Было—„написано“, но взято в скобки и зачеркнуто.

[2]) Было — „написано“, но взято в скобки Вся эта фраза отсутствует в „Полярной Звезде“, но имеется во французском подлиннике.

[3]) Все, что взято здесь в скобки, имеется во французском подлиннике; этого нет ни в „Полярной Звезде“, ни в русском переводе.

[4]) В „Пол. Зв.“, в большем соответствии с франц. текстом, читаем: „После этого государственного подвига (в подлиннике—coup d'Etat) его главные деятели, столь повредившие правительству, успели стать во главе правления“.

Но деятельность господствующей партии поглощается, повидимому, частными мерами и изменениями [1]). Оно старается сделать Правительство самодержавнее, чем оно есть; а народ — народнее, чем он есть. Власть, на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее — нечто иное, как постепенное отступление, под прикрытием корпуса жандармов пред духом Т. О., который охватывает ее со всех сторон. Отделилась от людей, но не отделяется от их идей [2]). Желания нового поколения стремятся к сибирским пустыням, где славные изгнанники светят во мраке, которым стараются их затмить. Их жизнь в заточении постоянно свидетельствует об истине их начал. Их слово так сильно, что запрещают выражать его даже в простых письмах к родным. У них отняли все; звание, имущество, здоровье, отечество, свободу; но не могли отнять у них любовь народную. Она обнаруживается благоговением, которым окружают их огорченные семейства; религиозным чувством, которое питают к женам, разделяющим заточение мужей своих; ревностью, с которой собирают письмена, где обнаруживается животворящий дух изгнанников. На время могут затмить ум Русских, но никогда их народное чувство. +

[1]) „Одними полумерами и внешними изменениями" („Пол. Зв.").

[2]) В „Полярной Звезде": „От людей можно отделаться, но от их идей нельзя". В подлиннике: „Car on s'est défait des hommes, mais non pas de leurs idées".

Мое единственное оружие — мысль... Оппозиция свойственна всякому политическому устройству.

Лунин, Письмо 16 VI, 1838.

РАЗБОР ДОНЕСЕНИЯ,

ПРЕДСТАВЛЕННОГО РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ

Тайной Комиссией в 1826 году

Тайная следственная комиссия, учрежденная в С.-Петербурге 26 (14) декабря 1825 г., обнародовала сведения, собранные ею о тайном союзе и славянском обществе. Доклад сей достиг своей цели: ему последовали казнь и ссылка обвиненных. Но истина, необходимая для всех человеков и для всякого времени, налагает на нас обязанность возразить на некоторые из обвинений, находящихся в сем донесении, обратившемся в исторический документ (a)[1].

Три главные причины в совокупности влияли[2]) на действия комиссии, несмотря на старание и рвение, с которыми она стремилась исполнить важный труд, ей порученный. Первая причина заключается в отсутствии начал, в несовершенстве обрядов судопроизводства и в несообразности самого законоположения (b). Обвиненные, из коих многие допрошены лично государем, содержались под строгим заключением сперва в императорском дворце, а потом в казематах[3]) Петропавловской крепости. Они не могли ожидать ни заступления законоведца, ни охранительных обрядов уголовного производства, ибо таковое желание их вменялось им в число преступлений: спокойствие духа было им необходимо для соображения ответов, а все средства употреблены были, чтобы раздражать и волновать их. В полночь внезапно отпирались двери

[1]) Буквы в скобках означают ссылки Лунина на его примечания к тексту „Разбора“. Все эти примечания помещены здесь вслед за текстом (см. стр. 77), как и в английской рукописи Лунина. Цифры в скобках означают ссылки Лунина на страницы одного из многочисленных изданий „Донесения“ в 1826 году.

[2]) В русском списке: „вредили действиям“.

[3]) Здесь, в английском подлиннике, у Лунина—два креста на полях.

темниц; на узника набрасывали покрывало; безмолвно вели его через коридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало, он находился уже в зале присутствия, перед членами тайной комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или смерть; требовали ответов мгновенных и обстоятельных; обещали именем государя помилование за откровенность; отвергали оправдания, об'являя, что оные будут допущены впоследствии перед судом; вымышляли показания; отказывали иногда в очных ставках и, часто увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить показание или признание на других. Кто молчал, или по неведению происшествий, или от опасения погубить невинных, того в темнице лишали света, изнуряли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостоверяться, сколько осужденный мог вынести телесных страданий. Священник тревожил его дух, дабы исторгнуть и огласить исповедь. Многие из узников были поражены помешательством ума; двое в цвете лет померли в казематах (с). Итак, признания, служившие основанием допросу, не всегда были добровольны [как утверждает комиссия в своем донесении] [1]) (1, 2); иные, по расчету основывались на обещанном прощении; другие были только мнимыми откровениями [внушенными желанием послужить делу конституции] или отклоняли ответственность, угрожавшую многим, на одно или несколько [2]) лиц. Наконец, некоторые признания, подтверждая вещи несбыточные, изобличали только смущение и душевные страдания заключенных. Показания узников, вследствие той же причины, неопределенны, несвязны и часто нелепы (d). Некоторые из членов союза и без чуждого влияния, желая говорить истину, содействовали к заблуждению, приступая к многосложным происшествиям и к началам отвлеченным, которые превышали их понятия. В этом мраке комиссия должна была полагаться на слабый мерцающий свет, который доставляли ей извет и доносы трех лазутчиков, единственных законных уличителей в деле тайного союза (е).

Вторая причина заблуждений, вкравшихся в доклад, есть недостаток письменных свидетельств, которые состояли только из зеленой книги, из двух предначертаний конституций, литературного отрывка под названием „Разговор любопытный", частных писем и песен. Первый из сих документов—отрывок устава тайного союза, не дающий полного понятия об устройстве оного; вторые суть опыты конституционного законодательства, предпринятые для возбуждения изысканий по сей отрасли нравственных наук; последние не заслуживают того, чтобы остановить наше внимание в столь важном деле.

---

[1]) В прямых скобках то, чего нет в русских списках.
[2]) В русских списках еще: „избранных".

Наконец, третья причина заключается в политических соображениях, понудивших комиссию исключить или изменить некоторые обстоятельства и обратиться к страстям толпы, чтобы поколебать в общем мнении людей, коих влияние и за тюремными затворами казалось опасным.

Частное и взаимное действие сих причин изобличается едва ли не во всех вопросах нам предлежащих; оно об'ясняет, каким образом комиссия могла быть омраченною или почему она утаила настоящий свой образ мыслей. Комиссия приписывает основание тайного союза—духу подражания; быстрое его развитие—обыкновенным филантропическим и патриотическим мыслям, помещенным в его уставе, побуждениям слепой дружбы [и доверия], влиянию моды, боязни казаться смешным, суетному любопытству и даже видам личной корысти, что способствовало поочередно к умножению членов [1]). Явное противоречие проистекает из такого воззрения. Допустить это начало и эти побуждения — ни этот союз, ни члены оного не заслуживают внимания правительства. Однакож, правительство нашлось принужденным вступить в состязание с союзом, воздвигать оплоты противу его потока, сойти в ристалище, чтобы бороться грудью с частными лицами. Надлежит сознаться, что тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжение более века, возникали с тем, чтобы изменять формы самодержавия; он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал (1). Он только вид того общественного преобразования, которое уже издавна совершается у нас и к торжеству которого все русские содействуют, как сподвижники, так и противники оного. Происшествия, среди которых возник и распространился тайный союз, долженствовали благоприятствовать его успехам. Упорная борьба против соединенных сил Европы совокупила народ для защиты своего достояния, которое одни меры правительства не в состоянии уже были охранять. Вслед за отпором внешнего врага совокупностью народных сил общее внимание естественно обратилось на внутреннее устройство края. Война без цели, мир без пользы, суетные конгрессы, сокровенные договоры [2]), общее лихоимство, неустройство в законодательстве, опустошенные области и в пепел превращенная столица вопияли за отечество (f) (2). Озарилась необходимость посредничества в устройстве гражданском, подобно тому, которое решило участь брани. Мыслящие восстали на умственный подвиг, как прежде толпы восставали на рукопашный бой. Не станем судить тех, коих дело еще не совершено, дабы в свою очередь не осудили нас те, которые воспользуются их трудами.

---

[1]) В подлиннике—скобки для указания страницы, но цифры нет.

[2]) В русских списках еще: „управление, преданное иноземцам".

Тайный союз обвиняют в том, что, в продолжение десяти лет, он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле таково было его назначение. Союз постиг необходимость коренного преобразования; ибо народы, подчиненные самодержавию, должны или исчезнуть или обновиться (g). Он положил начало преобразованию, открыв новые источники просвещения и вруча народу новые средства к могуществу. Право союза основывалось на самом свойстве живительных начал, им провозглашенных, на потребностях народа, которые надлежало удовлетворить, на данных, установленных народами, находящимися во главе общественной иерархии [1] (h). Право союза опиралось также на обетах власти, которой гласное из'явление имеет силу закона в самодержавном правлении. „Я намерен даровать благотворное конституционное правление всем народам, Провидением мне вверенным“ (Речь императора Александра на Варшавском сейме). Это изречение вождя народного, провозглашенное во всеуслышание Европы, придает законность трудам тайного союза и утверждает его право на незыблемом основании. Он предупредил только государя, в его великодушном подвиге, возбуждением умов: впоследствии он содействовал его видам, вызывая полезные применения в законах, понятиях, обычаях и нравах. Это согласие между двумя столь различными властями, кажется, не сокрылось от внимания комиссии, равно как и последствия сего явления. Поэтому умалчивая о началах нового устройства, о предначертанных средствах его постепенного введения и утверждения, комиссия говорит, что тайный союз намеревался подчинить Россию республиканскому правлению. Но слова, которые она приводит, свидетельствуют противное: „Конституционные понятия, более сходные с монархическими, обнаружились в основателях (стр. 11): даже тогда, когда республиканские мысли брали верх, члены говорили, что если император Александр сам дарует России хорошие законы, то они будут его верными приверженцами и оберегателями“ (стран. 11); „Республиканское правление с президентом очень хорошо, но главное всегда зависит от устройства представительства“ (стран. 12). Перейдем от слов к поступкам. Один из конституционных проектов писан в монархическом духе. Накануне восстания 14 (26-го) декабря, члены союза решили, чтобы из всех губерний созваны были представители; чтобы представители сии определили новое законоположение для управления государством; чтобы представители Царства Польского были также созваны для постановления мер к сохранению единства державы (стран. 45, 46). Вот очевидные доказательства, что тайный союз никогда не имел странной мысли водворить образ правления по своему произволу. Союз обсуждал и раскрывал все политические соображения, дабы увеличить массу

[1] **В русских списках: „во главе всемирного семейства“.**

специальных [1]) познаний и облегчить рассудительный выбор во время свое; но он не думал право неот'емлемое у народа присвоить себе, ни даже иметь влияния на его выбор, ибо, означая республиканское правление, как наименее сложное, он не скрывал его невыгод и недостатков [2]). Один меч налагает законы и эти законы существуют, доколе меч не возвратится в ножны. Члены тайного союза не имели, без сомнения, ни желания, ни средств покорить своих соотечественников, а здание, которое они воздвигали, долженствовало простоять не один день, ибо его обломки противятся еще бурям, высятся над уровнем отечественных постановлений, наподобие пирамид, для указания будущим поколениям стези на политическом поприще.

В числе важных соображений, обративших на себя внимание тайного союза, находились и будущие отношения народа к государю. Союз обязан был предвидеть изменения, которые переворот существующего порядка или даже обыкновенный ход происшествий рано или поздно долженствовали произвести в сих отношениях. Ему следовало придумать способы укрощать порывы, обычные в те дни брожения и смут, когда народ требует отчета за прошедшее и возобновляет свой договор на будущее. Тайный союз имел особенно в виду охранять Россию от междоусобных браней и от судебных убийств, ознаменовавших летописи двух великих народов [3]). При обсуждении таковых вопросов, в частных разговорах или в настоящих совещаниях, некоторые члены могли излагать неправильные мнения или даже предаваться порыву страстей. На этих-то из'явлениях комиссии приписываются тайному союзу предположения о цареубийстве. Надлежит однакож взять в уважение, что союз, не имея понудительной власти, не мог подлежать ответственности за временные отклонения некоторых его членов. Притом главные действователи принуждены были иногда для виду уступать страстям, возникающим в союзе, чтобы направлять его к высокой цели своей. Справедливо ли будет, за случайно из'явленные некоторыми членами мнения, винить союз, как мы обвиняем конвент и английский парламент, рассуждавшие о цареубийстве? Ограничимся некоторыми замечаниями: Тайный союз не мог ни одобрять, ни желать дворцовых революций [4]), ибо таковые предприятия даже под руководством преемников престола (i) не приносят у нас никакой пользы и несовместны с началами, которые союз огласил и в которых заключалось все его могущество. Союз стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости

---

[1]) В русских списках: „правительственных“.
[2]) В подлиннике—скобки для ссылки на страницу, но цифры нет.
[3]) В русских списках—в скобках еще: „Англия, Франция“.
[4]) В русских списках вместо последних дувх слов: „покушений на царствующие лица“.

и разуму. Обвинение [1]) основано лишь на отдельных изречениях, случайных разговорах и на мечтаниях расстроенных умов. Это искусное сплетение доставило докладу мимолетную занимательность мелодрамы [2]), способствовало обратить умы вспять и отвлекло общее внимание от откровений будущего. Некоторые из значительных членов союза были отстранены от следствия, не названы в докладе и прощены под предлогом молодости и раскаяния. Власть имеет право облегчить наказание и даже помиловать; но величие законов и общественная совесть требуют предварительно судебного приговора. Благодарность за неожиданное снисхождение доставила орудие против остальных сочленов. Трудно допустить, чтобы члены почтеннейших семейств в России, чтобы люди, отличавшиеся постоянным доверием сограждан и одобрением правительства, исторгнувшие уважение даже среди уничижений и страданий, которыми их отягощала раздражительная власть, трудно поверить, чтобы таковые люди помышляли только об убийстве и безначалии. Из трех приведенных комиссиею письменных свидетельств: письмо к польскому обществу не было отправлено по незначительности содержания, остальные два—опровержение мысли о цареубийстве (стран. 6, 19, 20). Декабря 14 (26-го), когда смятенные войска проникли во внутренность дворца и когда государь находился один среди толпы, не сделано было покушения на его жизнь: ибо люди, обрекшиеся на смерть, покорствовали правилам тайного союза. Скажем в заключение, что само правительство не верило сему обвинению: оно бы не допустило, чтобы брат государя явился истцом и судьею в собственном деле.

Другое, равно важное, обвинение тяготеет над южным обществом. Тайная комиссия утверждает, что оно намерено было расчленить империю [3]), что оно условилось с польским обществом отдать Польше некоторые возвращенные от нее области, и что вследствие этого договора правитель южного общества сочинил карту, на которой означены новые границы (стран. 27). Не нам опровергать сие обвинение; это дело совершил уже Варшавский следственный комитет, на который ссылается тайная комиссия. Комитет [4]) утверждает, что члены обоих обществ ни в чем не могли согласиться, не заключили никакого окончательного договора, и что между ними не было и рассуждения о присоединенных к России областях (Донесение Варшавского следственного комитета, стр. 44—65). Когда две комиссии, облеченные одинаковою властью, действуя в одном духе и соглашаясь во всем, противоречат друг другу в одном только событии, то должно заключить, что его не бывало. Славянское общество имело первоначально в виду соединять общим

---

[1]) В русских списках еще: „в помысле на цареубийство“.
[2]) В русских списках просто: „драмы“.
[3]) В русском тексте: „располагать достоянием России“.
[4]) В русских списках еще: „после 11-ти-месячных разысканий“.

союзом славянские племена, рассеянные по Европе. Оно присоединилось к южному обществу, ибо нашло, что сие последнее благоприятствовало соединению образованием могущественного средоточия. Оно бы не слилось с южным обществом, если бы не увидело в оном начала разделения и раздробления, противоположные своей цели. Наконец, тайный союз, повсюду исполненный одинаковым духом, в час решительный помыслил созвать представителей Царства Польского для принятия мер к сохранению единства державы (стран. 45).

Вместо того, чтобы изложить обе конституции, составлявшие одно из главных обвинений, комиссия довольствуется только замечанием, что конституция Никиты Муравьева разделяла Россию на независимые области, соединенные общим союзом. Она не заметила, что независимость областей не согласуется с монархическим правлением, утвержденным сею конституциею, и упускает из виду не без цели, что областные собрания не облечены державною властью. Областные собрания среди совокупленных губерний, ведая только распоряжениями и расправами местными, содействовали единству управления державного. Эта конституция не только не стесняла исполнительной власти [1]), но доставляла ей свободу действия, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюдения державных выгод; признавала ее необходимое участие в законодательной власти и надзор за общим ходом судопроизводства. Отделяя ветви управления, она избавляла только исполнительную власть от посредничества между частными лицами, предоставленного самостоятельной судебной власти. Таким образом прекратилось бы смешение властей, столь гибельное в нашем общественном устройстве (стран. 18). Комиссия величается, что она открыла конституцию Пестеля (Русскую Правду) [2]), зарытую близ неизвестной деревушки (стран. 56). Но она совершила сей подвиг, дабы вернее укрыть Русскую Правду от народа, предав ее забвению архивов. О конституции Пестеля в донесении сказано несколько слов в примечании, изобличающих более осмотрительность членов комиссии, нежели заблуждения сочинителя. Мы разделяем затруднение членов, обвинявших, когда не было вины, обращавших в преступление то, что послужило впоследствии руководством правительству, скрывавших то, что надлежало огласить.

Восстание 14 (26-го) декабря было только неминуемым следствием предшествующих событий. Известясь о кончине императора Александра, государственный совет не привел в исполнение завещания покойного государя, находившегося в пакете, который ему поручено было охранять, и поспешил [3]) провозгласить императором

---

[1]) В русском тексте, в скобках, еще: „императорской".

[2]) В английском подлиннике это также в скобках и по-русски.

[3]) В русских списках вместо этого слова: „предоставил правительствующему сенату".

великого князя Константина, без предварительного удостоверения в его согласии, на что требовалось несколько дней промедления. Народ присягнул новому государю на основании указа, изданного тремя высшими сословиями империи [1]). За сим вслед другой манифест об'явил, что новый государь подписал отречение от престола втайне, тому уже несколько лет: что он возобновил сие отречение в двух частных письмах к членам своего семейства и что вследствие этих писем Россия должна признать меньшого брата его и произнести новую присягу в противность первой. Таковая поспешность и изменчивость в делах толикой важности возбудили недоверчивость и неудовольствие во всех сословиях народа. Северное общество находилось тогда под влиянием правителей ревностных и деятельных, но не успевших еще приобрести опытности в делах (j). Волнение, которое они замечали, и ропот, отовсюду к ним доходивший, наконец, и на них подействовали. Им пришла мысль, что наступил час решительный, дающий право изменить образ действия, постоянно сохраненный в продолжение десяти лет, и прибегнуть к силе оружия. После многих прений на шумных совещаниях, это мнение было утверждено большинством голосов. Дух тайного союза мгновенно заменился духом восстания. Но столь внезапный переход должен был взволновать и смутить все понятия. Члены, увлеченные внезапными страстями [2]) на новое и для них незнакомое поприще, не могли согласиться ни между собою, ни с новыми ежечасно прибывающими сподвижниками. От сего несвязность принятого предначертания для военных действий, недостаток порядка и единства в исполнении, вымыслы для возбуждения солдат раздраженных, но не созревших для действия, отсутствие распоряжений в решительное мгновение. Во все продолжение восстания не видно следа предначертания; войска отказываются от требуемой присяги, сходятся на означенной площади, отражают частные нападения, проводят часы в ожидании. Во мнении толпы это неудачный порыв; для мыслящего это шаг на политическом поприще. По неизменному закону нравственного мира, истина требует боренья: боренье началось; требует крови: кровь пролита. Впрочем, комиссия довершила начатое. Обнародовав начала предполагаемого преобразования, она без ведома своего содействовала успеху конституционного дела столько же [как и соединенные усилия тайного общества, не располагавшего столь] могущественными средствами гласности.

Донесение комиссии исполнено подробностей, которые не имеют прямого отношения к главному предмету. Личные ощущения членов, взаимные их сношения, их мечтания, путешествия и разные

---

[1]) В русских списках вместо этих пяти слов: „правительствующего сената и распоряжений святейшего синода".

[2]) В русском тексте явная описка: „народными властями".

обстоятельства частной жизни занимают много места. Даже шутки и суетные остроты помещены в творении, которое вело к пролитию крови (к). Мы не станем всего опровергать: основания потрясены здание должно рушиться. Заметим, однакож, что комиссия умалчивает об освобождении крестьян, долженствовавшем возвратить гражданские права нескольким миллионам наших соотечественников. Она ничего не говорит о новом уложении [об устройстве судебной власти], об исправлении судопроизводства [1]), об уничтожении военных поселений, о свободе торговли и промышленности, об оказании помощи угнетенной Греции и о других правительственных мерах, коих поочередно требовало, и отчасти достигло, свободное из'явление совокупной воли частных лиц. Эти упущения скрывают от России важную часть трудов тайного союза и препятствуют полному уразумению его учреждений. Причина этих упущений находится в условиях, стеснивших действия комиссии. Приступая к этим вопросам, она бы возбудила народное участие, которое надлежало подавить; она бы говорила в пользу учреждения, которое надлежало разрушить. Тому же побуждению приписать должно уверения комиссии, что этот великий политический союз был обыкновенным только заговором против государства. Достаточно заметить, что заговор не длится десять лет сряду, что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словом, восторжествовать убеждением, что им не приходит на мысль испрашивать согласия у власти, которую намереваются ниспровергнуть: наконец, что заговорщики не остаются неподвижно каждый на своем месте [когда их намерения открыты], когда наполняются темницы и начались истязания. История всех народов и времен не представляет сему примера. К тому же правительство знало о существовании тайного союза: в бумагах покойного императора отысканы сочинения одного из его членов. Всем известно, и этого, без сомнения, никто не отважится оспаривать, что покойный государь часто говаривал о тайном союзе и называл поименно главных двигателей оного. Итак, в продолжение десяти лет, или правительство было заодно с заговором, или оно не смело его уничтожить. И того и другого допустить невозможно.

Однакож комиссия отбросила политические расчеты и следовала внушению чувств возвышенных, когда она с уважением отозвалась о первых пяти мучениках конституционного дела. Рылеев, виновник 14-го декабря, искупляет невольное увлечение глубокомысленным, можно сказать пророческим, изречением: „если кто заслужил смерть, необходимую, может быть, для будущего блага России — это я“ [2]). Твердое поведение Каховского в продолжение восстания изображено верно и беспристрастно; но не замечено одно,

---

[1]) В русском тексте еще: „о преобразовании войска“.
[2]) Здесь в скобках—пустое место для ссылки.

что он тогда только прибегнул к орудию для защиты сподвижников, когда просьбы и увещания его остались бесполезными. Бестужев-Рюмин в докладе ярко выделяется своею неутомимою деятельностью. Он извещает о существовании польского общества, открывает соединенных славян, исполняет важные поручения, рассуждает в думах, принимает новых членов, представляет письменные предначертания, сражается в рядах восставших [1]). Ему было только 22 года отроду во время казни. Комиссия дает нам точное понятие о характере Сергея Муравьева-Апостола, изображая, как полк, которым не он начальствовал и в коем находилось не более двух или трех членов, берется за оружие, узнав о его заключении, исторгает его из плена и идет на верную гибель, чтобы разделить его участь. Вот в каких словах комиссия выражается о Пестеле [2]): „влияние его редко оспариваемо близкими к нему сообщниками; он удалял слабосердых, представляя им опасности и трудности предприятия; некоторые из главных действователей видели в нем более сходства с Наполеоном, нежели с Вашингтоном; он был в южном обществе не только правителем, но полным властелином, как свидетельствует самый ход происшествий. Большая часть членов слепо ему верила; иные, не зная его конституции, хотели всем жертвовать для введения предположенного в ней образа правления“ (стран. 14, 16, 17, 25, 26). Излагая с таковым беспристрастием различные свойства сих политических лиц, комиссия, кажется, предчувствовала [что ее допрос заменит судебное следствие], что верховный уголовный суд не будет иметь досуга ни допрашивать [3]), ни слушать оправдание, ни даже удостовериться в тождестве лиц, что он немедля приступит к приговору на смерть, заменяя топор палача — веревкою. Неусыпный надзор правительства над их сподвижниками в пустынях Сибири свидетельствует о их политической важности, о симпатиях народа, которыми они постоянно пользуются, и о том, что конституционные понятия, оглашенные ими под угрозою смертною, усиливаются и распространяются в недрах нашей обширной державы. +

---

[1]) В русском тексте вместо двух последних слов: „когда оружие заменяет совет“.

[2]) В русском тексте еще: „который действовал одною умственною силою“.

[3]) В английском подлиннике нет отметки, к чему относится примечание под буквой „l“. В русском списке это примечание отнесено к настоящей фразе. Так оно и должно быть по смыслу.

Алфавитные примечания [к „Разбору"]

а) Члены тайной комиссии: председатель военный министр Татищев; члены: великий князь Михаил, действ. тайный советник князь Александр Голицын, генералы Голенищев-Кутузов, Чернышев, Бенкендорф, Левашев, Потапов; секретарь Блудов.

b) „Обряд производства уголовных дел установлен общими законами; но в делах высших государственных преступлений общий уголовный обряд не мог быть достаточен. Посему ваше императорское величество, при самом составлении суда, соизволили преподать ему дополнительные правила, на общем порядке судопроизводства основанные и для успешного движения сего дела необходимые". Доклад Верх. Угол. Суда 1826. Свод Угол. Законов, т. 15, стр. 363, ст. 1229; Указы 1645, 1726, 1734, 1762 и др. годов.

c) Сходившие с ума: Батенков, Матвей Муравьев-Апостол, Андреевич, Фурман, Враницкий, Фаленберг, Фохт и др. Умершие: Поливанов, Булатов.

d) Свидетельство: обреченный отряд на гибель, чтобы всех изгубить; таинственный и всемирный Орден Восстановления; мысль явиться на придворном бале с духовым ружьем; создать родовую аристократию; проект вывезти из Европы, будто для основания республиканских правительств, в другие части света всех людей беспокойных, которые желают перемен и смятений и т. д. (стр. 6, 25, 34, 35, 42) [1]).

e) Переметчик: Майборода; лазутчики: Шервуд, граф Витт, Бошняк.

f) Походы 1813, 1814, 1815 годов. Мир Парижский. Конгрессы: Венский, Ахенский, Троппауский, Лайбахский, Веронский и др.

g) Римляне, Англичане.

h) Англичане, Французы.

i) Екатерина I, Елизавета, Петр III, Иоанн VI, Павел I и др.

j) Кн. Оболенский, Рылеев и Александр Бестужев, временно, вместо Никиты Муравьева, находившегося во внутренних губерниях России.

k) Тигр (стр. 6); Рубикон (стр. 43); Фамилия не иголки (стр. 44); довольно велик (стр. 49) и др. [1]).

l) „Суд избрал последний путь (не допрашивать) по числу подсудимых—более удобный". Доклад Верх. Угол. Суда 1826 г. [2]).

---

[1]) Отдельные выражения из разных показаний декабристов, включенные в „Донесение" Следственной Комиссии.

[2]) Сокращенная выдержка из Доклада, но слова, взятые в скобки, принадлежат Лунину и в подлиннике также заключены в скобки.

Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание.

Лунин. Письмо 16-е.

РОЗЫСК ИСТОРИЧЕСКИЙ

I

Летописи рассказывают, что в 859 году Нордманы (Варяги) напали на Славян и обложили их данью, но были выгнаны после двухлетней борьбы. Вскоре потом Славяне отправили выборных уговаривать тех же Нордманов возвратиться и царствовать над ними по праву: „земля наша,—говорили посланные,—велика и обильна, но порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами“. Некто Рюрик нашелся исполнить их желание и прибыл с семейством и шайкою морских разбойников в Новгород, где утвердил свое владычество.

Добровольное подданство народа своим врагам утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI столетия. Очевидно, что добрый инок, по простоте или из собственных видов, обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придавать законность своему владычеству. Когда нет исторических источников и предания недостаточны, напрасны будут догадки. Год прибытия Нордманов, кажется, не противоречит летосчислению. Их водворение может об'ясниться только двумя предположениями. Мнение, что, призванные для защиты, они владели краем, похоже на правду; оно согласно и с обычаями времени, и с хитрым воинственным характером *морских королей*. Можно также принять мнение, что второе нападение их было удачнее первого и что право завоевания было началом их владычества. Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий.

Однакож, сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время, для выгод правительства, которое всегда ищет опоры в мнении народном. Правительство же не может терпеть ничего независимого в своем домостроительстве. И потому мнение для него: или камень преткновения, или тростник. Куда ни кинь, все клин.

II

Русские историки усваивают народу чувственную любовь к государям, которые от начала и до наших дней, то по одиночке, то толпою, являются на своем поприще. Разберем свидетельства исторические. Поколение Рюрика, утвердившееся коварством или насилием, сперва оказало услуги Нордманам духом завоеваний и водворениями, распространившими пределы страны. События этого времени ознаменованы бунтом древлян, полочан, радимичей и других племен, и мщением, которое правительство излило на них. Уделы, заведенные Нордманами, укоренились по смерти Владимира. Край раздробили; народ разделили на участки. Это устройство по своим последствиям было пагубнее ига многольского. Силы края истощились в междоусобиях. Ум юного народа затих от постоянного действия раздробленного самодержавия. Народный дух, постепенно угасая, заменился равнодушием. Следы такой же гражданской жизни заметны у нас даже и теперь. Ни холоден, ни горяч—хуже всего в политике, как и в религии. Только Новгород и Псков устояли против общей заразы. Несмотря на все усилия властителей, они сохранили право избирать и судить князей. 30 из числа избранных были отрешены и изгнаны.

С появлением Монголов князья норманского поколения пали к ногам завоевателей. Они заботились только о себе в бедствиях отечества и перед ханами искали такого же унижения, какого требовали от (своих) [1]) подданных. Такого поведения не вытерпели, наконец, и Монголы, хотя им были выгодны унизительные происки князей. Многие вызваны в орду, осуждены и казнены рукою палача. Не было ни усилия, ни сочувствия со стороны подданных. Татарский приговор освящался равнодушием народным.

Князья литовские, а не потомки Рюрика, положили начало освобождению. Они отторгли западные части края и присоединили к своим владениям. Им стали подражать князья московские, усилившиеся во время смятений. Обогащаясь умножением и удержанием части поборов, переходивших в Орду через их руки ото всех уделов, они успели округлить свои владения насилием, покупками, наследствами и свадьбами. Ссоря удельных князей, коварствуя при дворе ханов, разоряя собственных подданных, они хлопотали только о том, чтобы соединить всю власть в своих руках. В то же время раздоры в Орде и изменение в религии, ослабляя Монголов, способствовали свержению ига. Однакож, не слабостью Монголов и не происками князей освободилась Россия. Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов.

---

[1]) **Так в рукописи.**

Порядок уделов, изменяемый при Ярославе и Мономахе, окончательно рушился при Иоанне III и его наследниках. Раз'единенное самодержавие совокупилось; но сущность осталась та же. Переменам никто не противился: ни князья, у которых все было продажно, ни народ, который после 400-летних бедствий стал ко всему равнодушен. Но препятствия встретились в Новгороде, сохранившем права свои, развитые посредством торговли с народами более образованными. Прибегали к разврату, убийствам, конфискации, ко всем средствам насилия и неправды, которые необходимы заблуждению, чтобы удержаться и распространиться. Самодержавие, только что восстановленное в первоначальном виде своем, доставило русским Царя Бешеного (Иоанн IV), который 24 года (1560—1584) купался в крови подданных. Наконец, нордманские поколения, основанные морским разбойником, после 600-летнего владычества угасли вместе с Царем Слабоумным (Феодором Ивановичем).

В продолжительном племени князей из числа 750 видим только некоторых замечательных своими способностями; но они мелькают изредка и вся деятельность их ограничивается стремлением поддержать самодержавие в его различных видах. Впрочем, личное влияние князей было почти ничтожно. Мнение, что Владимир ввел христианство, основано на свидетельствах неважных, сомнительных и подлежащих спору. Те не понимают божественного происхождения веры, которые думают, что помощь сильных земли нужна для того, чтоб она проникла в сердца и утвердилась в них. Благодатные лучи веры гораздо прежде Владимира озарили пространные страны севера: Библия, переведенная на славянский язык греческими монахами в Моравии, была известна в России за 100 лет до обращения Владимира. Ольга, бабка его, уже христианка. Соборные послания патриархов Фотия и Игнатия свидетельствуют, что русские крестились в 867 году. В Олегово время Россия считалась 60-м архиепископством константинопольским. При Игоре была уже церковь св. Илии в Киеве. Договоры его с греческими императорами Комнином, Константином, Стефаном утверждались крестным целованием.

Русская Правда—сборник нордманских учреждений—перемешана с случайными постановлениями. Не удовлетворяя потребностям народа, это наборное законосоставление несообразностью частей своих только замедлило движение общественное.

Потомки Рюрика не умели заслужить и потому никогда не пользовались привязанностью подданных. Владычество князей ознаменовано беспорядками и бедствиями, за которые ответственность не может падать прямо на них. Корнем зла было самодержавие. Оно сбивает с толку, приписывая неограниченную способность человеку, который законами природы во всем ограничен. Они развращают, требуя, чтоб воздавали кесарю то, что принадлежит еди-

ному Богу. Общественное здание, основанное на песке, должно было неминуемо рассеяться без посторонних причин. Если оно еще не развалилось, этому причиной материалы и связь: народные свойства русских и вера.

III

В правление [1]) англичанин на базаре с Леви стоил 4 пенни; но эта цена изменялась, возвышаясь иногда до 3-х манкузов, до серебреного фунта и до золотой иры.

Поселяне с семействами и со всяким имуществом были собственностью лордов. Последние могли произвольно дарить или продавать их; могли трудами их обрабатывать землю или определять им работы не земледельческие; могли вместе с землей передавать их другому владельцу или разделять их наследникам по духовным завещаниям.

Верховным судилищем государства в XII веке был королевский суд. Епископы, графы, бароны и главные чины двора королевского заседали в оном. Король председательствовал; но в собственных тяжбах становился истцом, назначая председателя вместо себя.

В обыкновенных принудительных местах, судопроизводство было источником доходов для правительства и судей. Тяжбы длились иногда по нескольку царствований сряду и решались обыкновенно в пользу того, кто больше давал. По требованию баронов Иоанн Безземельный (в 1215 году) об'явил, что никто не может быть судьею, не зная законов, и принужден был подписать следующую статью Великой Хартии: *„Мы не будем продавать, не будем замедлять и не будем отказывать в правах и справедливости кому бы то ни было“*. Граждане не могли ни выезжать из королевства, ни оставаться за границею по делам своим сколько было нужно, без особенного королевского повеления.

Правительство с беспокойством наблюдало за поступками баронов, и, при малейшем подозрении, король сажал их в тюрьму, изгонял в заточение, грабил их земли, разрушал замки.

Когда Генрих III требовал, чтобы бароны собрались в его совет, они отказались, потому что важнейшие места в королевстве розданы были иностранцам и король более доверял честности последних, чем любви собственных подданных. Эдмон, епископ

---

[1]) Далее неразборчиво; верно: „англосаксоны“. Есть и другие неясности в тексте вследствие неразборчивости почерка.

Терберийский, сопровождаемый важнейшим духовенством, пришел к королю и об'явил: *„что англичане не хотят быть попираемы ногами иностранцев в своей родной земле“*.

Эти черты британских летописей сходны с тем, что мы видим вокруг себя. Русских продают и покупают по разным ценам; дарят, отказывают по духовным завещаниям и, сверх того, закладывают в кредитных заведениях. По делам политическим у нас составляется Верховный суд, подобный суду королевскому, с тою разницею, что не только председатель, но и все члены суда назначаются государем. Наши тяжбы также продолжительны и также раззорительны. Лучшее право у нас на звание судьи—одряхлеть в военных или морских чинах, без всякого знания законов и даже русского языка. В 1801 году Правительствующий Сенат просил правительство, чтоб необходимым условием для поступления в сенаторы и в удостоверение способностей был чин тайного советника. Без дозволения правительства русские не могут ни выехать из государства, ни жить за границею. Корпус жандармов постоянно наблюдал за ними. Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное. Следовательно, в несколько веков нашего политического быта мы едва подвинулись к той черте, за которой нашли англичан.

История должна [1]) не только для любопытства или умозрений, но путеводит нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразования. Народ нисходит в отрицательном состоянии и все способности его приведены к одному повиновению. Сам собою он ничего не делает. Ему предписывают, что он должен мыслить, что должен чувствовать и чем должен заниматься. Народ постоянно занят без сознания того, что он производит, подобно расстроенной машине, которой бесчисленные веретена хлябают от порывов внешней неправильно действующей силы. Производство такого механизма неудовлетворительно, потому что они основаны ни на законах, которые грубым веществом управляют, ни на законах, которым повинуются существа мыслящие. Оттого не видно следов ни нравственного развития в совокупности народной. Успехи наши ограничиваются удобностями животного существования для высших классов и внешним лоском, ослепляющим только взоры толпы. Само правительство признало необходимость исправить недостатки и злоупотребления настоящего управления, напечатав: *„что всякое желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению просвещения и промышленности, всегда будет нами с благоволением“* (Ман.

---

[1]) Так в рукописи. Верно: нужна.

13 июля 1826 г.). Оно собрало и обнародовало законы, которыми управляется Россия, для того, чтобы явить как недостатки, так и невозможность их исправить, пока не будут установлены условия необходимые, которые ручались бы за их прочность и исполнение. Наконец, правительство обязалось ввести Конституцию, как единственное верное средство против злоупотреблений, затрудняющих управление. Ибо опыт доказал, что размножать Уставы, учреждать новые министерства, изменять чины, плату, количество и мундир чиновников тоже значит, что подбеливать сметану. Русские превзошли англичан, отражая завоевателей от родной земли, и должны сравниться с ними утверждением законов конституционных и народной свободы.

Моя жизнь обратилась в беспрерывную борьбу с людьми и обстоятельствами.
Лунин, Письмо 1 V 1837

[ПРИЛОЖЕНИЯ]

[Письмо к Ипполиту Оже]

Париж, 5 ноября [1816].

Мой милый Ипполит! Мне не следовало вам писать, потому что хорошего мало. Здоровье мое расстроилось; я не могу встать с постели. Свечи я все сжег, дрова тоже, табак выкурил, деньги истратил, а между тем наступил срок платежей. Вот в каком мы положении. Унывать не следует, но не мешает подумать, как бы помочь беде. Вы, конечно, знаете, что мне было бы тяжело расстаться с вами; может быть, придет время, когда мы в состоянии будем привести в исполнение свои планы. В России я бы не затруднился найти средства, но здесь другое дело. Я вижу, что мне предстоит на этот год трудная жизнь, и я бы не желал подвергать вас той же участи. Я с'умею перенести невзгоду: и в счастии, и в несчастии я всегда был одинаков. Но о вас следует подумать; что̀ вы думаете предпринять?

Я прошу вас серьезно обдумать то, что̀ я сейчас вам скажу, потому что советы мои внушены искренней дружбой к вам. Вам предоставляются три способа устроить свою жизнь честно, полезно и приятно. Во-первых, вы можете упросить отца выдавать вам ежегодно по 3000 франков, и с этой суммой вы можете прожить в Париже *независимо*, беспрепятственно занимаясь развитием вашего ума и таланта. Если же это невозможно, то нужно поступить на службу, либо в канцелярию, либо в полк. И этим способом можно устроиться очень хорошо. Это во-вторых. Наконец, в третьих, если два первые способа не годятся, покоритесь благоразумно своей участи, откажитесь от своих планов и оставайтесь спокойно жить у отца. И там можно найти средство приносить пользу обществу; и там можно учиться и писать. Была бы только крепкая воля!

Что же касается до меня, то я уже начал приискивать себе место. Всякий труд почтенен, если он приносит пользу обществу.

Великий Эпаминонд был надсмотрщиком водосточных труб в Фивах. И я тоже могу заниматься каким-нибудь ремеслом. Фортуна найдет меня и там в моем скромном убежище, как некогда римские послы нашли добродетельного Цинцината. Тогда мы опять соединимся и уедем в милую Россию, которую я всетаки люблю, несмотря ни на что. Там, посреди полярных льдов, дружба согреет наши сердца, и мы будем наслаждаться счастием, неизвестным во Франции, в этой негостеприимной стране, населенной вандалами и грубыми галлами. Vale et me ama. Михаил.

[Духовное завещание]

Лета 1819 марта 27 дня. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я, нижеподписавшийся, отставной гвардии ротмистр и кавалер Михаил Сергеев сын Лунин, находясь в совершенном здоровье и полном разуме, но убежденный неизвестностью смертного часа, который постигнуть может и в самых молодых летах, по собственной воле делаю сие мое духовное завещание в следующем:

1-е. На основании указа 1714 года марта 23 дня, все доставшееся мне после покойного родителя моего и после покойной родительницы моей недвижимое и движимое имение, в разных губерниях состоящее, также и денежные капиталы, все предоставляю двоюродному брату моему, камер-юнкеру 5 класса Николаю Александрову сыну Лунину, одного со мной рода и фамилии, и делаю его единственным по себе наследником.

2-е. Имея в виду благосостояние крестьян моих и сохранение в целости наследственного имения в нашем роде, завещаю брату моему, Николаю Александрову сыну Лунину, пещись о благе всего достающегося ему имения, не продавать его ни порознь, ни в целости, не закладывать, не дарить, и в другой род ни под каким предлогом не выпускать, а в течение пяти лет со дня моей смерти, войдя в подробное рассмотрение свойств того имения и средств получения доходов, непременно уничтожить в оном право крепостное над крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лесов, строений, имуществ вообще, и прочих угодий.

3-е. Уничтожение крепостного права на крестьян и дворовых людей должно последовать, во-первых, по распоряжению наследника моего, брата Николая Александрова сына Лунина, не далее пяти лет от дня моей смерти; условия с крестьянами, образ освобождения их от крепостного состояния, предоставление им прав и

обязанность крестьян в отношении доставления доходов избираемому мною ныне наследнику зависит совершенно от воли его, брата моего Николая Александрова сына Лунина, который в сем случае может руководствоваться правилами, ему от меня внушенными; во-вторых, с утверждения правительства. Но крестьяне и дворовые люди должны находиться в непосредственном брата моего повиновении до того времени, пока не уничтожится законным образом, по прошению брата моего, крепостное над ними право, и в сем случае главнейшее основание должно быть распоряжение оного брата моего.

4-е. По смерти брата моего Николая Александрова сына Лунина, буде у него останутся дети, сыновья, то сие отдаваемое мною имение должно принадлежать старшему его сыну или тому из сыновей его, которому он сам назначит, но все сие завещаемое мною имение вообще в целости, которое имение никаким образом и ни в каком случае раздробляемо быть не должно. Если же у него сыновей не будет, а будут дочери, в таком случае сие имение, также в целости и не подвергаясь никакому раздроблению, должно итти в приданое одной из дочерей,—но с тем, чтоб будущий зять его принял герб нашего рода и фамилию. Наследники брата моего Николая Александрова сына Лунина обязываются сохранять в точности силу всех значащихся в сем завещании пунктов, и сие завещаемое мною имение в нашем роде и потомстве обращаться должно не инако, как на изложенных в сем моем завещании условиях, и без малейшего раздробления.

5-е. По смерти моей брат Николай Александров сын Лунин немедленно вступает во владение моего имения.

6-е. Прошу брата моего выдать, единовременно, в течение года от дня кончины моей, девице Прасковии Михайловой 20.000 рублей государственными ассигнациями. Коллежскому регистратору Евдокиму Федорову сыну Суслину 10.000 рублей государственными ассигнациями, буде он, Суслин, по день кончины моей останется управляющим всего моего имения, если тот Суслин умрет в сей должности при моей жизни, тогда сии 10.000 рублей выдать его детям. Если же по какому случаю он, Евдоким Федоров сын Суслин, будет мною удален от управления сей должности, тогда ни ему, ни его детям сего награждения не выдавать.

7-е. Тех дворовых людей, кои, по старости или немощи, не будут в состоянии пропитать себя, прошу тебя, брата моего, их призреть. Вольноотпущенную девку Анну Соколову, по смерть ее, оставить в селе Сергиевском, буде того пожелает, на том же осно-

вании, как она теперь находится; буде же она пожелает куда удалиться, то определить ей содержание приличное и сообразное ее потребностям, по твоему, брата моего, благоусмотрению.

8-е. Сестре моей родной Екатерине Сергеевне, жене камергера, статского советника Федора Александрова сына Уварова, доставлять ежегодно, по смерть ее, по десяти тысяч рублей государственными ассигнациями, начав тот платеж чрез год от дня моей смерти, то-есть за первый год после моей смерти сестра не может требовать той суммы.

9-е. 10.000 рублей государственными ассигнациями употреблять ежегодно на поддержание вольного народного училища, которое имеет быть учреждено в селе Сергиевском и после смерти моей должно зависеть от непосредственного распоряжения брата моего Николая Александрова сына Лунина.

10-е. Все доходы с сего завещаемого мною имения должны принадлежать брату моему Николаю Александрову сыну Лунину, как единственному после меня на основании сего завещания наследнику.

11-е. Поелику главнейшие предметы сей моей духовной состоят в том, чтоб после смерти моей устроить благосостояние крестьян и оставить имение нераздельным в нашем роде, то я надеюсь, что брат мой обратит все свое внимание на сии два предмета, сохранив собственные выгоды и тем содействуя к поддержанию нашей фамилии, составит счастье крестьян и дворовых людей освобождением их от крепостного состояния на том основании, которое он признает за благо, и, дав тем опыт своей благодарности за мою к нему дружбу, успокоит прах мой и соделает память мою для крестьян и потомства нашего священной.

И потому, любезный брат, прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сие мое духовное завещание, как согласное с законами, привесть в непременное исполнение. А вас, почтеннейшие друзья, как свидетелей сего добровольного моего завещания, прошу удостоверить пред лицом правосудия, что изложенное здесь есть точно моя воля, коей цель есть освобождение от крепостного состояния и вообще устройство благосостояния крестьян и сохранение имения нераздельным в роде предков наших.

К сему духовному завещанию отставной гвардии ротмистр и кавалер Михаил Сергеев сын Лунин руку приложил.

[Показания 1841 года]

1

Насколько могу припомнить, я во время моего заключения в Петровске набросал несколько мыслей относительно Тайного Общества с целью представить дело в благоприятном свете и, по моему убеждению, в соответствии с истиной. Я составил это небольшое сочинение под заглавием „Взгляд на Тайное Общество“ для коменданта Петровска, который, желая иметь подробные сведения об этом обществе, обратился ко мне, как к одному из его учредителей. Никто не помогал мне в этом труде, который впрочем и не требовал сотрудников, и я тогда даже не сообщал о нем никому, кроме коменданта, для которого он предназначался. Когда я прибыл на поселение, это сочинение случайно нашлось в моих бумагах. Единственный человек, который читал его и снял с него копию, это г. Иванов, член Общества Соединенных Славян. Он попросил у меня эту копию, равно как и копию других сочинений, потому что он занимался французским языком и у него не было книг ┼.

Михаил Лунин.

Иркутск. 27 марта 1841.

2

Его Превосходительству Господину Енисейскому Гражданскому Губернатору. 1841 г. апреля 19 числа. Нерчинский завод.

┼ На вопросы, предложенные мне Вашим Превосходительством от 5 апреля 1841 года, честь имею отвечать:

1-е. Прошу покорнейше снисхождения к моим словам: ибо как здоровье, так и мысли мои совершенно расстроены от долговременного заключения в казематах. В показаниях моих от 27 марта есть некоторые погрешности, которые надо предварительно исправить.

2-е. Статья на французском языке, под заглавием: Aperçu sur la Société occulte, etc. составлена мною в продолжение последнего года моего заключения в Петровском заводе, по приглашению Коменданта Г. Г. Лепарского. Я вручил ему экземпляр этого сочинения, другой оставил при себе, равно и черновые бумаги.

3-е. Поэтому Комендант, при отбытии моем на поселение, адресовал ко мне благодарственное письмо. Это письмо отправлено мною, через Собственную Его Императорского Величества Канцелярию, к моим родственникам для сохранения.

4-е. Я не нуждался ни в чьей помощи для составления этой статьи, скорее литературной, чем политической, о предмете, который, к несчастью, мне слишком знаком: я не сообщал ее никому, потому что тайна была условием порученной мне работы. Нужно ли прибавить, что эта статья была написана под влиянием страстей, которые развиваются в уединении каземата? Пользуясь относительно свободою на поселении и имея возможность следовать точнее за ходом дел, я убедился в ее неосновательности и предполагал, исправив ошибки, коими она исполнена, довести ее до сведения Правительства посредством официальной моей переписки с родственниками.

5-е. Некто Иванов (Илья Иванович), член бывшего Славянского Общества, приезжал ко мне в Урик, пользовался моими книгами и литературными рукописями, для своих учебных занятий. Он однажды взял, без моего ведома, черновые бумаги моих политических сочинений и увез к себе. Я долго не подозревал этого, и только спустя несколько месяцев узнал о том по письму его, в котором он старался оправдаться, утверждая, что бумаги мои были увезены случайно, ошибкою, и вскоре будут возвращены. Между тем Иванов умер скоропостижно: его бумаги вместе с моими утратились.

6-е. Сам я никому не сообщал моих политических сочинений. Если кто читал или переписывал оные, то это без моего ведома. Единственная цель моя была довести их до сведения Правительства по приведении в должное устройство. Я полагал, что посреди множества заблуждений, свойственных уму человеческому, они заключают некоторые не бесполезные истины.

7-е. Громницкий, в бытность у меня, занимался охотою и рукодельем, которое доставляло ему средства к пропитанию. Сочинения мои, по большей части на иностранных языках составленные, ему неизвестны. Если он имеет мои Письма из Сибири и разбор Донесения, то это посредством Иванова, в соседстве которого он был поселен. Для меня он никаких бумаг не переписывал. Кроме охотничьего журнала, который поручено было ему вести.

8-е. С учителем Гимназии Журавлевым я мало знаком: он был у меня в доме раза два в продолжение нескольких лет. Я вообще избегал знакомства с чиновниками.

9-е. Разных сочинений моих более, чем обозначено в предложенных вопросах; но семи экземпляров одного и того же сочинения у меня никогда не бывало. Напротив, некоторые из них даже не переписаны набело.

10-е. Вашему Превосходительству угодно было заметить: „что сочинения мои заключают сведения до крайности разнообразные, которые трудно иметь одному кому бы то ни было“. Во всяком другом случае это замечание было бы для меня лестно; но при теперешних скорбных обстоятельствах я душевно жалею, что посвятил время и труд на их составленье. Из книг я вообще мало заимствовался; от людей ничего.

11-е. Покойный Иванов приезжал в Урик несколько раз, а когда именно, можно узнать в Волостном Урикском Правлении, где он каждый раз прописывал свой билет.

12-е. Ксендз Гатицкий был моим духовником. Я окрещен и воспитан с детства в Римско-Католическом Исповедании моим наставником Аббатом Вовилье.

13-е. Несмотря на намерения, побудившие меня заниматься предметами политическими, я сознаю себя виновным; и готовясь принять с благодарностью все кары, мне определенные, полагаю единственную здесь надежду мою на прозорливую справедливость и великодушие Государя Императора. *Михаил Лунин.*

Из вздохов заключенных рождаются бури, низвергающие дворцы.

Лунин, Письмо 5 XI 1839.

ЛУНИН В ПРОЦЕССЕ ДЕКАБРИСТОВ

Михаил Сергеевич Лунин родился в 1783 г. Ко времени процесса декабристов ему было 43 года и он был самым старшим по возрасту среди видных членов тайного общества (С. Г. Волконскому было 37 л., М. А. Фонвизину—37 л., А. П. Юшневскому—40 л., В. И. Штейнгелю—43 г.; из второстепенных участников движения были люди старше Лунина—Ф. М. Башмаков—51 года, В. К. Тизенгаузен—46 л.). Отец его, Сергей Михайлович Лунин, был женат на Феодосье Никитичне Муравьевой, сестре известного деятеля в области русского просвещения М. Н. Муравьева—отца двух декабристов. М. С. знал главнейшие новые и древние языки. Службу начал в кавалергардах в 1805 г. и участвовал во всех Наполеоновских войнах. В 1815 г. вышел в отставку из-за дуэли, на которой был ранен; вследствие размолвки с отцом выехал в Париж, где зарабатывал средства к существованию писанием прошений и пытался писать роман «Лжедимитрий»; по смерти отца вернулся в Россию в 1817 г. и был в числе «коренных» членов Союза Спасения—первого тайного общества. В 1822 г. снова вступил в службу—в Литве, затем в Варшаве при Константине Павловиче, который после декабрьских событий 1825 года настойчиво доказывал невиновность Лунина и ненужность его ареста. Николай, однако, настоял на высылке Лунина в Петербург, и он был предан Верховному Уголовному Суду.

Большинство декабристов были до болтливости откровенны перед Следственной Комиссией и своими показаниями втянули в дело людей, давно отставших от заговора. Лишь немногие не растерялись, были сдержанны во все время следствия. Среди последних Лунин особенно выделяется твердостью и постоянством в отказе от показаний, в молчании на вопросы следователей, в упорном «запамятовании» имен и фактов. Делопроизводитель Следственной Комиссии А. Д. Боровков, человек, расположенный к декабристам и старавшийся выставить их перед Комиссией «чистосердечно раскаявшимися», — составил сводку показаний всех привлеченных к делу, в том числе и Лунина. В кратком извлечении эта сводка вошла в «Алфавит декабристов», постоянно лежавший для справок на столе Николая I, более подробная осталась в архиве Боров-

кова. По копии в бумагах Н. К. Шильдера в Российской Публичной Библиотеке приведу эту сводку здесь, как материал для характеристики поведения Лунина в процессе декабристов. Она, повидимому, вполне и добросовестно исчерпывает следственное дело о Лунине, пользование которым в настоящее время недоступно Петербургскому исследователю. Несколько отдельных показаний Лунина, которые я привожу здесь по имеющимся у меня копиям,—подтверждают это соображение. Эти показания — дальше, сначала — общая сводка Боровкова.

«Лунин при первых допросах сознался, что в 1817 году присоединился к тайному обществу, имевшему целью введение конституции или, как он выражается, законосвободного правления. Цель сию он почитал согласною с намерениями самого правительства. Средства к достижению целей, обществом избранных, организовались постепенным приготовлением народа к принятию законосвободных учреждений; революционные же мысли появились впоследствии времени, когда он уже уклонился от общества.

Лунин в первых ответах своих не хотел назвать ни одного лица из сочленов, почитая сие противным совести; но видя, что все участники правительством уже открыты, дал и на сей вопрос удовлетворительный ответ. Относительно собственных его действий он с первого допроса оказался откровенным и сознался, что участвовал в совещании, бывшем в 1817 году в Москве, когда вызвался Якушкин на покушение против жизни покойного императора; но что это было мгновенное предложение, которое вскоре отвергнуто; что в 1818 или 1819 году, рассуждая о насильственных мерах вообще, к коим крайность могла бы принудить в случае неудачного открытия действий, упоминал он о средствах совершить покушение против жизни покойного государя на Царскосельской или другой какой-либо дороге, но не помнит, говорил ли он при том, как показывает Пестель, чтобы сие злодеяние совершено было людьми в масках, присовокупляя, что это был простой разговор, а не цель его действий и политических видов.

О проекте Пестеля составить партию решительных вне общества под его начальством для совершения покушения он не имеет ясного и подробного сведения. Может быть, говорил он, Пестель и сказывал ему сие, но он никогда не обращал особенного внимания на бесчисленное множество проектов, которые занимали воображение членов общества и на которые он нередко предварительно соглашался, избегая излишнего и бесполезного словопрения.

Пестель читал ему некоторые отрывки из Русской его Правды, которые он совершенно одобрял и почитал их того заслуживающими по их достоинству и пользе, по правоте цели и по глубокомыслию рассуждения.

В совещании коренной Думы, бывшем в 1820 году в квартире полковника Глинки, где рассуждаемо было о выгодах конституционного правления, он присутствовал, но слов: «президента, без всяких рассуждений» и не помнит, и голоса своего на введение республиканского правления не давал, а всегда его мнение было—конституция с ограниченною исполнительною властью при монархе или президенте, принимая то и другое в одинаковом смысле. В 1821 году, когда гвардия выступила из Петербурга, он виделся с служившим в Преобра-

женском полку Поджио, который может быть говорил ему что-нибудь о покушении на жизнь покойного государя, но не иначе, как в рассказе о мнении некоторых членов общества, каковые разговоры случалось ему неоднократно слышать со времени вызова Якушкина; но всегда почитая оные безумными и неосновательными, не обращал на них никакого внимания.

Мнимое уничтожение общества в 1821 году ему было известно и меру сию он одобрял, но при всем том непостоянный и безуспешный ход занятий общества, изменения в предположенной цели и в средствах к достижению оной, бесполезное размножение членов, уклонение от законосвободных правил, ложное истолкование его собственных мнений и наконец невозможность иметь то влияние в обществе, которого он желал побудили его поступить в Литовский корпус с тем единственным намерением, чтоб удалиться от общества и прекратить все свои по оному сношения, хотя он сие никому не об'являл.

В течение последних пяти лет, предавшись обязанностям службы и исполнению возлагаемых на него обязанностей, старался он оправдать доверие и милости, излиянные на него его высочеством цесаревичем, потерял из виду все действия тайного общества, не принимал никакого в них участия, не имел никакого сведения ни о происшествиях 14 декабря, ни о намерении Южного общества начать возмутительные действия в мае 1826 года, — и совершенно прекратил все свои сношения с членами. Относительно существования Польского общества, то об этом он только подозревал из открытий, сделанных правительством в 1821 году, но положительного ничего не знал.

Лунин чистосердечно сознается, что отдаление его от общества и прекращение с ним сношений не поставляет себе в оправдание, ибо продолжая в оном числиться и при других обстоятельствах вероятно действовал бы в духе оного.

Его императорское высочество цесаревич в отношении к военному министру от 9 апреля сего 1826 года свидетельствует об усердии Лунина к службе, что он был один из отличнейших офицеров и что вверенный ему эскадрон всегда был находим во всех отношениях в примерном порядке»

Вот несколько показаний Лунина, свидетельствующих, что сводка Боровкова составлена добросовестно, и особенно ярко характеризующих сдержанность Лунина перед Следственной Комиссией.

Предварительные, биографического характера, вопросы были заданы Лунину Комиссией лишь в конце мая 1826 года, и ответ его—скупой и сжатый—помечен 2 июня. Опускаю вопросы ясные из самых ответов, остальные привожу сокращенно в выносках вместе с необходимыми пояснениями:

«Михаил Сергеевич Лунин, отроду 40 лет [1]).

---

[1]) Все литературные источники указывают на 1783 г., как на год рождения Лунина, следовательно, ему во время допроса было 43 года; предание также называет его старшим среди руководителей заговора.

Грекороссийского исповедания, на исповеди и у святого причастия не бывал ежегодно [1]).

Присягал [2]).

Воспитывался у родителей; учители мои были: англичанин Форстер, французы Вовилье [3]) и Картье, швед Кирульф и швейцарец Малерб.

В политических предметах [4]).

Особых лекций не слушал.

Свободный образ мыслей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить, к укоренению же оного способствовал естественный рассудок».

Вот несколько ответов Лунина из другого допроса, время которого невозможно установить по имеющимся у меня спискам. Это ответы на вопросы Комиссии в связи с многоречивыми показаниями Никиты Муравьева и других заговорщиков.

«Тайное Общество, известное впоследствии под наименованием Союза Благоденствия, основано под другим названием, которого я не помню, в Москве в 1816 году [5]). Основателей же оного я не могу назвать, ибо это против моей совести и правил.

Прекратив сношения мои с Тайным Обществом в начале 1822 года, я потерял из вида все до оного касающееся, в рассуждении заведения в то же время других обществ, наименования оных, центра их и отделений, сношений сих обществ между собой, времени соединений и разделений их, почему и не в состоянии представить подробных и удовлетворительных по сим предметам пояснений... Мне неизвестны начальствующие и члены сих обществ.

Об'явленная цель Тайного Общества и вероятно его отраслей была: благотворительность; сокровенная же цель: водворение законно-свободного правления в России...

С 1822 года прекратил я прямые сношения с членами общества; в продолжение слишком 4 лет писал ко мне Никита Муравьев раз пять, но его письма ничего особенного на счет общества в себе не заключали. В 1821 г., в Тульчине с Никитой Муравьевым действительно я был, но что там происходило, по давности времени, теперь не упомню, кто же там именно находился в сношениях с нами по обществу, по малому знакомству с оными, никак вспомнить не могу. Пестель и Никита Муравьев показывали мне политические

---

[1]) Сравнить показания от 19 апреля 1841 года. где Лунин заявлял, что он «окрещен с детства в римско-католическом исповедании»; воспоминания знакомых свидетельствуют, что во всяком случае после возвращения в 1817 году из Парижа Лунин был католиком.

[2]) Николаю Павловичу, как императору.

[3]) Это он воспитал Лунина с детства в католическом исповедании (см. на стр. 90 показание от 19 апреля 1841 г.).

[4]) На вопрос — в каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться.

[5]) Союз Спасения или Общество верных и истинных сынов отечества возник в конце 1816 года. Союз Благоденствия — в 1818 г. Лунин — по донесению Следственной Комиссии—был уже в числе членов первого.

отрывки свои, не составлявшие тогда еще ничего целого; некоторые из оных, особенно из Пестелевой Русской Правды, я совершенно одобрял, а иные находил несогласными с моими мнениями.

Литографический станок был куплен мною с той целью, чтобы литографировать разные уставы и сочинения Тайного Общества и не иметь труда или опасности оные переписывать. Станок сей был приобретен у одного мастера на Невском проспекте, на деньги, взятые из кассы общества, которая находилась тогда у меня, не более как 1200 руб., и которая составилась добровольными пожертвованиями. Литографический станок после двух или трех проб не удался; не помню теперь, у кого оный оставил, но, кажется, я его отдал князю Трубецкому.

Насчет происшедшего в С.-Петербурге возмущения 14 прошедшего декабря никаких предуведомлений я не имел и узнал об оном из печатных об'явлений; подобно оному не знал я совершенно ничего и о предположении Южного и Северного Обществ начать возмутительные действия в мае месяце 1826 года. Не был также известен, находились ли члены Южного Общества в сношениях с польскими членами [1]).

Я никогда не обращал особенного внимания на множество проектов, которые занимали воображение членов общества и на которые я нередко предварительно соглашался, избегая излишнего словопрения. Покорнейше прошу притом высочайше утвержденный комитет принять в уважение, что я в продолжение без малого пяти лет потерял из виду не токмо бывшие проекты, но и настоящие действия Тайного Общества. Во все ж время моего пребывания в Литовском корпусе и в Варшаве я не имел с Пестелем по делам Тайного Общества вообще никаких сношений.

В рассуждении проекта, о составлении когорты я не помню даже, где, когда и при ком Пестель сообщал мне об оном [2]).

Определяясь в службу в 1822 году, я действовал повидимому сообразно правилам Тайного Общества, но сокровенная моя в том цель была отдалиться и прекратить мои с Тайным Обществом сношения. Причины, побудившие меня уже с давнего времени к тому, были: непостоянный и безуспешный ход занятий общества, изменения в предположенной цели и в средствах к достижению оных, бесполезное размножение членов общества, уклонение от законно-свободных правил, ложное истолкование моих собственных мнений и наконец: я не имел того влияния на общество, которое хотел иметь и которое, я надеюсь, было бы не бесполезно для общей пользы.

Не поставляю себе в оправдание отдаление мое от Тайного Общества и прекращение моих с оным сношений, ибо я продолжал числиться в оном и при других обстоятельствах продолжал бы вероятно действовать в духе оного».

---

[1]) Есть глухое указание—в Донесении Варшавской Следственной Комиссии, со ссылкой на Пестеля—на то, что Лунин был в числе посредников по сношению русских заговорщиков с польскими тайными обществами.

[2]) Группа «обреченных»—для убийства Александра I; см. выше в сводке Боровкова. М. И. Муравьев-Апостол показал, что Пестель хотел составить такую группу и поручить Лунину начальство над нею.

В книге Н. П. Павлова-Сильванского о Пестеле приведен ответ Лунина на запрос Комиссии по поводу одного показания Пестеля:

«В собрании, происходившем на квартире полковника Глинки в 1820 г., находился Пестель, точно излагал выгоды и невыгоды монархического и республиканского правлений. Не помню, было ли кем сказано: «Президента, без всяких рассуждений», но и тут мое мнение было—конституционное правление с ограниченною исполнительною властью при монархе или президенте, полагая того и другого в одинаковом виде».

Так как в приведенных здесь показаниях Лунина есть ссылки на изобличающие его показания Пестеля, то представляется интересным привести соответственные выдержки из последних. На запрос Комиссии по поводу показаний некоторых членов Южного общества о том, что он хотел поручить Лунину во главе группы избранных храбрецов убить Александра I, Пестель ответил: «Я никогда про Лунина не говорил и сего намерения в отношении к Лунину не имел и не мог иметь, ибо не имел с самого 1820 года никакого известия о Лунине. Лунин же в начале общества, в 1816 или 1817 году, предлагал с таковою партиею с масками на лице совершить цареубийство на Царскосельской дороге, когда время придет к действию приступить. Я же необходимым находил приуготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений. Сие мнение мое побудило Лунина сказать с насмешкою, что я предлагаю наперед энциклопедию написать, а потом к революции приступить».

Вот еще показание Лунина, данное им 2 мая 1826 года по поводу показаний других заговорщиков и приведенное П. Е. Щеголевым в его статье о декабристе Ф. П. Шаховском:

«В 1817 году я приехал в Москву по делам, до моего имения касающимся, не имея никакого сведения о намерении тайного общества посягнуть на жизнь покойного императора. При совещании или, лучше сказать, заседании тайного общества, ибо намерение сие было принято до моего прибытия и без моего сведения;—при заседании по сему предмету, в моем присутствии происходившем, находился князь Шаховской и, сколько могу припомнить, говорил то, что ему приписывают [о намерении убить Александра I]; наименования же «le tigre», данного ему по сему поводу Сергеем Муравьевым-Апостолом, я не помню. — Но, не взирая на невоздержанность речей князя Шаховского, свойственную в тогдашнее время пылкости молодых его лет, я как в князе Шаховском, так и в других членах общества не приметил готовности к исполнению предположенного намерения.—Последствия оправдали мое по сему предмету мнение».

В списке лиц, преданных Верховному Уголовному Суду по делу о злоумышленных обществах, подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Лунин числится 23-м по Северному Обществу. «В Росписи государственным преступникам, осужденным Верховным Судом», подполковник Лунин

отнесен к третьей группе и значится 5-м среди «государственных преступников *второго разряда*, осуждаемых к политической смерти, по силе указа 1753 года апреля 29 числа, т. е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу», причем в определении главного вида его преступления сказано: «участвовал в умысле цареубийства согласием в умысле бунта, принятием в тайное общество членов и заведением литографии для издания сочинений общества». Указом 10 июля 1826 года Лунин был отнесен к числу тех, которых велено было «по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на 20 лет, а потом на поселение». Указом 22 августа того же года срок каторжных работ был сокращен до 15 лет, а 21 октября Лунин был отправлен в Свеаборгскую крепость, откуда через год переведен в Выборгскую крепость. Весной 1828 года он отправлен на каторгу в Нерчинск, куда прибыл в апреле, но вскоре переведен был в Петровский завод. Манифестом 8 ноября 1832 года срок каторги сокращен до 10 лет, и в середине 1836 года Лунин был освобожден из каторжной тюрьмы в Петровском заводе на поселение в с. Урик, близ Иркутска.

Заключенный в казематах, не переставал я размышлять о выгодах родины... В ссылке я опять начал действия наступательные.

Лунин, Предисловие к «Письмам из Сибири».

ЛУНИН В СИБИРИ

Специальное «дело» о Лунине, в Архиве III Отделения—в ряду других «дел» о декабристах после их осуждения,—заключает в себе почти исключительно сведения о его литературно-пропагандистской деятельности, наполнившей весь период его Сибирской жизни, и потому должно быть изложено здесь, как об'яснительный материал к его писаниям, собранным в настоящем издании. Некоторые сведения, относящиеся к тому же предмету и находящиеся в других «делах» III Отделения, будут использованы в соответственных местах.

Хотя на обложке дела № 61, часть 61, по I экспедиции Собственной его величества канцелярии о государственном преступнике Михаиле Лунине значится, что оно начато в 1826 году, но до 1832 года под эту обложку бумаг не поступало. Открывается «дело» подлинным французским письмом сестры Лунина, Екатерины Сергеевны Уваровой, к начальнику III Отделения А. X. Бенкендорфу, от 19 марта 1832 года. Бенкендорф ответил Уваровой 24 марта и сообщал ей, что государь разрешил внести в ломбард или в разменный банк 30.000 руб. с тем, чтобы проценты ежегодно употреблялись на содержание ее брата, Михаила Лунина: но капитал этот не может быть положен на имя Лунина, которому по закону никакой собственности иметь не полагается, а должен быть внесен на имя неизвестного. Билет же на этот капитал предлагается доставить к Бенкендорфу для хранения в III Отделении, которое будет передавать проценты по назначению. Лунин был в это время вместе со всеми декабристами в Петровской каторжной тюрьме, Верхнеудинского уезда Иркутской губернии.

Еще задолго до этого, в конце 1827 года, когда декабристов развозили из российских крепостей на каторгу, Е. С. Уварова, не зная, что Лунина еще долго продержат в Выборге, делала попытки облегчить материальное положение брата на пути в Сибирь. Вместе с другими родственниками декабристов она прожила в Ярославле две недели в ожидании проезда фельд'егеря с М. С. Луниным. Уварова имела при себе ящик с теплыми вещами и с'естными припасами и сделала несколько попыток увидеться с братом. Она прибегла к

подкупу проезжавших фельд'егерей, и один из них, известный своей жестокостью Желдыбин, был отдан из-за нее под суд, хотя не вез Лунина и не мог устроить ему свидания с сестрой. По поводу этих домогательств Уваровой возникла обширная переписка между III Отделением и Ярославским губернатором, который конфисковал все вещи и провизию, предназначенные для Лунина. Бенкендорф велел губернатору вернуть Уваровой забранные у нее вещи, а ей самой сделать соответственное внушение. Переписка по этому поводу хранится в деле № 61, часть 15, отдел 2—об отправленной и удержанной переписке государственных преступников.

После письма Уваровой к Бенкендорфу от 19 марта 1832 г. в деле Лунина не упоминается о нем целых четыре года. Лишь в январе 1836 года, когда Лунину кончался срок каторжных работ и ему предстояло выйти на поселение, Бенкендорф переслал генерал-губернатору Восточной Сибири просьбу Е. С. Уваровой о назначении брату ее местожительства вблизи Иркутска. 21 марта генерал-губернатор сообщил шефу жандармов, что еще в январе он назначил Лунину местожительство в сел. Урике, в 18 верстах от Иркутска. Вместе с Луниным там были поселены его двоюродные братья Александр и Никита Муравьевы (их отец был братом матери Лунина), старый товарищ его по службе в кавалергардах С. Г. Волконский, друг и товарищ последнего по Южному обществу, доктор Ф. Б. Вольф.

Шло время. Лунин мало беспокоил начальство. Лишь через полтора года вспомнили о нем в Петербурге; на этот раз с тревогой, предвещавшей будущие волнения высших правительственных чинов из-за Лунина. В конце октября 1837 года Иркутский гражданский губернатор, которому непосредственно были подчинены декабристы-поселенцы, сообщил Бенкендорфу, что получил присланную ему через III Отделение для Лунина посылку, в которой было также и охотничье ружье. Это смутило губернатора и он указал III Отделению, что еще в 1828 году через начальника Главного штаба было «высочайше воспрещено вообще всем государственным преступникам, сосланным на поселение, иметь огнестрельное оружие». Затрудняясь выдать Лунину ружье, губернатор просил раз'яснить ему это сомнение и подсказывал III Отделению ответ: если разрешить пользование огнестрельным оружием одному, захотят все, и отказать им тогда будет нельзя.

В высшем жандармском управлении сугубая осторожность губернатора произвела неприятное впечатление, но преподанный им урок пришлось принять к сведению. Бенкендорфу была подана справка о том, что «ружье отправлено по докладу графу, но вероятно в то время не имелось в виду этого постановления», т. е. высочайшего повеления через Главный штаб. Отведя таким образом от себя вину за пренебрежение высочайшим повелением, подчиненные Бенкендорфа спрашивали его на докладной записке: «как прикажете?» и напоминали ему: «впрочем примеры были—Муханову также дозволено иметь ружье».

Может быть, эпизод с ружьем, в пику губернатору, окончился бы в удобном для Лунина смысле, но, пока в III Отделении обдумывали способ разрешения дела, подоспела история с «Сибирскими письмами». До выхода на

поселение декабристы не имели права личной переписки, а диктовали женам своим или своих товарищей письма к родным, и эти письма, конечно, были почти всегда настолько невинны в политическом отношении, что не вызывали каких-либо резких замечаний со стороны III Отделения, через которое они пересылались. Просто Бенкендорф или его подчиненные на полях отмечали: «неверно», «ошибка» и т. п. Конечно, декабристы пользовались всякой оказией для письменных сношений с родными помимо жандармского ведомства. Агентурным путем III Отделение узнавало иногда о таких письмах и даже при самом невинном их содержании поднимало бурю, следы которой остались в «делах» многих декабристов в виде исходящих и входящих бумаг. В деле Лунина нет намека на такую незаконную переписку, и до нас не дошло никаких писем за время пребывания его на каторге.

Осенью 1836 года Лунин прибыл на поселение и получил возможность лично писать к сестре. Уже первые письма его обратили на себя внимание III Отделения и с каждым новым письмом росло возмущение жандармов [1]). 16 декабря 1837 года Бенкендорф обратился к сестре Лунина Е. С. Уваровой с письмом, в котором, «свидетельствуя совершенное почтение ее превосходительству Катерине Сергеевне, имел честь сообщить полученное из Сибири от брата ее письмо, из коего ее превосходительство изволит усмотреть, сколь мало он исправился в отношении образа мыслей и сколь мало посему заслуживает испрашиваемых для него милостей». Уже этим письмом Бенкендорфа предрешался исход истории с ружьем, а через 5 дней управляющий Третьим Отделением А. Н. Мордвинов—главный помощник Бенкендорфа—писал Иркутскому губернатору, что при посылке Лунину ружья от сестры его III Отделение не имело в виду высочайшего повеления. Теперь, конечно, не следует давать Лунину ружье.

Зная, как ценна для брата в его положении возможность охотиться, Е. С. Уварова не успокоилась и в марте 1838 года обратилась к наследнику великому князю Александру Николаевичу с просьбой о содействии. Только минувшим летом цесаревич, путешествуя по России, посетил Сибирь, видел там ссыльных декабристов, отнесся к ним очень сочувственно и успешно ходатайствовал перед государем об облегчении их участи. Многочисленные столичные родственники «государственных преступников» были в восторге от поведения великого князя и, естественно, на него возлагали все надежды в облегчении участи Сибирских изгнанников. Александр Николаевич «имел честь препроводить» письмо Уваровой в подлиннике к Бенкендорфу, на ближайшее его рассмотрение. Шеф жандармов не замедлил ответом, сообщив великому князю, что «высочайше воспрещено им иметь огнестрельное оружие, а так как по письмам Лунина видно, что он мало исправился в образе мыслей, то не может заслуживать исключения».

Это было в апреле, а через 4 месяца Мордвинову снова пришлось заняться письмами Лунина. 5 августа 1838 г. он сообщал генерал-губернатору Восточной

---

[1]) При сличении «Писем» Лунина с приводимыми здесь заявлениями III Отделения по поводу их содержания следует иметь в виду, что письма декабристов из Сибири попадали в Петербург через 5—6 недель после их отправления.

Сибири, что «государственный преступник Лунин со времени обращения его на поселение в письмах к сестре, доставляемых в III Отделение, часто дозволяет себе входить в рассуждения о предметах, до него не касающихся, и вместо раскаяния обнаруживал закоренелость в превратных его мыслях. Граф Бенкендорф, имея в виду, что высочайше дозволено государственным преступникам писать родным только для извещения о здоровьи и о семейных делах, заметил сестре Лунина непозволительный образ его мыслей и чтоб она предварила его для избежания неприятных для него последствий. Несмотря на это, поступили снова от Лунина письма, заключающие дерзкие мысли и суждения, не соответственные его положению». Поэтому, граф Бенкендорф велел переслать генерал-губернатору три письма Лунина (от 26 мая, 2 и 16 июня 1838 года; см. их в тексте) на «усмотрение с тем, что не угодно ли будет ему воспретить Лунину переписку в продолжение одного года».

Вместе с тем Мордвинов писал Уваровой, от 10 августа, что с некоторого времени вновь стали доходить от ее брата «письма, в коих он дозволяет себе суждения о предметах, до него не касающихся, и вместо должного раскаяния обнаруживает вольный образ мыслей». Поэтому Бенкендорф «нашел нужным воспретить Лунину всякую переписку в продолжение одного года, так как он, не умея ценить монаршего снисхождения и вопреки сделанных ему вами вследствие отзыва его сиятельства наставлений, не перестает помещать в письмах своих неуместные и предосудительные рассуждения».

Генерал-губернатору было «угодно» воспретить Лунину переписку, и 19 сентября он сообщал Мордвинову, что призывал к себе Лунина, «напомнил ему последствия, в которые может вовлечь его упорство в превратных мыслях и выражаемые им в письмах несоответственные его нынешнему положению рассуждения», и обязал его подпиской не вести ни с кем в течение года переписки под опасением строжайшего взыскания.

Повидимому, Лунин действительно прекратил переписку на целый год. Из дошедших до нас писем за 1838 год все относящиеся ко времени после вызова его генерал-губернатором не имеют точной даты и могли быть написаны до 15 сентября. А первое письмо за 1839 год помечено именно 15 сентября и адресовано самому Бенкендорфу. И это письмо и посланное одновременно на имя сестры, но ей не переданное, доказали III Отделению, что Лунин неисправим в отношении вольного образа мыслей. Тем не менее Бенкендорф сделал вид, что не замечает всей возмутительности содержания этих двух писем, и 28 октября 1839 года сообщил генерал-губернатору, что Лунин просит разрешения «возобновить прекращенную переписку с сестрой». Шеф жандармов не встретил к этому препятствий, о чем предложил сообщить Лунину, и «строго подтвердить ему, дабы он впредь отнюдь не осмеливался в письмах своих употреблять непозволительных и даже несвойственных в положении его суждений о предметах, кои до него ни в каком случае относиться не могут».

Но еще раньше, чем это дошло до адресата, начальство могло убедиться, что Лунин только и занимается делами, до него не относящимися, и резко критикует тех, до кого эти дела относятся.

За письмами к сестре и Бенкендорфу последовали письма о поляках, о крепостном праве и на другие социально-политические темы. Тон их становился все резче и резче. При этом Лунин старался дать своим письмам возможно более широкую огласку, распространяя их в списках и придавая им характер политических памфлетов. Касался он в своих письмах также дела Тайного Общества, а затем перешел к составлению целых очерков на эту тему.

Третье Отделение приняло тогда свои меры борьбы с «политическим орудием», которым Лунин «пользовался на защиту свободы» [1]). Когда Лунину было передано упомянутое выше разрешение Бенкендорфа, от 28 октября 1839 года, возобновить переписку с сестрой, но с ограничением ее содержания исключительно областью семейных интересов,—он решил совсем отказаться от переписки [2]). Однако, это решение не предотвратило его столкновения с III Отделением,—столкновения, в котором он оказался совершенно раздавленным. Общественное мнение, служившее Лунину, по его собственным словам, «могучей подпорой» в «опасной борьбе» с правительством за свободу, было силой весьма невещественной в сравнении с физическим могуществом правительственной власти.

Из «дела» не видно, как попал к Бенкендорфу очерк Лунина под заглавием «Взгляд на Тайное Общество». После черновика письма шефа жандармов от 28 октября 1839 года к генерал-губернатору Восточной Сибири в «деле» нет других бумаг вплоть до 24 февраля 1841 года. Этим же числом помечено такое «отношение» Бенкендорфа к министрам военному и внутренних дел: «Государственный преступник Лунин составил рукопись под заглавием «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год». По преступному содержанию сей рукописи я всеподданнейше представлял оную государю императору, и его величество высочайше повелеть соизволил: сделать внезапный и самый строгий осмотр в квартире Лунина, отобрать у него с величайшим рачением все без исключения принадлежащие ему письма и разного рода бумаги, запечатать оные и доставить ко мне; его же, Лунина, отправить немедленно из настоящего места его поселения в Нерчинск, подвергнув его там строгому заключению, так чтоб он не мог ни с кем иметь сношений ни личных, ни письменных, впредь до повеления, и произвести строжайшее исследование о том, где и когда Лунин занимался сочинением означенной преступной записки, кто ее переписывал и в какие руки она поступила, находился ли на жительстве вместе с Луниным другой преступник или какой-либо посторонний человек, с кем бы он имел тесную связь или близкое знакомство, и вообще разведать все подробности, которые могли бы пояснить, не участвовал ли с ним кто-либо в преступном его сочинении содействием или знанием об оном? Буде же получится удостоверение, что экземпляры помянутой записки были распространены в Сибири, то сделать самое деятельное распоряжение к отобранию оных и к доставлению всех таковых ко мне».

---

[1]) См. письмо тридцатое в настоящем издании.
[2]) См. письмо от 10—22 января 1840 года.

Сообщив это названным министрам для сведения, А. Х. Бенкендорф послал такое же письмо генерал-губернатору В. Я. Руперту для исполнения. Руперт был в Петербурге и немедленно отправил в Иркутск соответственное предписание.

Пока происходили эти события, Е. С. Уварова обратилась 12 марта 1841 г. к Бенкендорфу с просьбой переправить к Лунину ее письмо. На письме Уваровой в III Отделении, после доклада шефу, была сделана пометка: «отправить и впредь отправлять».

Курьер Руперта мчался быстро и 26 марта прибыл в Иркутск. Заместитель генерал-губернатора немедленно призвал одного из самых надежных своих чиновников—П. Н. Успенского и поручил ему выполнить высочайшее распоряжение. Успенский выполнил поручение с отвагой настоящего николаевского служаки. В полночь 26 марта он с полицейским чиновником и жандармами выехал из Иркутска и прибыл в селение Урик в начале второго часа. Доклад его об этой поездке напоминает реляцию лихих кавказских генералов и ярко живописует храбрость атакующего чиновника на фоне растерянности опешившего от неожиданности противника.

Когда Успенский под'ехал к дому Лунина, он долго стучал в ворота, но их не отпирали. Лишь после того, как он приказал жандарму перелезть через забор, появился Лунин. Успенский об'явил ему об аресте и, войдя в квартиру, первым делом забрал висевшее на стене оружие. Лунин не оказал при этом ни малейшего сопротивления, старался сохранить наружное спокойствие, но очень скоро испуг овладел им совершенно. «Он потерялся до того,— развязно пишет храбрый чиновник, старающийся выказать свою образованность,—что не мог соединить порядочно двух идей и повторял бессвязные отдельные слова. Он дрожал, как в лихорадке». Обыск продолжался до пяти часов утра, и никто из товарищей Лунина не был при этом. Но когда Лунин усаживался в телегу и Успенский опечатывал двери его дома, прибежал Волконский (декабрист Сергей Григорьевич). «Впрочем,—успокоительно добавляет Успенский,—они успели, кажется, сказать не более двух-трех слов, причем Волконский спросил только Лунина по-французски, не надобно ли ему денег».

Утром 27 марта Лунин был доставлен к заместителю генерал-губернатора В. И. Копылову, который сразу же допросил его. Лунин изложил свой ответ письменно по-французски [1], и так как В. И. Копылов «сам по-французски плохо понимал, а Лунин сказал, что писать хорошо по-русски не умеет», то это показание в подлиннике переслано в Петербург. В 5 часов дня 27 марта, после допроса Лунина Копылов отправил его в «сопровождении частного пристава и жандарма по назначению».

Куда именно отправлен был Лунин из Иркутска, официально не сообщалось, и в «деле» об этом не упоминается, но когда через несколько лет Е. С. Уварова подняла об этом вопрос и заявила, что брат ее—в одном из худших Сибирских каторжных рудников, в Акатуевском, то была составлена справка с указанием, что III Отделению об этом неизвестно. Меж тем, в другой

[1]) См. показание от 27 марта 1841 года на стр. 88.

связке бумаг о декабристах, в «Приложении к делу № 61, ч. I, по экспедиции», имеется пачка документов о Лунине и среди них сообщение Руперта начальнику Нерчинских горных заводов о том, что Бенкендорф «велел Лунина отправить немедленно в Акатуевский рудник, но не употреблять в работу, а подвергнуть строжайшему заключению отдельно от других преступников, чтобы он не мог иметь решительно ни с кем сношений ни личных, ни письменных, и содержать его так впредь до особого повеления». Это сообщение генерал-губернатора помечено 25 февраля 1841 года, т. е. отправлено вместе с предписанием Копылову об аресте Лунина. Из ответа Копылова об исполнении поручения можно заключить, что, передавая предписание Бенкендорфа об Акатуе, Руперт указывал своему заместителю на необходимость держать это в секрете.

Сообщение о результатах обыска и допроса Лунина, а также подлинный доклад Успенского были отосланы Копыловым 30 марта, а 5 мая нарочный привез их в Петербург к Руперту, который тотчас же переправил их к Бенкендорфу. Посылая этот пакет, Руперт писал Дубельту, новому помощнику Бенкендорфа по управлению жандармским ведомством, что он «кланяется в ножки и готов еще 10 раз поклониться», чтобы только Дубельт помог ему в исходатайствовании награды Успенскому.

Сообщая Руперту о результатах обыска, Копылов писал генерал-губернатору, что «в доме Лунина, кроме значительного числа книг на латинском, частью греческом и польском языках, религиозного содержания, найден также алтарь, устроенный в особой задней комнате, и на нем все принадлежности священнодействия, даже потир и каменная доска, которая заменяет у католиков наш антиминс, равно полное священническое облачение». Между прочим, упоминая о товарищах Лунина, Копылов называет их «декабристами» и сообщает, что государственные преступники очень потревожены взятием Лунина.

Перейдя к изложению обстоятельств допроса Лунина, Копылов старается изобразить себя проницательным следователем и пишет, что Лунин «отвечал на все вопросы вежливо, без малейших знаков буйства или ожесточения. Неожиданное взятие его из прежнего местожительства приметно ввергнуло его в большое уныние; впрочем, во все это время он не произносил ни одного оскорбительного для правительства выражения и прощаясь сказал, что он решился совершенно и безусловно покорствовать Провидению и высочайшей власти». «Не могу сокрыть также,—продолжает заместитель генерал-губернатора,—что я заметил в нем некоторые признаки помешательства рассудка: говорит он большей частью отрывочно, без связи и непоследовательно, забывая иногда тотчас, о чем была речь прежде. Главнейшие предметы, в суждении о которых наиболее выказывается сумасбродство его,—суть: римско-католическое исповедание и политика. Заговорив о них, он тотчас приходит в жар; по мнению его, вне римско-католической церкви нет спасения, и кто хочет быть сведущим в политике и даже законодательстве,—у него надлежит им учиться». Копылов глубокомысленно полагает: «если что найдется в бумагах Лунина логически изложенное, то написано раньше, а теперь по расстройству душевных сил он едва ли может связным образом или методически изложить».

Показания Лунина свидетельствуют, что Копылов и Успенский заблуждались или были введены в заблуждение Луниным. Сжатое, написанное без помарок, показание Лунина составлено чрезвычайно осторожно, никого не впутывает в дело, ссылается только на двух умерших лиц [1]).

При от'езде из Иркутска Лунин просил передать богослужебные вещи из его дома в местный римско-католический костел, переслать ему книги религиозного и светского содержания на древних языках и позволить ему употреблять сахар и табак, необходимые для поддержания здоровья, причем табак нужен ему, как лекарство от цынги, которой он страдает давно. Среди вещей, внесенных в опись 27 марта в Урике, встречаются Распятия, гравюра—Иоанн Креститель, платье, белье, посуда и другая утварь, продовольствие—11 голов сахару, 12 ф. чая, 2 п. кофе, лошади, корова и другой скот, охотничьи собаки, пшеницы и другого хлеба около 100 пудов; дом Лунина—в 4 комнаты, с баней и другими службами. Книг найдено около тысячи, среди них—латинские, греческие, славянские, польские, французские, английские, немецкие—богословские, исторические, словари, философские, грамматики, богослужебные, Свод Законов, Донесения Следственных Комиссий по делу о Тайных Обществах.

Успенский, конечно, не удовольствовался заявлением Лунина о том, что сочинения его списаны одним только Ивановым, и расширил расследование. Ему удалось установить, что экземпляр «Взгляда» имеется у учителя Иркутской гимназии Журавлева, который на допросе заявил, что получил рукопись от государственных преступников Громницкого и Лунина в доме последнего, что на русский язык переводил сочинения Лунина именно Громницкий, у которого должен быть еще экземпляр писем и записок Лунина «злейшего содержания, чем первые». «Письма из Сибири», по словам Журавлева, написаны еще с большею желчью, чем другие сочинения Лунина. Журавлев сообщил также, что все эти рукописи читали: казачий офицер Черепанов [1]), который имеет у себя экземпляр «Взгляда на Русское тайное общество», полицеймейстер Иркутского солеваренного завода Васильевский, Кяхтинский чиновник Крюков. При обыске у Васильевского были отобраны рукопись Громницкого, содержащая «Разбор Донесения тайной следственной комиссии», и «Письма из Сибири».

Что касается Громницкого, то относительно него следствие установило еще, что он занимался иногда у Лунина в качестве домашнего секретаря. Поэтому Копылов послал к нему в с. Бельское, близ Иркутска, того же Успенского.

Петр Федорович Громницкий был членом Общества Соединенных Славян и до восстания состоял в чине поручика. По приговору Верховного Уголов-

---

[1]) Комендант Петровской каторжной тюрьмы ген.-лейтенант Ст. Ром. Лепарский, род. в 1754 году, умер 30 мая 1837 года. Декабрист Ил. Ив. Иванов, секретарь Общества Соединенных Славян, род. в 1800 году, умер 26 декабря 1838 года.

[1]) С. И. Черепанов, автор воспоминаний, в которых он сообщает о своем знакомстве с декабристами («Древняя и Новая Россия», 1876 г. и отд. Казань 1879 г.), упоминает и о Лунине, но ничего не говорит об истории с рукописями.

ного Суда был осужден по II разряду к 20-летней каторжной работе, так как «знал цель—ввести республиканское правление, истребив государя и всех, кто бы тому противился; клялся на образе содействовать (в восстании и учреждении Временного Правительства), был назначен в число заговорщиков для покушения на жизнь покойного императора; хотя и обещался участвовать в возмущении, но не исполнил сего и даже отклонил других». Горбачевский в своих записках изображает Громницкого, как очень решительного участника заговора до восстания и как очень уклончивого, осторожного участника революционных действий на юге. В 1827 г. он отправлен был в Нерчинск, в 1835 году был обращен на поселение и жил с того времени в селе Бельском. После истории с рукописями Лунина Громницкому было отказано в просьбе о переводе в Западную Сибирь.

В «деле» самого Громницкого нет ни писем его, ни вообще каких-либо следов интереса III Отделения к нему. Оно состоит почти исключительно из переписки III Отделения с матерью Громницкого, женщиной очень бедной и постоянно просившей о денежном пособии, которое много раз выдавалось ей с разрешения царя.

Свою поездку в с. Бельское Успенский также описывает в тоне реляции бравого кавалерийского генерала, взявшего штурмом горную крепость. В ночь на 1 апреля Успенский прибыл к Громницкому в Бельское «без шума, немедленно, не теряя ни минуты, заставил его написать показание, поспешил арестовать его» и прибыл с ним в Иркутск. В показании своем Громницкий заявляет, что он был в Урике всего три раза: в августе 1837 года, когда по случаю болезни жены преступника Анненкова [1]), жившего в с. Бельском, ездил за доктором Вольфом и отвозил его в Урик, где оставался до трех недель. В 1838 году проживал в Урике два месяца. Лунин читал ему тогда «Взгляд на тайное общество», «Розыск исторический» и первый отдел «писем». Громницкий списал себе копии с этих произведений. При этом Лунин говорил, что «письма» сочинены им, а «Взгляд» и «Розыск» сочинены Ивановым; но Громницкий списывал их с подлинников Лунина или под его диктовку. В 1839 году Громницкий был в Урике и списывал «под диктовку Лунина или с разных лоскутов его руки остальные сочинения, как-то: «Разбор донесения следственной комиссии» и второй отдел писем и прежние манускрипты: «Взгляд», «Розыск» и письма первого отдела, потому что к этому времени Лунин его дополнил разными заметками». Громницкий списал тогда пять экземпляров, из которых четыре Лунин оставил у себя, а один отдал ему.

На основании опроса других прикосновенных к делу, главным образом Журавлева, Копылов сообщил в Петербург, что сочинения свои Лунин читал не только Громницкому, но и Муравьеву, Вольфу и другим товарищам в окрестностях Иркутска.

Была составлена докладная записка, представленная царю и имеющая пометку Дубельта: «его величество изволил читать 25 мая 1841 г.». В записке сообщалось, что «между бумагами Лунина, разобранными в III Отделении, примечательными оказались следующие: 1) Писанный на французском

[1]) Декабрист Ив. Ал. Анненков и жена его Полина Егоровна, рожд. Гебль.

языке рукою Лунина Взгляд на тайное общество в России от 1816 по 1826 год; 2) его же рукою, на английском языке, Разбор донесения следственной в 1826 году Комиссии над государственными преступниками с описанием употребленных противу них мер жестокости и ложных обещаний и осуждения многих по неосновательным показаниям. Этот разбор такого же содержания, как отобранный у Васильевского; 3) его же рукою вписанные в особую книжку Мысли религиозные и политические, замечания о законах и разных мерах правительственных; 4) его же руки Историческая записка об Анадырском остроге, построенном за полвека тому назад для обуздания непокорных чукочь; 5) его же руки Историческое сочинение о древней Греции, с описанием гонений, понесенных великими ее мужьями за любовь их к отечеству; 6) его руки три басни с применением смысла их к народному управлению; 7) Письмо к Лунину от преступника Завалишина в 1840 году из Петровска. Хотя в письме сам Завалишин просит только пособия и из оного видно, что между им и Луниным со времени выезда сего последнего из Петровска сообщений не было, но некоторое внимание обращает на себя выражение Завалишина, который, прося денег, пишет: «надеюсь, что вы увидите из этого немудрого и прямого обращения к вашему сердцу, что я действую не задумываясь и что я надеюсь на вас, зная вас хорошо по опыту»; 8) неизвестно кем и разным почерком написанные на польском языке четыре бумаги, содержащие в себе возмутительные о Польше стихи и молитвы. Почерк одной из сих бумаг имеет сходство с почерком Конарского».

Все перечисленные здесь бумаги хранятся в приложенном к «делу» Лунина пакете и имеют карандашные цифровые пометки Дубельта соответственно приведенному в докладе описанию. Вот содержание этих рукописей—в порядке той же нумерации Дубельта.

1. Французский подлинник статьи «Взгляд на тайное общество»—подробнее в примечании к ней.

2. Английский подлинник «Разбора Донесения...»—подробнее в примечании к нему.

3. Записная книжка — «Exégèse», заглавная страница которой воспроизведена здесь цинкографически и из которой выше приведены обширные выдержки.

4. Записка об Анадырском остроге представляет собою ряд выписок, не интересных для характеристики историко-политических взглядов Лунина.

5. Историческое сочинение о древней Греции—французская рукопись Лунина на 12 страницах большого формата, исписанных только наполовину (одна половина оставлена в виде полей)—выдержки из нее приведены в примечаниях к «Розыску историческому».

6. Три басни—рукопись Лунина на 4 страницах, заключающая басни: «Брага», «Дитя и пятно», «Кляча, дрова и дровни», без подписи авторов. Автор первых двух—декабрист П. С. Бобрищев-Пушкин, род. в 1802 г., ум. в 1865 г., начал писать басни, еще 15 лет от роду, в Московском Университетском Пансионе; обе басни напечатаны в сборнике М. М. Зензинова «Декабристы, материалы для характеристики», М. 1907, с подписью автора,

с пометками: «Брага»—Тобольск 1829 г., «Дитя и пятнышко»—Тобольск 1843 г. П. С. Бобрищев-Пушкин 2-й, член Южного Общества, был осужден по 4 разряду в каторгу на 12 лет. С Луниным вместе он был в Петровском заводе, но уже в 1832 году был освобожден на поселение. Конечно, Лунин мог получить текст этих басен и позже 1832 года, но, во всяком случае, в печатном тексте ошибочна ссылка на Тобольск для первой басни, так как в Тобольск автор попал только в 1840 году, а для второй басни ошибочна дата 1843, так как список ее был взят у Лунина в 1841 году. Автора третьей басни установить мне не удалось. Все три басни с обычными нравоучениями.

7. Письмо к Лунину Ипп. Ир. Завалишина, младшего брата декабриста; будучи 17-летним юнкером во время суда над декабристами, Ипп. Завалишин написал донос на своего брата, осужденного декабриста Дм. Ир., и все-таки попал в ссылку в Оренбургский гарнизон. Здесь он подговорил нескольких молодых офицеров-идеалистов основать тайное общество для осуществления идей осужденных декабристов, сам донес на участников этого общества и был вместе с ними сослан на каторгу. Когда, по прибытии его в Сибирь, Д. И. Завалишин выхлопотал у начальства перевод брата в Петровский острог, чтобы иметь возможность воздействовать на его нравственность, — декабристы, по словам А. Ф. Фролова, относились к Ипполиту с презрением и все годы совместной жизни не раскланивались с ним. Судя по письму И. Завалишина, один только Лунин относился к нему с жалостью. По выходе с каторги Ипп. Завалишин, как поселенец, скитался по разным местам Сибири, нигде не уживаясь из-за своего характера. Часто он привлекался к суду за клевету и ябедничество, даже за мошенничество, и в 1848 году был по суду наказан розгами. При составлении списка государственных преступников для освобождения их и восстановления в правах по манифесту 26 августа 1856 г. Ипп. Завалишин был исключен из числа амнистируемых. После этого он снова попал под суд, причем генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт, как милости для себя, просил удалить Завалишина из Западной Сибири. Ипп. Завалишин был жив еще в 1876 году. Подобно брату, он много писал и главным образом о Сибири. В письме к Лунину, без всякого основания, смутившем Дубельта, Завалишин просит выслать ему денег, так как он нуждается, а для Лунина «несколько сот рублей—безделица».

8. Возмутительные о Польше стихи и молитвы. В рассматриваемом тексте сохранилось несколько рукописей на польском языке: а) тетрадка в $^1/_8$ писчего листа, в 8 страниц, с польскими стихами; почерк не установлен; б) миниатюрная тетрадка в 12 страниц с польскими стихами, почерк не установлен; в) листок в $^1/_4$ писчего листа, исписанный Луниным с обеих сторон и содержащий польскую молитву; г) тетрадка в $^1/_8$ долю писчего листа, с польскими стихотворениями, в числе их—«Юность» Мицкевича.

Кроме этого пакета, описанного Дубельтом в докладе царю, при «деле» Лунина есть еще один пакет, в котором хранятся следующие рукописи: 1) тетрадь в $^1/_4$ писчего листа, неизвестного почерка, с заглавною надписью «Письма из Сибири» и подзаголовком: «запрещены 15 сентября 1838 года»; в тетрадке на 36 страницах—16 писем Лунина 1836-1838 и одно письмо

1840 года; это первая серия писем Лунина из Сибири (здесь печатаются со ссылкою на «Запрещенную тетрадь», см. примечания к «Письмам»); 2) тетрадка в 1/8 писчего листа с пометкою Дубельта: «удержано у Громницкого»; почерк рукописи похож на почерк Громницкого; в этой тетрадке имеются: на 23 страницах—«Разбор донесения следственной комиссии», текст которого представляет собою перевод произведения Лунина, написанного по-английски; на 23¼ страницах—примечания к «Разбору» (текст «Разбора» и примечания именно в этой редакции печатались у Герцена и в других изданиях; см. здесь мои примечания к «Разбору»); одна страница занята титульной надписью: «Письма из Сибири 1839 и 1840 годов», на ней же пометка Бенкендорфа: «Письма эти переведены с французского, с переменами содержания, а некоторые вовсе не были посланы к сестре»; на 23 страницах — десять писем Лунина за 1839—1840 годы; это вторая серия писем из Сибири (здесь печатаются со ссылкою на «тетрадь Громницкого»; см. мои примечания к ним); 3) тетрадка в ¼ листа, почерк похож на почерк первой тетрадки; на 18 страницах здесь помещен русский перевод «Взгляда на Русское Тайное Общество», напечатанный в настоящем издании (подробности в моих примечаниях к названному сочинению); на 16 страницах помещен «Розыск исторический» (см. это произведение и примечания к нему).

Таким образом, властям удалось захватить, кроме французского и английского подлинников произведений Лунина о Тайном Обществе, только по одному списку русского перевода этих произведений; другие, повидимому, так и не были розысканы. Что касается «Писем из Сибири», то, кроме французских авторских записей шести из них в сборнике «Exégèse» и двух, удержанных в III Отделении, власти имели один экземпляр русского текста в двух тетрадках, отобранных у Громницкого и у Васильевского. Позднее Руперт сообщал III Отделению, что посылает экземпляр «Писем» и «Взгляда», взятый у Черепанова, но этой рукописи в «деле» нет. С. М. Волконский заявляет («О декабристах», стр. 78—79), что в архиве своего деда-декабриста он видел тетрадку, в которую Лунин сам вписал «Сибирские письма». В этом же архиве, который частью попал во время революции 1917 года в Румянцовский музей, были и письма Лунина к его другу, декабристу С. Г. Волконскому.

Были в распоряжении III Отделения и другие списки сочинений Лунина, отобранные при разных обысках. Об одном таком списке возникло специальное дело под заглавием «Студенческая агитация». Относится оно к 1869 году и возникло в Москве, откуда жандармы переслали III Отделению рукопись «Взгляда на тайное общество», «сочиненную будто бы проживающим здесь декабристом Дм. Завалишиным на французском языке и переведенную студентами здешнего университета, между которыми и обращается». Неосведомленность московских жандармов об авторе «Взгляда» придала делу неожиданный интерес в качестве материала для биографии декабриста Дм. Ир. Завалишина. На присланной из Москвы рукописи, представляющей точный список произведения Лунина по тексту «Полярной Звезды», без последних 15—20 строк, жандармское начальство сделало надпись: «составить краткое извлечение со справкой о Дм. Завалишине».

Составленная в октябре 1869 года подробная справка начинается 1856 годом и сообщает, что «Дм. Завалишин (из декабристов), получив на основании всемилостивейшего манифеста 26 августа 1856 г. прежние права потомственного дворянства с дозволением возвратиться из Сибири и жить, где пожелает в пределах Империи, за исключением столиц, остался добровольно в Чите, Забайкальской области. В 1860 г. управляющий делами Сибирского Комитета сообщил кн. Долгорукому (В. А., шеф жандармов), что Дм. Завалишин прислал несколько писем, заключающих в себе доносы на действия местных начальств Восточной Сибири и жалобы на местную цензуру в Иркутске, запрещающую будто бы печатать в издаваемых там ведомостях статьи его о Сибири, что подобные доносы и жалобы получены от Завалишина и в Сибирском Комитете. Все означенные письма, доносы и статьи написаны в резком и неприличном тоне; в них, между прочим, Завалишин говорит о своих заслугах по устройству и заселению Читы и в других важных случаях, а также о неприязненных и враждебных отношениях к нему генерал-губернатора Восточной Сибири гр. Муравьева-Амурского».

В феврале 1863 года управляющий делами Сибирского Комитета уведомил шефа жандармов, что государь, «признавая вредным пребывание в Сибири проживающего в Чите дворянина Дм. Завалишина, повелел: Завалишина выслать из Сибири... Вследствие сего Завалишин доставлен был в Казань, а затем ему дозволено прибыть в Москву. В марте 1864 года князь Долгоруков исходатайствовал дополнительное ежегодное пособие Завалишину от казны в 120 р. сер. (к прежним 114 рублям), причем ему было об'явлено, что пособие это будет производиться только до тех пор, пока он не подаст повода к прекращению выдачи ему оного своею неосторожностью. В 1865 и 1866 годах, это дополнительное пособие требовалось прямо от III Отделения на известное его величеству употребление, а с 1867 года на выдачу его испрашивается ежегодно через министра финансов высочайшее повеление».

К справке приложен конспект статьи Лунина, и на первой странице рукописи имеется надпись о поручении московской жандармерии «дознать более положительным образом, кто автор записки и если это действительно окажется Завалишин, то сообразить о прекращении выдаваемого ему пособия». Московский жандармский генерал отвел беду от кармана Завалишина. В декабре он сообщил своему главному начальству, что «имел возможность получить через одного книжного торговца, весьма близко знавшего дворянина Дм. Завалишина, проживающего в Москве, а равно и брата его [Ипполита], находящегося в Пензе», «точные сведения о том, кто автор брошюры под названием «Взгляд...» «Завалишины никакой подобной брошюры не сочиняли ни на русском, ни на французском языках, но автор означенной брошюры, как определяют положительно, должен быть дворянин М. А. Антонович, живущий в Петербурге, пользующийся известностью между учеными людьми через превосходное знание французского языка, с которого им были переведены записки об Англии Луи Блана. Антонович имеет тайные сношения с Герценом, принадлежит к польскому обществу и тайно действует на русское молодое поколение своими противоправительственными идеями». На этой неверной догадке кончается дело 1869 года о «Взгляде» Лунина, имеющее интерес и для его биографии.

как доказательство распространения его произведений в 70-х годах прошлого столетия.

По поводу показаний Журавлева, Громницкого и других лиц по делу о распространении сочинений Лунина ему было послано в Нерчинск предложение дать дополнительные об'яснения. В ответ на это Лунин прислал в Иркутск второе показание, от 19 апреля 1841 года. Пересылая это показание Бенкендорфу, Руперт высказывает соображение, что вряд ли Лунин скажет правду: «судя по упорству его характера, верно не скажет ее никогда», хотя Копылов и предлагал ему ответить «со всеми правдивостью и чистосердечием, честному человеку свойственными». А по поводу ссылки Лунина на покойного декабриста Иванова генерал-губернатор заявляет, что в бумагах последнего ничего не найдено.

Был составлен новый доклад царю, причем Бенкендорф, между прочим, отмечал в пользу Лунина следующее обстоятельство: III Отделение предложило Е. С. Уваровой представить присланные ей братом письма Лепарского к нему, не сообщив ей, что намерено этим путем проверить ссылку Лунина на то, что «Взгляд» написан по просьбе Лепарского. Уварова, как подчеркивает Бенкендорф, не зная в чем дело и не имея возможности снестись по этому поводу с братом, дала ответ, вполне подтвержающий заявление Лунина [1]). Николай Павлович сделал, 23 февраля 1842 года, на докладе пометку: «переговорим», и в результате переговоров Бенкендорф приписал на другой день: «Лунина оставить под строгим заключением, а о прочих государь согласен». О прочих— это касалось административного взыскания с лиц, прикосновенных к распространению сочинений Лунина.

Об этом было немедленно сообщено в Сибирь, но переписка в связи с победоносным походом Успенского в Урик продолжалась. Во-первых, ни он, ни его начальство не хотели удовольствоваться об'явленным Успенскому монаршим благоволением. После настойчивой атаки III Отделения, Комитета министров и других государственных учреждений Успенский получил орден Станислава 3-й степени. Во-вторых, получив еще в 1841 году ответ о том, что сахар, табак и т. п. вещи можно Лунину выдавать беспрепятственно, Копылов несколько раз запрашивал, можно ли передавать Лунину присланные через III Отделение деньги, письма, книги и т. д. Дело в том, что главный начальник края Руперт требовал от Копылова удержания всех поступающих на имя Лунина писем и денег, а подчиненный им обоим Иркутский гражданский губернатор Пятницкий заявлял, что получаемое почтою он будет задерживать, а получаемое из III Отделения будет передавать Лунину. III Отделение раз'яснило Копылову, что Пятницкий сообразительнее своего начальства и лучше понимает распоряжения высшей власти.

Затем, Руперт и Копылов не давали Бенкендорфу покоя по вопросу о том, как быть с отобранными при обыске у Лунина ружьем, порохом и дробью.

---

[1]) Между тем Уварова сообщила Бенкендорфу, что письма Лепарского к брату найти не может, но хорошо помнит, что генерал в этом письме лестно отзывался о примерном поведении Лунина в Петровском и благодарил его за какой-то предпринятый по вызову Лепарского труд.

Прислуга Лунина показала на допросе, что оружие он приобрел для себя, а Лунин ответил, что купил его для служившего у него егеря, «которому никакое законоположение ходить на охоту не возбраняло». Высказывая глубокомысленное соображение о том, что «зловредного умысла» со стороны Лунина в этом случае нельзя видеть, а что ружье куплено было только для охоты, Руперт спрашивал, как быть со всем этим имуществом. Бенкендорф ответил генерал-губернатору, что сношения с ним по этому предмету излишни и что Руперт может сам разрешать такие вопросы.

Но если история с ружьем не могла больше беспокоить Лунина, так как в Акатуевском заточении оно ему не нужно было [1]), то бессмысленная жестокость Руперта в деле о книгах причинила ему не мало страданий. Еще в 1841 году Бенкендорф сообщил генерал-губернатору, что находившиеся у Лунина в Урике книги можно переслать в новое место его ссылки. Но это было исполнено только в 1844 году, почти перед смертью Лунина. То Руперт сообщал III Отделению, что сам Лунин при выезде в Акатуй просил передать все его имущество С. Г. Волконскому, то он находил другой повод к длительной переписке по этому вопросу, но дело тормозилось.

Сосланный в Акатуй, где, по словам жены декабриста П. Е. Анненковой, воздух был так отравлен испарениями, что на 300 верст в окружности дохла всякая птица,—Лунин умер для всего мира, в том числе и для сестры, которая узнавала о брате только из официальных сообщений III Отделения да со слов Дубельта, при встречах с ним в Петербургских гостиных.

Сохранившиеся при «деле» Лунина письма Е. С. Уваровой с пометками жандармских генералов—свидетельства страшной драмы, переживавшейся семьею заживо погребенного. 14 октября 1842 года Уварова писала Дубельту из Берлина, напоминая ему, что при свидании «у сестрицы Екатерины Захаровны» (жена министра финансов, графиня Е. З. Канкрина, сестра декабриста Арт. Зах. Муравьева и родственница Луниных по их матери, рожденной Муравьевой) он обещал содействовать облегчению участи брата, и просила перевести его обратно в Урик. Уварова указывала, что брату ее недолго осталось жить и выражала надежду, что ему дадут возможность умереть «на руках родных его. Муравьевых». Но к человеку, который так упорно преследовал жандармов своими обличениями, который был так неисправим в своем превратном образе мыслей, не было жалости у министров Николая Павловича. На письме Уваровой есть пометка Дубельта: «граф приказал не отвечать».

24 января 1843 года Уварова прислала из Берлина, с надписью «любезнейшему братцу Михаил Сергеевичу Лунину», французское письмо, в котором «под трезвон колоколов церкви Доротеи» напротив ее квартиры, «взбудораживший трех ее собак», вспоминает «звон наших православных колоколов» и сильно осуждает безобразного Штрауса с его последователями, в сравнении с которыми даже Вольтер—святой. Здесь Дубельт уже от самого себя надписал: «удержать». 28 июня того же года Е. С. Уварова просила Дубельта переслать ее брату книги на греческом языке, «его любимом диалекте», чем генерал «усладит вместе и его заточение», и ее в чужбине из-

[1]) См. стр. 115 — о письме А. Д. Горемыкина.

гнание, «ибо удаление от святой Родины ничем не кажется русскому моему сердцу, как добровольною ссылкою». Эту просьбу III Отделение удовлетворило.

29 сентября 1843 года Уварова снова писала Дубельту из Берлина. Она узнала, что еще не отправлены брату книги из Урика, так как Иркутское начальство затруднялось найти источник на покрытие расходов по пересылке книг, причем «тщетно двоюродный брат наш Никита Муравьев предлагал свои деньги». Когда же эти книги будут посланы, «луч утешения достигнет несчастного брата в новом его заточении».

Между тем, Бенкендорф умер, и его заменил на посту шефа жандармов граф А. Ф. Орлов, брат известного декабриста М. Ф. Орлова, которому он выхлопотал у Николая Павловича прощение, и друг молодости Лунина, товарищ его по службе в гвардии. 4 октября 1844 года Уварова писала Орлову из Берлина, что после Бога и государя на него одного возлагает она надежду в облегчении участи брата. С марта 1841 года он заброшен на границу Китая в Акатуевский рудник, в сравнении с которым и самый Нерчинск может почитаться земным раем. В 1842 году покойный Бенкендорф сообщал ей, что перевод в Урик будет зависеть от самого брата ее по мере его раскаяния. Содрогаясь при мысли, что брат может остаться забытым в заточении до конца жизни, она у ног Орлова умоляет его испросить Лунину возвращение в Урик, где находится также Вольф (декабрист Ф. Б., доктор), помощь которого ему необходима.

Вероятно, брат уже раскаялся за это время, но так как ему запрещено писать, то этого и нельзя знать утвердительно. «Некогда (давно тому назад) вы спасли его жизнь,—пишет Уварова,—прострелив его шляпу [1]),—теперь именем самого Бога! спасите душу его от отчаяния, рассудок его от помешательства». По требованию Орлова в III Отделении была составлена для него справка о деле Лунина, в которой есть и такая ложная фраза: «а что Лунин находится в Акатуйском руднике на границе Китая, как пишет Уварова, то в III Отделении об этом неизвестно». И на этом письме Уваровой есть помета Дубельта: «оставить».

17 сентября 1845 года Е. С. Уварова пишет из Берлина Дубельту и просит уведомить ее, жив ли еще брат и доставлены ли ему книги—единственное утешение в заточении, просит напомнить Орлову об ее прошлогоднем письме, на которое она ответа не получила, хотя оно было переслано через графиню Анну Алексеевну (двоюродная сестра Орлова, знаменитая богачка и ханжа, духовная дщерь архимандрита Фотия). Подобно тому, как в других письмах к Дубельту Уварова ссылается на сестрицу Канкрину, чтоб напо-

[1]) Декабрист Д. И. Завалишин так рассказывает о дуэли между А. Ф. Орловым и М. С. Луниным, задолго до событий 1825 года. Дуэль вызвал Лунин во время дружеской беседы в кругу гвардейских офицеров. Положено было стрелять до трех раз, сближая каждый раз расстояние. Первый выстрелил Орлов и сбил перо со шляпы Лунина. Этот выстрелил в воздух. Орлов закричал: «Что же ты, смеешься надо мною?», подошел ближе, долго прицеливался и сбил эполет у Лунина, который вторично выстрелил в воздух. Тогда Орлов бросил пистолет и друзья обнялись. Декабрист П. Н. Свистунов сообщает, что после второго выстрела секундант Орлова, брат его М. Ф. Орлов, уговорил А. Ф. прекратить неравный бой с безоружным.

мнить ему о своих высоких связях и этим расположить жандармского генерала к своему брату, так в этом письме она добавляет, что во вторник русские дамы в Берлине проводили императрицу, которая была к Уваровой очень милостива. В этот раз Дубельт ответил. Он писал, что книги отосланы к Лунину в 1844 году, а о возвращении в Урик граф «не изволил признать возможным утруждать государя императора всеподданнейшим докладом по сему предмету».

Все письма Уваровой к заправилам III Отделения жутко читать в виду наполняющей их страшной скорби, но подлинным трагическим ужасом исполнено письмо ее к Николаю Павловичу от 12 октября 1845 года. Именем Христа, Бога милосердия и всепрощения, просит она перевести в Урик томящегося на границе Китая многострадального Лазаря—брата ее, героя Аустерлица. Бог милосердия и всепрощения чужд был душе Николая I, особенно в делах, касавшихся его «друзей 14 декабря». От имени Орлова Е. С. Уваровой было сообщено, в конце ноября 1845 года, что высочайшего соизволения на ее просьбу не воспоследовало.

Когда Уварова получила в Берлине этот ответ, Лунину уже ничего не нужно было. Все годы каторги и ссылки он провел без единой просьбы к своим политическим противникам, как называл он бывших своих товарищей и друзей, управлявших теперь Россией. Лишь об одном просил он начальство каторги—о допущении к нему духовника. И в мрачном уединении Акатуйской тюрьмы только ксендз Филипович приходил утешать его.

29 января 1846 года Орлов представил царю доклад о том, что «содержавшийся при Нерчинских горных заводах, в Акатуевском тюремном замке, государственный преступник Лунин 3 декабря 1845 года скоропостижно умер», а Дубельт сделал на этом докладе надпись: «его величество изволил читать», не отметив чувств своего повелителя по этому поводу.

31 марта 1846 года Е. С. Уварова писала из Берлина Дубельту, что недавно ей об'явили о кончине брата, и она просит сообщить ей подробные сведения о его болезни и кончине. «Сколько не терзательны будут для меня эти плачевные подробности, но все лучше этого смертного молчания, этой глухой неизвестности насчет столь близкого моему сердцу и вечно оплакиваемого брата!»—пишет Уварова и добавляет, что ей было бы утешительно иметь хоть что-нибудь из вещей брата, особенно бронзовое распятие, которое она послала в Петровский завод еще в 1830 году [1]). Письмом от 18 апреля Дубельт подтвердил Уваровой известие о смерти ее брата и сухо добавил, что с вещами будет поступлено по закону о наследствах. Этим кончается «дело» о Лунине, но в упомянутой выше отдельной связке бумаг есть сообщение Руперта Копылову от 30 июля 1846 года о том, что Уварова просит все вещи Лунина передать жене государственного преступника Сергея Волконского, Марии Николаевне Волконской. Официальных сведений о последствиях этой просьбы нет, но С. М. Волконский в книге «О декабристах» сообщает,

---

[1]) В описи вещей Лунина значится: «бронзовое распятие величиной в аршин с четвертью... малое бронзовое позолоченное распятие... Иоанн Креститель—гравюра в четверть... одиннадцать изображений разных святых в черных рамах»...

что Лунин завещал свою библиотеку митрополиту Иннокентию и что после кончины митрополита сын декабриста князь М. С. Волконский приобрел некоторые из этих книг. Тот же автор сообщает, что «из мрака Акатуйского острога» Лунин писал в Урик несколько раз и что он видел его письма, ныне утраченные. В одном из них Лунин писал княгине М. Н. Волконской: «прошу вас прислать мне мои часы: очень мне тяжело в бессонные ночи острожного заключения не знать, который час». Действительно, в отдельной связке бумаг о Лунине есть такая собственноручная расписка его: «1845 года, марта 25 числа, стеновые часы получил. Михаил Лунин».

Что касается книг Лунина, то сохранилось письмо декабриста С. Г. Волконского от 1 сентября 1846 г. («Рус. Старина» 1899, № 9, стр. 566) к архиепископу Иркутскому Нилу, которому Волконский сообщал, что по смерти его «товарища и друга остались духовные и другие на древних языках книги, которые по назначению Е. С. Уваровой поручено представить в дар в Иркутскую Семинарию». Одновременно Волконский посылал архиерею книги, имевшиеся у него в Урике, а остальные обещал переслать по получении их из Нерчинского Горного Управления.

В письме Иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина к вел. кн. Николаю Михаиловичу от 6 октября 1898 г. (копия—в бумагах С. А. Панчулидзева) сообщается, что в воспоминание о Лунине в селении Петровский завод есть «гора Лунина», на которую он часто ходил и где поставил крест, что старожилы помнят, как Лунин приносил уголовным каторжанам подаяние, что в Акатуе сохранилась память о Лунине, между прочим—о том, что он ходил на охоту накануне смерти, и что памятник на могиле Лунина был в 1897 году исправлен на средства сына декабриста, князя М. С. Волконского [1]).

[1]) См. снимок с памятника на стр. 121.

Для одного—эшафот и история, для другого кресло в совете и адрес-календарь.
Лунин, письмо 9 VI 1838.

ЛИТЕРАТУРА О ЛУНИНЕ

Биография Лунина не разработана, и печатных материалов для нее было до сих пор мало. Самые ценные из них—политические и религиозно-философские сочинения Лунина—печатались в отрывках или с плохих списков. Неизданные материалы хранятся в рукописном собрании Пушкинского Дома при Российской Академии Наук и в бумагах Н. К. Шильдера в Рукописном Отделении Российской Публичной Библиотеки. В примечаниях отмечено все использованное мною из этих собраний.

Из писаний Лунина были опубликованы раньше:

1) «Разбор донесения следственной комиссии»—в «Полярной Звезде» на 1859 год, книга 5-я, Лондон 1859, стр. 53—65; перепечатано: в сборнике «Записки декабристов», выпуск 2—3, Лондон 1863, стр. 101—119; в сборнике «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. в России» (Международная Библиотека, т. 7-й), Лейпциг, 1870-е годы, стр. 204—219 (было три издания); в журнале «Всемирный Вестник», Пет. 1905, № 12, стр. 39—58; в сборнике Г. А. Куклина «Материалы к изучению истории революц. движения в России», Женева, 1905, т. I, стр. 111—112 и 208—214; в сб. «К истории декабристов», М. 1906, стр. 12—26; в сборнике «Библиотека декабристов», М. 1907, вып. 5, стр. I—XIII; в «Записках декабриста», А. Е. Розена, посл. издан. П. 1907, стр. 126—129 (отрывки); в книжке о Лунине, выпущенной его правнучкой за подписью П. А. и под заглавием «Первые борцы за свободу», Пет. 1917, стр. 59—78.

2) «Взгляд на тайное общество»—в «Пол. Зв.», кн. 5-я, стр. 231—237; перепечатано: в сборнике «Тайное общество...», стр. 1—8; в сборнике Куклина, стр. 200—205; в сборнике «К истории декабристов», стр. 5—12; в «Записках» Розена, стр. 129—132; в книжке о Лунине, стр. 12—19.

3) «Письма из Сибири» — в «Пол. Звезде», книга 6-я, Лондон, 1861, стр. 41—60, и в сборнике Ф. Ф. Шимана «К истории царствования Павла I и Николая I, новые материалы», Берлин 1902 (второе издание 1906), стр. 234 и 386; из «Полярной Звезды» перепечатаны: в книжке о Лунине, стр. 39—58; в «Источниках Словаря Русских Писателей» С. А. Венгерова, т. 4, Пет. 1917, стр. 25, есть указание на перепечатку «Писем» в «Русском Архиве» 1871, № 6, стр. 41—61; в доступных мне экземплярах журнала

«Писем» Лунина нет, но возможно, что редакция «Рус. Арх.» сделала попытку перепечатать их и после запрещения этого цензурою оставила несколько книжек с невырезанным текстом, как то практиковалось ею в других случаях.

Еще были напечатаны: письмо Лунина к Ипполиту Оже от 5 ноября 1816 г.—в Записках последнего, «Рус. Архив», 1877, № 5, стр. 59; завещание Лунина от 27 марта 1819 года—в «Архиве графов Мордвиновых», т. 6-й, Пет. 1902, стр. 255—260, и в «Русской Старине», 1914, № 3, стр. 606—618, а отсюда в книжке о Лунине, стр. 19—23.

Литература о Лунине невелика и носит характер преимущественно анекдотический.

Общие биографические очерки—в сборнике Декабристы, 86 портретов», М. 1906, стр. 129—138 (П. М. Головачев), в «Русском Биографическом Словаре», П. 1914, стр. 742—744 (В. Строев). В книжке о Лунине («Первые борцы за свободу»), на 79 страницах, кроме отмеченных выше перепечаток с неизбежными ошибками, собраны еще, без связи и хронологической последовательности, рассказы о нем—главным образом по запискам Ипполита Оже и Д. И. Завалишина.

Рассказы Завалишина напечатаны в «Истор. Вестнике», 1880, № 1, стр. 139—149 («Декабрист М. С. Лунин») и в «Записках» его, Мюнхен 1904, Пет. 1906, два издания (ч. II, гл. 9, ч. IV, гл. 1). Заявляя о своей близости к Лунину на каторге, Завалишин с его слов рассказывает о жизни Лунина до 1825 г.—о дуэли с А. Ф. Орловым (см. здесь статью «Лунин в Сибири», стр. 113), о вызове на дуэль вел. князя Константина Павловича, о близости к императору Александру I, о заявлении Лунина, что «вести правдивые записки есть обязанность всякого общественного деятеля»; рядом с этим Завалишин приводит в виде текста подлинных записок Лунина его рассказ из эпохи Наполеоновских войн. Сообщения Завалишина требуют весьма критического отношения в виду общей склонности автора к преувеличению.

Рассказы Ипполита Оже напечатаны в «Русском Архиве», 1877, ~~№ 4~~, стр. 519—541, и № 5, стр. 55—68. Автор заявляет, что был очень близок к Лунину и к семье его сестры Уваровой в 1814—1817 годах, и передает много любопытных фактов из его жизни за это время, приводит письмо Лунина к нему, письма Е. С. Уваровой к брату, сообщает о знакомстве Лунина с Сен-Симоном (об этом любопытные соображения у Н. С. Русанова, «Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена», «Мин. Годы», 1908, № 12, стр. 184—185). Рассказы Оже требуют критического отношения, как в виду того, что «Записки» (напечатанные в «Рус. Арх.» с «неизданного французского подлинника») составлены через несколько десятков лет, а в них по памяти приводятся целые страницы разговоров с Луниным, так и в виду явного стремления автора придать самому себе преувеличенное значение.

В содержательных и ценных по спокойному изложению «Записках» родственника Лунина Н. Н. Муравьева-Карсского—интересные воспоминания о Лунине («Рус. Архив», 1885, № 10, стр. 225—228) из эпохи Отечественной войны: об его отчаянной храбрости и бреттёрстве, об его намерении пойти в качестве парламентера к Наполеону и убить его, чтобы избавить человечество от тирана.

В «Русском Архиве» 1868, № 6, стр. 1033-1038, рассказ П. Ульянова, со слов современника событий, об отношениях Лунина к Константину Павловичу.

В «Сборнике биографий кавалергардов, 1801—1826», Пет. 1906, стр. 232, в очерке о П. П. Ланском — рассказ о вызове Луниным на дуэль Константина Павловича. В этом же издании должен был появиться составленный С. А. Панчулидзевым на основании архивных материалов большой биографический очерк Лунина, корректурой которого пользовался В. А. Бильбасов при редактировании «Архива Мордвиновых» (см. т. 6, стр. 255). Но издатели сборника решили не помещать в нем биографий декабристов. В названном томе, стр. 130, — краткая заметка о брате Лунина Никите, корнете Кавалергардского полка, погибшем в бою под Аустерлицем 20 ноября 1805 г.

В «Русской Старине», 1909, № 12, стр. 528 — приказ Константина Павловича от 13 июня 1815 г. об отклонении ходатайства Лунина об отставке в виду недостоверности выставленной им причины—невозможности содержать себя в гвардии.

Самый ценный материал о взаимоотношениях Лунина и Константина Павловича, свидетельствующий о чрезвычайной благожелательности великого князя к нему,—в письмах великого князя к Ф. П. Опочинину и в переписке его с императором Николаем I за 1826 год. Первые хранятся в Российской Публичной Библиотеке—отчет Библиотеки за 1900—1901 г.г., Пет. 1905, стр. 240—241. Выдержки из них — в «Русской Старине», 1873, № 4, 473—474, № 9, стр. 390. Вторая — в книге «Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем», т. I, Пет. 1910 и в «Сборнике Русского Исторического Общества», т. 131, Пет. 1910 (по указателю). Так же благожелательно официальное донесение цесаревича ген. И. И. Дибичу, как главному руководителю следствия о заговоре— «Литературный Вестник», 1904, т. 8, стр. 208—212.

Воспоминания о Лунине до 1825 года—в «Записках декабриста» С. Г. Волконского (П. 1901 и 1902, по указателю), его товарища по Кавалергардскому полку и близкого друга по сибирской ссылке. В примечаниях к этому изданию — сообщения о жизни Лунина в Сибири. Такие же сообщения — в «Записках» жены декабриста княгини М. Н. Волконской (П. 1904 и 1906— под редакцией князя М. С. Волконского и П. 1914—два издания под редакцией П. Е. Щеголева). Любопытны сообщения об остроумии и резких отзывах Лунина о сенаторах — в Дневнике Н. И. Тургенева за 1818—1821 годы («Архив Тургеневых», вып. 5, П. 1921 г.; по Указателю).

О духовном завещании Лунина в 1819 году и его взглядах на вопрос о крепостном праве—в письмах А. Я. Булгакова к брату за 1826 год, «Рус. Архив», 1901, № 7, стр. 424—434, № 9, стр. 7—10, № 10, стр. 168; в «Архиве графов Мордвиновых», т. 6; у Н. А. Мурзанова — «К биографии декабриста М. С. Лунина», «Рус. Старина», 1914, № 3, стр. 606—618.

Об участии Лунина в заговоре, кроме указанного ниже,—у Н. П. Павлова-Сильванского, «Декабрист Пестель пред Верховным Уголовным Судом», 1907, стр. 43, 91 и 132; у Н. И. Коробки, «Польские общества 20-х годов и декабристы», сборник «О минувшем», П. 1909, стр. 224—227; у В. И.

Семевского, кроме книги о декабристах, в статье «Декабристы-масоны», «Минувшие годы», 1908, № 3, стр. 139.

О сдержанном поведении Лунина во время следствия над заговорщиками— у В. И. Семевского, «Политические и общественные идеи декабристов», П. 1909, по указателю; у Н. Ф. Дубровина, «После Отечественной войны», «Русская Старина», 1904, № 4, стр. 30—31; у П. Е. Щеголева, «Исторические Этюды», Пет. 1913, стр. 389—390, в статье о декабристе Ф. П. Шаховском (раньше в «Былом», 1907, № 8, стр. 287); у М. О. Гершензона, «Образы прошлого», М. 1912, стр. 295 (раньше «Вестник Европы», 1907, № 10, стр. 796); у М. В. Довнар-Запольского, «Мемуары декабристов», К. 1906, по указателю, и в предисловии.

В «Воспоминаниях» декабриста А. С. Гангеблова, М. 1888, стр. 105—112 (раньше в «Рус. Арх.», 1886, т. II, стр. 223 и др.), — любопытные подробности о Лунине в Петропавловской крепости в 1826 году, об его религиозных спорах с декабристом Н. А. Анненковым.

В «Записках» декабриста Н. В. Басаргина, П. 1872 и под редакцией П. Е. Щеголева, П. 1917 (по указателю)—рассказ о Лунине в Петропавловской крепости, где он проявил значительную выдержку и стойкость характера.

В «Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. 7-я, М. 1900, стр. 288—290—«дело декабриста М. С. Лунина, 1828 г.». Здесь—переписка Финляндского генерал-губернатора графа А. А. Закревского с начальством Выборгской крепостной тюрьмы, где содержался Лунин до отправления на каторгу, о книгах, присланных Е. С. Уваровой. Закревский разрешил передать Лунину Новый Завет на славянском и русском языках, остальные 33 книги велел переслать к себе. Среди них были книги русские, французские, немецкие, английские, в том числе «Северные Цветы» барона Дельвига на 1827 и 1828 г.г., словари, сочинения Вальтер-Скотта, Купера, Байрона, Шекспира, Шиллера, Лессинга.

О жизни Лунина в Сибири — в «Записках» декабриста А. Е. Розена, Лейпциг 1870, и под редакцией П. Е. Щеголева П. 1907 (по указателю); в «Записках» декабриста Н. И. Лорера, «Рус. Архив», 1874, № 9, стр. 702— о заботливости Е. С. Уваровой о брате; в письмах генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского к коменданту Петровской каторжной тюрьмы С. Р. Лепарскому, «Рус. Старина», 1899, № 11, стр. 329—о том же; в «Воспоминаниях» Л. Ф. Львова, «Рус. Арх.», 1885, № 3, стр. 352—365,—требуют строго критического отношения в виду того, что «Воспоминания» писались через много десятков лет и автор старается выставить себя, молодого тогда чиновника, человеком большого государственного ума и покровителем декабристов.

В статье без подписи, с заглавием «Три предателя», с подзаголовком «из записок декабриста» и с пометкой в оглавлении «умершего», сообщается в «Листке» кн. Петра Долгорукова, Лондон, 1863, № 9, 6 июля, стр. 70, что Лунин, «написав записки свои на французском языке, отправил их печатать в Париж, о чем узнало русское посольство, подкупило типографа и достало рукопись». И анекдотичность всей статьи, несомненно всетаки составленной

на основании материалов, сообщенных кем-либо из декабристов, и совершенное противоречие рассказа о рукописи Лунина всем данным следственного дела об его Сибирских писаниях,—позволяют отнести этот рассказ к анекдотам.

Ценное о «Сибирских письмах» Лунина и жизни его в Сибири—у С. М. Волконского: в «Предисловии» к «Архиву Декабриста», Пет. 1918, стр. 32—33, в книге «О декабристах», Пет. 1922, стр. 76 и др.

В «Колоколе», 1859, № 36, от 15 февраля, стр. 293—294—рассказ без подписи, «Из воспоминаний о Лунине», очень похожий по анекдотическому изложению на рассказы Завалишина. Здесь сообщения: о вызове на дуэль Константина Павловича, о нежелании воспользоваться расположением последнего и скрыться в 1825 г. от суда за границу, о медвежатах, которых Лунин ввел в дом одной польской барыни, причем на упреки последней возразил, что если бы не наличность среди поляков изменников родному народу, то Польша была бы избавлена от присутствия не только четвероногих, но и двуногих медведей—русских, о намерении правительства расстрелять Лунина за напечатание в Нью-Йорке или Лондоне «брошюры о царствовании Николая I» и т. п.

Очень содержательна характеристика Лунина и интересны фактические сообщения о нем в статьях декабриста П. Н. Свистунова, «Рус. Архив», 1870, № 8—9, стр. 1633—1668, 1871, № 2, стр. 333—380. Здесь также опровержение и поправки к различным анекдотам о Лунине.

Восторженный отзыв об уме, красноречии и музыкальной одаренности Лунина—в «Воспоминаниях» о 20-х годах С. В. Скалон, «Истор. Вестник», 1891, № 6, стр. 608.

В беллетристике о Лунине—у Ф. М. Достоевского, «Бесы», ч. 1-я, гл. 5, § 8; у Д. С. Мережковского, «Александр I», ч. 5-я, гл. 4.

Портреты Лунина: *1*) Работы П. Ф. Соколова 1822 года (обер-офицер, в аксельбантах)—с литографии воспроизведен в Альбоме Московской Пушкинской выставки в 1899 году, М. 1899, таблица 39; на литографии подпись: «Михаилъ *Семеновичъ* Лунинъ», фамилия автора и год написания; перепечатан в «Сочинениях Пушкина», изд. Брокгауз-Ефрон, П. 1908, т. 2-й, стр. 517; в книжке о Лунине, П. 1917 г. Несколько подмалеванное и приглаженное воспроизведение этого портрета в литографии Скино 1860-х годов; отсюда воспроизведен у Н. К. Шильдера, «Николай I», П. 1903, т. 1-й, стр. 401; в сборнике Г. А. Куклина «Материалы...», Женева, 1905, т. I, стр. 200 (отсюда отдельные оттиски). *2*) Работы декабриста Н. А. Бестужева [1830-х г.], в перерисовке Питча,—воспроизведен фототипически в сборнике М. М. Зензинова «Декабристы 86 портретов», М. 1906 (отсюда фототипия на открытках). *3*) Неизвестного художника [1840-х годов]—с рисунка карандашом из собрания П. А. Ефремова воспроизведен в Альбоме Московской Пушкинской выставки 1899 г. на таблице 39-й, с подписью «Лунин в Акатуе». *4*) Неизвестного художника [1840-х годов, но более старый, чем предыдущий]—с рисунка карандашом—фотографический снимок Л. Левицкого в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук. С. М. Волконский сообщает («О декабристах», стр. 80), что у него было *два портрета Лунина, написанных им самим*, причем на обороте одного портрета—внутренность острожного дома.

В альбоме «Памяти декабристов», изд. М. М. Зензинова, М. 1907, на таблице 38-й—воспроизведен фототипически вид могилы и надгробного памятника Лунину в Акатуе. Там же несколько видов Акатуя.

Снимки с письма Лунина и его подписи воспроизводятся цинкографически в настоящем издании по хранящейся в Пушкинском Доме его Записной книжке «Exégèse». Портреты воспроизводятся: первый и третий с фототипии из Альбома Московской Пушкинской выставки 1899 года, второй с фототипии, изданной М. М. Зензиновым, четвертый с фотографии из собрания Пушкинского Дома. Вид могилы воспроизводится с фотографии из собрания Пушкинского Дома. На надгробной плите—надпись: «Незабвенному | брату Михайлу | Сергѣевичу Лунину скорбящая | сестра Е. У. Умер | он 4 Декабря».

Держали на запоре человека, который предсказал грозу.

Лунин, Письмо 21/VII 1840.

ПРИМЕЧАНИЯ

Записная книжка (стр. 9).

Записная книжка Лунина, из которой взяты приводимые здесь точные выдержки, представляет собою тетрадку, лично им пронумерованную от 1 до 154 и разлинованную карандашом по трафарету. Книжка переплетена и оклеена красной бумагой, с таким же корешком. Первая пронумерованная страница воспроизводится здесь (стр. 9) цинкографически в натуральную величину. Поля незначительные: длина страницы 7 дюймов, ширина 4½ дюйма.

Содержание книжки—нечто вроде дневника, веденного несистематически, с пропусками страниц, заполнявшихся через год-два совершенно посторонним текстом. В большинстве случаев это черновые наброски тем, развитых впоследствии автором в Сибирских письмах и в исторических очерках. Такое содержание, в соответствии с задачами настоящего издания, делает излишним воспроизведение всего текста книжки. Выдержки, представляющие самостоятельный интерес по содержанию, приведены здесь в точном переводе, причем письма из Сибири выделены из остального текста. Выдержки эти печатаются в порядке нумерации страниц книжки вследствие трудности установить точную последовательность их в порядке записи. Пояснительные замечания, необходимые для связи отдельных записей, печатаются в отличие от основного, Лунинского текста мелким шрифтом.

Предисловие к „Письмам из Сибири“ (стр. 29).

Сохранилось в рукописном сборнике «Запрещенных» писем, имеющем заглавие «Письма из Сибири» и подзаголовок—«запрещены 15 сентября 1838 г.». Помещено в начале сборника, как предисловие к остальным письмам, включенным туда, но написанным раньше или позже предисловия. Несомненно, как и все письма этого сборника, является переводом с французского—под редакцией самого Лунина. В «Полярной Звезде» Герцена (на 1861 год, книга 6-я), где напечатаны некоторые из Сибирских писем Лунина, это «предисловие» приведено, в другом переводе, в виде подстрочной выноски к письму от 19 мая 1837 года, имеющему в рукописных сборниках № 1, но

помещенному Герценом под № 3. В виду значительных разночтений обоих переводов, текст «Полярной Звезды» приводится здесь.

«Следующие письма из ссылки, обратив на себя внимание правительства, вызвали предписание прекратить переписку в продолжение целого года. Запрещение выражать мысли свидетельствует об их значении и о той боязни, которую вообще внушает людям первая встреча с истиной, прежде чем они поймут ее и полюбят. Моя цель была указать на жизненные вопросы общества и на то, как необходимо разрешить эти вопросы, доселе отстраненные и остающиеся в тени, в то самое время, когда дела второстепенной важности и мелочные предметы занимают умы.

Такая задача не без пользы в переходную эпоху, при отсутствии основ для разумной оппозиции и печатного слова, безмолвного в деле истины, служащего лишь к выражению бездушной лести. Дым ладана, окружающий правительство, создает призраки, которые, своими фантастическими образами, вводят в заблуждение все партии. В течение десятилетнего заключения я не переставал размышлять о пользах отечества. Мои уединенные досуги были посвящены на руководство людей, исказивших мои намерения. Я снова поднял вопросы в своем изгнании, коль скоро обстоятельства сделали это возможным. Многие из моих писем, пересланных через канцелярию его величества, ходят уже по рукам.

Последнее желание изгнанного Фемистокла было, чтоб его бренные останки перенесли и зарыли в родную землю; мое последнее желание, посреди сибирских пустынь, чтоб мои политические убеждения, во сколько они согласны с истиной, распространились и утвердились в уме моих сограждан».

В «Запрещенный» сборник письма с их авторскими номерами, приведенными и в настоящем издании рядом с датой, занесены в таком порядке после предисловия (номера в скобках означают порядок расположения этих писем в настоящем издании в соответствии с установленными датами)—6 (6), 7 (13), 8 (1), 9 (12), 10 (4), 1 (9), 2 (14), 3 (3), 4 (2), 11 (29), 12 (17), 13 (7), 14 (11), 15 (15), 16 (16), 16 (18).

Письмо 1-е (стр. 30).

Сохранилось в подлинной авторской записи по-французски—в Записной книжке (стр. 73), с полной датой и с пометкой № 8. Имеется также в русском сборнике «Запрещенных» писем, под тем же номером и числом, но без года. Напечатано в «Полярной Звезде» под № 6, без даты. Последние два текста—различные переводы с одного французского списка, с небольшими разночтениями. Здесь приводится с французского текста, причем использованы названные выше переводы, особенно из сборника «Запрещенных» писем. Во французском подлиннике последняя фраза написана по-латински, а в выноске Лунин дает ее французский перевод. Помещенный здесь, на стр. 33, снимок с этого письма воспроизводит рукопись Лунина в натуральную величину.

В «Полярной Звезде» письма напечатаны под номерами от 1-го до 19-го включительно, без дат, в неопределенном порядке относительно времени их написания. Вот порядок их размещения в настоящем издании соответственно

их датам (в скобках номера настоящего издания)—1 (19), 2 (20), 3 (9 и 14), 4 (7), 5 (3), 6 (1), 7 (17), 8 (18), 9 (13), 10 (15), 11 (12), 12 (2), 13 (8), 14 (4), 15 (11), 16 (29), 17 (6), 18 (16), 19 (30).

Письмо 2-е (стр. 30).

Сохранилось в подлинной французской записи автора в Записной книжке (стр. 69—70) с полной датой и под указанным номером; заглавие приписано позднее карандашом. Имеется также черновая редакция этого письма, под 1 марта того же года, в виде записи дневника (стр. 21—22), без обращения. Текст почти совпадает в обеих редакциях, но в черновой обрывается на первом абзаце с пометкой автора, отсылающей читателя к странице 69-й. В русских списках письмо имеется в «Запрещённом» сборнике (под той же датой, но под № 4) и в «Полярной Звезде» (без даты, под № 12). Это два разных перевода, отличающихся не только измененными оборотами одинаковых фраз, но и различными отступлениями от подлинника: чего нет в одном переводе, есть в другом, и наоборот. Здесь печатается по тексту подлинника, с использованием обоих старых переводов.

Письмо относится к Варшавскому периоду жизни Лунина, к службе его в гродненских гусарах (20-е годы). Сравнить выше записи дневника от 7 марта и 9 апреля 1837 года (стр. 15 и 16).

Письмо 3-е (стр. 31).

Сохранилось во французской записи автора в Записной книжке (стр. 71—72), с полной датой и под указанным номером. В двух разных русских переводах имеется: в рукописном сборнике «Запрещенных» писем (с датой, без года, под № 3) и в «Полярной Звезде» (без даты, под № 5). Перевод «Запрещенного» сборника, в значительной мере, соответствует французскому тексту, перевод «Полярной Звезды» отступает от него и вообще не полон. Есть, однако, некоторые фразы в «Пол. Звезде», соответствующие французскому тексту и отсутствующие в «Запрещенном» сборнике. Здесь печатается по французскому подлиннику с использованием перевода «Запрещенного» сборника.

В сел. Урик одновременно с Луниным жил его старый друг, боевой товарищ и однополчанин по службе в кавалергардах декабрист князь С. Г. Волконский со своей семьей. Внук последнего, С. М. Волконский, в своей книге «О декабристах—по семейным воспоминаниям» (П. 1922, стр. 78 и далее) сообщает, что в его семейном архиве (значительная часть которого теперь в Московском Румянцевском Музее) были письма Лунина к С. Г. Волконскому, и пишет: «Поселенный в Урике, он (Лунин) был... глубоким почитателем княгини (М. Н. Волконской)... и учителем их сына, моего отца (Мих. Серг. Волконского, род. в Сибири в 1832 году). У меня была целая тетрадочка, исписанная его рукой; это была копия с его знаменитых писем сестре... Среди этих философских рассуждений одно письмо—как небольшой рассказ... Прогулка по лесу, вдвоем с «нею»; с первых слов видно, что это Мария Николаевна...» Дальше, по памяти, излагается содержание письма (из тетрадочки), вполне сходного с печатаемым здесь.

Письмо 4-е (стр. 31).

Настоящее письмо—сводный текст: помеченное здесь цифрой 1 печатается *впервые*; сохранилось в «Запрещенном» сборнике с датой (без года), под № 10-м; помеченное цифрой 2 напечатано в «Полярной Звезде», без даты, под № 14. Сходство содержания позволяет рассматривать обе части письма как разночтение одного текста, подвергшегося изменениям в списках. Год устанавливается вторым абзацом второй части нашего текста: массовое отправление декабристов на Кавказ последовало в 1837 году.

Выражения: «неспособность и мистицизм не оправдывают» (из первой части нашего текста) и «важная отрасль управления превращена в синекуру и отдана на кормление царедворцу старой школы, который... занимал должность шута» (из второй части)—относятся к главноначальствующему над почтовым департаментом князю А. Н. Голицыну (родился в 1773 году, умер в 1844 году), известному мистику первой четверти XIX в. и весьма близкому по своей придворной службе к императорам Павлу, Александру и Николаю. В качестве начальника почтового ведомства Голыцин обязан был вскрывать (при посредстве «черного кабинета») все письма декабристов, в том числе и Лунина, читать их и наиболее важные выписки сообщать по принадлежности царю или министрам. Еще в 1819 году Пушкин сказал о Голицыне: «вот холопская душа». Д. В. Давыдов говорил, что Голицын отличался подлостью и придворным интриганством.

В дополнение к тексту приводится здесь письмо Лунина к Иркутскому исправнику: «+1840. Мая 4. Г. Исправнику: В число отправленных из России на имя Г. Г.-Губернатора для доставления мне посылок и полученных мною в феврале сего года не находится 4 п. 10 ф. сахару, означенного в условии подрядчика Степ. Тюменского. Покорнейше прошу вас принять нужные меры для разыскания, кто принимал посылки от подрядчика; кто дал ему в оных расписку; где находится означенный сахар и почему он ко мне по сие время не доставлен. Приведение этих вопросов в ясность необходимо для прекращения беспорядков и усыпления по делам службы. Честь имею быть L.+».

Письмо это сохранилось в собственноручной записи Лунина, по-русски, в Записной книжке, на стр. 51, с полной датой. Самостоятельного значения в ряду политических «Писем из Сибири» оно не имеет и, в соответствии со своим содержанием, может иметь место в примечаниях к письму о почтовых беспорядках.

Письмо 5-е (стр. 32).

Печатается *впервые*. Сохранилось в собственноручной французской записи автора в Записной книжке, в двух редакциях: в виде записи дневника под 1 ноября (стр. 63—64) и в виде копии письма к сестре (стр. 75—76) с полной датой (цифра 25 переделана из 22) и с №. Во второй редакции есть несколько поправок и дополнений. Здесь печатается в окончательной редакции, в круглых скобках приводятся разночтения из первой редакции. В первой редакции запись кончалась словом désirs, обращения к сестре в начале и в конце письма добавлены в окончательной редакции. В первона-

чальной редакции выписка из Евангелия начиналась фразой из той же главы, § 1: «хорошо человеку не касаться женщины»; в письмо это не перенесено.

NN—Мар. Ник. Волконская (см. выше—письмо от 27 июня 1837 г.); Нелли—ее дочь, Елена Сергеевна Волконская (род. 28 сентября 1835 года в Петровском заводе, где отец ее отбывал срок каторжных работ, умерла 23 декабря 1916 года), крестница декабриста А. В. Поджио и жены декабриста М. К. Юшневской, знаменитая красавица 50-х годов прошлого столетия. Портрет ее этой поры—в 5 томе «Архива Раевских».

Письмо 6-е (стр. 34).

Настоящее письмо — сводный текст: помеченное здесь цифрой 1 (печатается *впервые*) сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, с полной датой, под № 6, помеченное цифрой 2 напечатано в «Полярной Звезде», под № 17, без даты. Так как вторые половины обоих писем совпадают, то последнее позволительно рассматривать как разночтение первого.

Письмо 7-е (стр. 35).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, с полной датой, под № 13. Напечатано в «Полярной Звезде», без даты, под № 4, с незначительными разночтениями, свидетельствующими, что оба текста—различные переводы с одного французского. Здесь печатается по списку «Запрещенного» сборника.

Письмо 8-е (стр. 36).

Сохранилось во французской записи автора (стр. 81—82 Записной книжки) с полной датой. Напечатано в «Полярной Звезде» (без даты, под № 13) в переводе со списка, представлявшего разночтения с дошедшей до нас рукописью автора. Здесь печатается в переводе «Полярной Звезды» с дополнениями по авторской записи, в прямых скобках.

Некоторую связь с этим письмом имеют приведенные здесь выдержки из дневника, со страниц 76-й и др. (см. выше, стр. 24).

Письмо 9-е (стр. 37).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, под № 1 (по записи не первым, так как в этом сборнике письма расположены независимо от номеров, которыми они помечены), с датой, но без года. Последний определен по содержанию фраз: «прошлый год был первый для меня на поселении», «чистая прибыль от моей земледельческой деятельности прошлого года», «вот выводы моих агрономических занятий в 1837 году» и т. п. Хотя Лунин был переведен в Урик еще в 1836 году, но прибыл он туда в июле и, следовательно, не мог в 1836 году заниматься «агрономической деятельностью», особенно вследствие необходимости сначала заняться устройством дома и первоначальным обзаведением. Конечно, он не мог в мае 1837 года писать: «вот выводы моих агрономических занятий в 1837 году» и понятно, что «первым годом на поселении», полным годом, был для Лунина 1837 год. Поэтому

письмо должно быть отнесено к 1838 году (см. ниже примечание к 14-му письму). В «Полярной Звезде», под № 3, без даты, напечатано письмо, первая часть которого, несомненно, является переводом с такого же французского текста, как и печатаемое здесь. Но в «Полярной Звезде» это письмо имеет продолжение, текст которого сохранился в сборнике «Запрещенных» писем, как самостоятельное письмо (смотреть письмо 14-е от 30 июля 1838 г.). Кроме того, в переводе «Полярной Звезды» имеются разночтения, для определения характера которых приведу здесь первую фразу: «чистая прибыль от моей земледельческой деятельности прошлого года доходит до рубля, не считая озимой ржи, которая подает большие надежды». Здесь печатается по тексту «Запрещенного» сборника. Для определения года, к которому должно быть отнесено это письмо, интересна еще фраза: «в 8 месяцев много сделано»... В «Полярной Звезде» она читается так: «Впрочем, много уже совершенно в 18 месяцев». Эта цифра соответствует предположению о 1838 годе, как о времени написания настоящего письма.

Письмо 10-е (стр. 38).

Печатается *впервые*. Сохранилось во французской копии III Отделения при «деле» Лунина. Подлинник был, повидимому, отдан сестре автора. Упоминаемое здесь письмо за № 39 до нас не дошло.

В литературе есть сведения о большом музыкальном даровании Е. С. Уваровой-Луниной и об ее духовной одаренности, вообще.

Письмо 11-е (стр. 38).

Сохранилось по-русски в сборнике «Запрещенных» писем, под № 14, с датой, без года; по-французски—в копии III отделения, при «деле» Лунина, с полной датой, под № 95. Напечатано в «Полярной Звезде», под № 15, с разночтениями, свидетельствующими, что оба русских перевода сделаны с разных французских списков. Печатается по «Запрещенному» сборнику с добавлениями по французской копии.

Министерство государственных имуществ было учреждено (из департамента при Министерстве финансов) указом 26 декабря 1837 года в составе трех Департаментов, Совета министра и Ученого комитета. Первым министром был назначен граф П. Д. Киселев (занимал эту должность до 1856 года), товарищ Лунина по Кавалергардскому полку (поступил в кавалергарды корнетом в 1806 году, Лунин—старший его пятью годами—поступил туда же в 1805 году) и по боевой службе в Отечественную войну. Он был поставлен во главе Министерства, которому поручалась забота о крестьянах,—именно потому, что Николай Павлович знал про освободительные идеи Киселева (он подавал проект об освобождении крестьян еще Александру I сейчас же после Отечественной войны и постоянно примыкал к группам высших сановников, представлявших императору записки об уничтожении рабства в России) и надеялся с помощью нового министра разрешить эту задачу, неразрешимую при его системе управления государством. Не имея возможности сделать что-либо серьезное в смысле уничтожения так называемого крепостного права,

П. Д. Киселев сделал много для облегчения положения крестьян и вообще подготовил в высших правящих кругах почву для манифеста 19 февраля 1861 г. До 1825 года Киселев был в дружеских отношениях с виднейшими руководителями Тайного Общества на юге и особенно покровительствовал главарю заговорщиков П. И. Пестелю, несмотря на многократные серьезные предостережения петербургских военно-сановных друзей. Но из дела о 14 декабря сумел выйти благополучно, так как, с одной стороны, не был скомпрометирован показаниями, в общем довольно болтливых, заговорщиков, с другой, действительно всегда вел себя по отношению к их тайной деятельности очень осторожно и более дорожил возможностью носить вензеля императора в качестве его генерал-ад'ютанта, чем быть участником правительства в подготовлявшемся Пестелем перевороте. «На генерала Киселева не положу своих надежд», писал Пушкин в послании к А. Ф. Орлову еще в 1819 году.

Письмо 12-е (стр. 40).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем (откуда печатается здесь), под № 9, с датой, без года, который устанавливается содержанием письма. Напечатано без даты, в «Полярной Звезде», под № 11, с разночтениями, свидетельствующими, однако, о том, что оба перевода сделаны с одного французского списка.

Ник. Ник. Новосильцов родился в 1762 году, умер 8 апреля 1838 года, один из выдающихся государственных деятелей царствования Александра I. После долголетней и очень успешной военной службы Новосильцов оставил ее при Павле I и вынужденно уехал в Англию, где четыре года слушал лекции физико-математических и медицинских наук, а также изучал тамошний государственный строй. С воцарением Александра Павловича, к которому он еще ранее был близок, Новосильцов был вызван в Россию и вместе с П. А. Строгановым, В. П. Кочубеем и А. А. Чарторижским составил знаменитый Негласный Комитет для конституционного преобразования России, причем Новосильцов ведал производительными и художественными отраслями государственного управления. Позже он был Президентом Академии Наук, заключил (в 1805 году) союз между Англией и Россией, был товарищем министра юстиции, принимал главное участие в управлении Царством Польским, для которого составил (в 1820 году) проект конституции. В управлении Польшею он показал себя реакционером, а при Николае I проявил и жестокость, ускорившую восстание 1831 г. Противодействовать Новосильцову, как главе дел в Варшаве, Лунин мог в качестве доверенного ад'ютанта вел. кн. Константина Павловича. В 1833 году Новосильцову пожаловано графское достоинство, а в 1834 году он назначен Председателем Государственного Совета.

Письмо 13-е (стр. 40).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, с полной датой, под № 7; во французской копии III отделения, при «деле» Лунина, с полной датой, под № 97; напечатано в «Полярной Звезде», под № 9, без даты. Здесь приводится по «Запрещенному» сборнику. Разночтения из «Пол. Звезды»

свидетельствуют, что оба русских текста — переводы с разных французских списков; текст «Полярной Звезды» более соответствует французской копии III Отделения.

Письмо 14-е (стр. 41).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, с датой, без года, под № 2. Напечатано в «Полярной Звезде» под № 3, как вторая часть письма, помещенного здесь под № 9 (оно в сборнике «Запрещенных» писем имеет дату без года и № 1; возможно, что в списке, попавшем к Герцену, было помещено также рядом, но без даты и, по общности содержания, принято было за одно письмо, причем в «Полярной Звезде» есть небольшой пропуск, составляющий заключительные фразы первой части письма). Для установления года, к которому относится это письмо (кроме соображений, высказанных в примечании к нашему № 9), имеет значение фраза: «в два года, как судьба соединила нас (с Василичем) в сибирских пустынях». Василич мог поступить к Лунину в услужение только с выходом его на поселение в 1836 г. Здесь печатается по тексту «Запрещенного» сборника. Разночтения из «Полярной Звезды» позволяют заключить, что оба перевода сделаны с одного французского текста.

Можайская битва — эпизод Отечественной войны, где Лунин проявил изумительную храбрость и хладнокровие. Алкивиад—один из замечательнейших афинских государственных людей и полководцев—был в 404 году до Р. Хр. предательски убит по настоянию преследовавших его афинских властей.

Письмо 15-е (стр. 41).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, под № 15, с указанием года; напечатано в «Полярной Звезде», под № 10, с изменениями, свидетельствующими, однако, о том, что оба текста — переводы с одного недошедшего до нас французского подлинника. Здесь печатается по «Запрещенному» сборнику. Помещается раньше сентябрьского письма в соответствии с содержанием их обоих. Вряд ли могло быть написано после сентября, о чем см. в статье «Лунин в Сибири»—стр. 101.

Письмо вызвано программой деятельности министра народного просвещения, с 1833 по 1849 годы, графа С. С. Уварова, выраженной им в заявлении о том, что «последний якорь спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»—в «охранительных началах Православия, Самодержавия и Народности». Определение это, ставшее очень популярным в истории Русской общественности, впервые приведено во всеподданнейшем отчете Уварова, в декабре 1832 года, по поводу командировки его для осмотра Московского Университета и ознакомления с деятельностью его профессоров, бывших на подозрении у правительства. Потом оно часто повторялось в ежегодно публикуемых всеподданнейших докладах министра.

Письмо 16-е (стр. 43).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, под № 16, с датой, как здесь. Напечатано, под № 18, в «Пол. Звезде». Приводится по «Запрещенному» сборнику. Разночтения в «Полярной Звезде» свидетельствуют о том, что оба перевода—с одного французского подлинника.

Письмо 17-е (стр. 44).

Сохранилось в «Запрещенном» сборнике (под № 12, с датой, как здесь), откуда печатается в настоящем издании. Напечатано в «Полярной Звезде» (под № 7), откуда взяты дополнения. О том, что не могло относиться ко времени после сентября, см. в статье «Лунин в Сибири»—стр. 101.

В фразе о людях, помилованных по делу декабристов, издающих книги, которых никто не читает, и попечительствующих над школами живописи,—подразумевается Мих. Фед. Орлов. Блестящий и славный участник Отечественной войны; один из первых основателей тайных политических обществ в России; широко образованный и богато одаренный государственный деятель, последовательно и настойчиво проводивший в жизнь демократические идеи (в публичных речах и в приказах по командуемой им дивизии); по направлению ума один из самых серьезных участников литературных кружков Пушкинской эпохи; обладатель счастливой наружности, богатырь и красавец, — М. Ф. Орлов был сильно замешан в деле заговорщиков 14 декабря 1825 года. Только по отсутствию из Петербурга во время восстания он не играл первой роли в день выступления гвардейских частей против Николая Павловича: ему предназначалась должность диктатора, которая поневоле передана была кн. С. П. Трубецкому; к нему же обращались за поддержкой Петербургские заговорщики в дни междуцарствия и правительственной растерянности. И тем не менее для М. Ф. Орлова дело кончилось очень счастливо сравнительно с участью других руководителей тайного общества: он не был предан суду и, вопреки убеждению императора в его виновности, был помилован с приказанием только жить безвыездно в деревне. Вскоре это ограничение было снято, и М. Ф. Орлов поселился в Москве. Есть указания, что Николай I выделил М. Ф. Орлова из группы заговорщиков, обреченных смертной казни, с заменой вечной каторгой, вследствие настойчивых просьб его брата графа А. Ф. Орлова, которому новый император был в значительной мере обязан благополучным исходом дня 14 декабря. М. Ф. Орлов скоро занял видное положение в московских общественных кругах, примкнув к группе литераторов и мыслителей, собиравшихся между прочим у А. П. Елагиной. В 1833 году он выпустил книгу «О государственном кредите» и тогда же был избран директором Художественного класса (школа живописи и ваяния). Декабристы, в своих записках и частных письмах, неприязненно отзывались о Н. И. Тургеневе и М. Ф. Орлове—двух своих товарищах по деятельности в тайных обществах, случайно избегнувших печальной участи остальных главарей заговора, до дна испивших чашу страдания за увлечение идеей государственного переворота. Понятно отношение к ним Лунина, который не хотел воспользоваться предоставленной ему великим

князем Константином Павловичем возможностью скрыться за границу, но пошел на каторгу и оттуда продолжал обличать непорядки государственного строя, подвергаясь за это новым преследованиям.

Письмо 18-е (стр. 45).

Сохранилось в сборнике «Запрещенных» писем, под № 16, с датой, как здесь. О более точной дате см. предыдущее примечание. Напечатано в «Пол. Звезде» без даты, под № 8. Здесь печатается по первому списку, более полному. В остальном—переводы почти одинаковы.

У сестры Лунина, Екатерины Сергеевны, было два сына: Александр и Сергей. Она была с 1814 года замужем за полковником Федором Александровичем Уваровым, товарищем ее брата по Кавалергардскому полку, его большим другом, таким же, как Лунин, задирой-дуэлянтом, но без его духовной одаренности и рыцарственности. Судьба Уварова была странная. Он участвовал во всех Наполеоновских войнах, проявлял выдающуюся храбрость, был ранен при Бородине, в 1816 году вышел в отставку «за ранами» и в звании камергера проживал в деревне, занимаясь хозяйством и промышленностью. Уваров был человек умный, образованный, знал новые европейские языки, имел хорошую библиотеку. Как помещик, оставил по себе плохую память, но хозяин был хороший. Был хлебосол—довольно странного свойства. Денис Вас. Давыдов, сам человек с репутацией забияки, говорил про него князю П. А. Вяземскому: «бедовый он человек с приглашениями своими, так и слышишь в приглашении его: покорнейше прошу вас пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте драться со мною на шести шагах расстояния». И жизнь Уварова окончилась странно: в 1827 году он в один день вышел из дому и к семье не возвращался. Есть разные догадки о судьбе Ф. А. Уварова: то он будто уехал в Америку, где его навещала жена, то будто был в Сибири под видом старца Даниила, по официальным данным считался утонувшим в Неве бесследно. Князь П. А. Вяземский говорит, что никакой особенной причины к исчезновению Уварова в обществе придумать не могли. В переписке столичных почт-директоров, братьев Булгаковых, по свойству своих должностей и по личным связям знавших многое тайное из жизни высших дворянских кругов того времени, так сообщается про исчезновение Уварова: «стоило ли труда заварить кашу, начать процесс, и от того только, что велено ему дать законный ход, посягнуть на себя. Своим гнусным концом он завершает мнение, которое должно иметь об его нравственности. Жил, поступал дурно, а умер еще хуже».—Упоминаемый здесь процесс—дело о наследстве М. С. Лунина после осужденя его (см. «Завещание»). В другой раз А. Булгаков писал брату: «А Уварова тела таки не нашли. Положение его жены странно: вдова и не вдова». Сама Е. С. Уварова упоминает про мужа, как про утопленника, в письмах к Бенкендорфу в связи с хлопотами за брата.

В письме к Бенкендорфу от 19 марта 1832 года, наряду с просьбами об улучшении участи брата, Е. С. Уварова ходатайствовала также о принятии одного из ее сыновей в Пажеский корпус. От имени царя Бенкендорф ответил, что сын Уваровой по летам своим не может уже поступить в Пажеский корпус,

а должен быть определен в Школу гвардейских подпрапорщиков. О военной службе племянника Лунин упоминает также в письме от 9 июня 1838 года. Из писем Е. С. Уваровой видно, что почти ежегодно летом, после 1832 года. она ездила с сыновьями за границу. Сын старшего ее сына, о котором говорится в настоящем письме Лунина,—М. С. Уваров был врачом и умер в 1903 году, а дочери второго сына Александра еще в начале текущего столетия жили за границею.

Победитель Эриванский—граф И. Ф. Паскевич.

Verbum sapienti—по-латински: слово [предоставим] мудрому, благоразумному.

Письмо 19-е (стр. 45).

Сохранился французский подлинник этого письма—в деле III Отделения о Лунине. В бумагах Шильдера есть французский список его, с разночтениями, хотя и незначительными, но свидетельствующими о том, что письмо это распространялось в публике в разных редакциях, очевидно, исходивших от самого автора. В тетради Громницкого имеется русский перевод (под № 1), с некоторыми отступлениями от французского текста. В «Полярной Звезде» напечатан (под № 1) перевод, более соответствующий французскому подлиннику. Здесь печатается с подлинника, с использованием обоих упомянутых переводов. Все дошедшие до нас редакции письма имеют полную дату, приведенную и здесь (в подлиннике она—в конце письма).

В тетради Громницкого (о ней см. в статье «Лунин в Сибири») письма помещены под номерами по порядку от 1 до 10 включительно с небольшим отступлением от порядка по времени написания. Вот порядок размещения их в настоящем издании (в скобках наши номера, перед скобками номера Громницкого)—1 (19), 2 (20), 3 (21), 4 (22), 5 (23), 6 (24), 7 (26), 8 (25), 9 (27), 10 (28).

Письмо 20-е (стр. 46).

Сохранилось во французском подлиннике (с полной датой и под № 1, как здесь) при деле III Отделения и, следовательно, не было отдано Е. С. Уваровой. В бумагах Шильдера имеется (под № 2) французская копия с незначительными разночтениями. В тетради Громницкого русский перевод также помечен № 2. В «Полярной Звезде», под № 2, напечатан другой перевод. Оба перевода не соответствуют вполне французскому подлиннику, но дополняют один другой. В собственноручном перечне Лунин так отметил это письмо: «Ссылка 27—15 сентября 1839, № 1. И письмо к шефу жандармов». В копии Шильдера оно помечено 15 сентября 1839 года, у Громницкого—27—15 сентября 1839 года, в «Полярной Звезде», как и все письма, без даты. Здесь печатается с подлинника, с использованием обоих старых переводов.

Упоминаемое в письме закрытие Киевского (св. Владимира) Университета состоялось в марте 1839 года (по указу 9 января) в виду обнаружения среди его студентов тайного общества, связанного с известным польским заговором С. Конарского (казнен 15 февраля 1839 года). По этому делу по-

страдало около 40 студентов, причем 10 человек были отданы в солдаты, а один служащий университета был подвергнут наказанию шпицрутенами через 500 человек. Студенческая масса была рассеяна по всей России—по другим университетам и на казенную службу. Профессора-поляки переведены в великорусские университеты или уволены от службы. Хотя Университет указом 9 января был закрыт до января 1840 года, но в конце апреля был дан на имя министра С. С. Уварова новый указ—о возобновлении в Киевском университете занятий с осени 1839 года. Что касается Дерптского Университета, то Петербургское правительство часто высказывало недовольство по поводу его сепаратистских стремлений, и он подвергался многим запретительным мерам, носившим характер насильственной руссификации. Особенно много шума вызвало опубликование в немецкой печати (которая получалась декабристами в Сибири) одного секретного доклада министра о мерах к «сближению» жителей Остзейских провинций «в характере и обычаях с коренными русскими».

Письмо 21-е (стр. 47).

Печатается *впервые*. Сохранилось: в русской записи Громницкого, под № 3, с полной датой; в бумагах Шильдера—в русском списке, без №, с полной датой, и во французском списке, под № 3, без даты, с заголовком: Les esclaves (рабы). В собственноручном перечне писем Лунина (стр. 150 его Записной книжки) сказано: Exil. 10 nov.—29 oct. 1839. № 3. Les esclaves (Ссылка 10 ноября—29 октября 1839 г. № 3. Рабы). Здесь печатается по списку Громницкого. Отличия других редакций—самые незначительные.

Государственный сановник, о котором говорится в третьем абзаце с конца (стр. 50),—М. М. Сперанский.

Письмо 22-е (стр. 51).

Печатается *впервые*. Сохранилось в тетради Громницкого, под № 4, с полной датой. В такой же редакции (но без последнего абзаца) имеется в русском списке в бумагах Шильдера, без №, с датой: 17 ноября 1839. Там же имеется во французском списке, под № 4, с датой: 17 avril 1839, причем весь текст соответствует переводу Громницкого. В собственноручном перечне Лунина это письмо обозначено так: Exil. 17—5 nov. 1839. № 4. Les Polonais (Ссылка. 17—5 ноября 1839. № 4. Поляки). Заглавие: Les Polonais—имеется и во французском списке Шильдера. Печатается по списку Громницкого. В герценовском «Колоколе», 1859 г., № 36, от 15 февраля, стр. 293—294, есть статья «Из воспоминаний о Лунине», без подписи. В редакционной выноске к этой статье читаем: «Бесконечно благодарим мы приславшего нам эту статью. На его вопрос, не знаем ли мы брошюру, напечатанную в Англии или в Америке, о которой он говорит, мы должны отвечать отрицательно. У нас есть письма Лунина к сестре на французском языке и статьи: «Coup d'œil sur les affaires de Pologne, 1840», и «Aperçu sur la société occulte en Russie, 1816—1821». Возможно, что статья о Польских делах и есть настоящее письмо. Повидимому, ошибочно со-

ставлено по этой заметке библиографическое указание в сборнике В. Л. Бурцева «За сто лет», Лондон 1897, ч. II, стр. 27, о брошюре «Coup d'œil...», но уже с датой Paris 1841.

Фельдмаршал, о котором говорится на стр. 52 внизу—граф И. И. Дибич.

Письмо 23-е (стр. 54).

Печатается *впервые*. Сохранилось в приведенном здесь французском отрывке в подлинной записи автора (Записная книжка, стр. 89) с датой в скобках. Текст совпадает, кроме одного слова, с сохранившимся в бумагах Шильдера французским списком распространенного из нашего отрывка письма (под № 5, без даты), которое соответствует русскому переводу в тетради Громницкого (под № 5, с полной датой). Последний печатается здесь. В бумагах Шильдера есть еще русский список, без №, с датой: 3 декабря 1839, содержащий несколько отдельных фраз из разных мест перевода Громницкого. В собственноручном перечне «Сибирских писем» Лунин отметил это письмо так: «Ссылка 3 декабря—21 ноября 1839 г. № 5. Ссылка».

Письмо 24-е (стр. 55).

Печатается *впервые*. Сохранилось в тетради Громницкого (№ 6, с полной датой), в бумагах Шильдера по-французски (с датой—15 décembre 1839)—в соответствии с переводом Громницкого, и по-русски (с датой—27 декабря 1839)—сходно с текстом Громницкого, но не полностью, а в отрывках. В собственноручном перечне писем Лунин отмечает: Exil. 2—15 déc. 1839, № 6, le procès (ссылка, 2—15 декабря 1839, № 6, процесс). Слова в круглых скобках так и записаны у Громницкого, во французском списке они приведены в скобках же, но по-русски. См. ниже—о завещании Лунина.

Письмо 25-е (стр. 56).

Печатается *впервые*. Сохранилось в русской записи Громницкого, под № 8, с полной датой; имеется еще во французском списке в бумагах Шильдера, под № 8, с датой—20 décembre et 9 janvier 1840. Текст обоих списков совпадает, только во французском обращение другое—моя добрая, дорогая, и есть заключительная фраза, отсутствующая у Громницкого. В собственноручном перечне Лунина значится: Exil 1 janv. 1840, 20 déc. 1839. № 8. Lœtus (Ссылка и т. д.). Летус—имя собаки (по-латыни—радостный, веселый).

Письмо 26-е (стр. 57).

Печатается *впервые*. Сохранилось у Громницкого (под № 7, с полной датой), у Шильдера по-французски (под № 7 с датой—19 déc. 1839) с текстом, соответствующим переводу Громницкого, и по-русски (с датой—3 января 1840) в отрывках, в переводе, совпадающем с переводом Громницкого. В собственноручном перечне значится: Exil. 3 janvier 1840, 22 décembre 1839. № 7 (слово нрзбр.). Pestel.

Товарищ, о котором говорится в начале письма,—П. И. Пестель (упоминаемый и в перечне в связи с этим письмом). К его конституции («Русская Правда») относится приведенная Луниным выдержка из «Донесения Следственной Комиссии».

Письмо 27-е (стр. 58).

Напечатано в сборнике изв. немецкого исследователя русской истории начала 19-го века Ф. Ф. Шимана—«К истории царствования Павла I и Николая I. Новые материалы издал Ф. Ф. Шиман. Берлин 1902» (2-е издание, 1906): по-русски (стр. 386) и в немецком переводе (стр. 234), с датой—19 января 1840. Сохранилось в русской записи Громницкого, под № 9, с полной датой, и в русском списке у Шильдера с датой—19 января 1840. Русский текст совпадает во всех трех списках, только у Шимана есть фраза, отмеченная мною в выноске и не соответствующая смыслу остального текста. Любопытно, что этой фразы нет и у Шильдера, список которого по дате и по мелким опискам совпадает с текстом Шимана.

Помещенное в письме стихотворение С. И. Муравьева-Апостола приводится в записках некоторых декабристов и в статьях о Муравьеве еще с 50-х годов—по-русски в разных редакциях, по-французски—в одной. Приведу здесь французский текст стихотворения—из «Полярной Звезды» на 1859 год, книга 5-я, Лондон 1859, стр. 73, где оно помещено в одном из примечаний к статье «Разбор донесения Тайной Следственной Комиссии в 1826 году»:

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'aie connu.
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu.

Брат автора стихотворения, М. И. Муравьев-Апостол (См. его «Воспоминания и письма», изд-во «Былое», под редакцией и с примечаниями С. Я. Штрайха, П. 1922), исправляет четвертую строку так: «Ce n'est qu'au bout de ma carrière». Декабрист А. Е. Розен, в своих воспоминаниях, основанных на личных сведениях и строго проверенных сообщениях товарищей, сообщает о происхождении этого стихотворения: «Для отечества он [С. И. М.-А.] готов был жертвовать всем; новое еще казалось до такой степени отдаленным для него, что он иногда терял терпение; в такую минуту он однажды на стене Киевского монастыря карандашом выразил свое чувство. В. Н. Лихарев [декабрист] открыл эту надпись». В других источниках сообщается, что стихотворение написано С. И. Муравьевым-Апостолом в Каменке (имение декабриста В. Л. Давыдова, в Киевской губернии, где бывали с'езды заговорщиков) в 1823 году.

Письмо 28-е (стр. 59).

Печатается *впервые*. Сохранилось в русской записи Громницкого, под № 10, с полной датой, во французском списке в бумагах Шильдера, под № 9, с датой—10 janv. 1840. Текст в обоих списках совпадает. В собственноручном перечне Лунина к этому письму относится заметка: «Exil 10—22 janv. 1840. № 9. Renonc. à écrire + ave Maria gratiaplena».

Разрешение Бенкендорфа Лунину возобновить переписку с сестрою было послано через генерал-губернатора Восточной Сибири 28 октября 1839 года. В отношении Бенкендорфа предложено «строго подтвердить ему [Лунину], дабы он впредь отнюдь не осмеливался в письмах своих употреблять непозволительных и даже не свойственных в положении его суждений о предметах, кои до него ни в каком случае относиться не могут».

Письмо 29-е (стр. 59).

Сохранилось в «Запрещенной» тетради, под № 11, с датой, без года. Напечатано в «Полярной Звезде», без даты, под № 16, по другому списку, с пропуском нескольких фраз и отдельных слов. Год можно установить по одной заметке Лунина в его Записной книжке, где сохранилось много черновиков других его писем к сестре, использованных в настоящем издании. На стр. 90 названной книжки, среди различных французских записей (1840 года) религиозно-исторического содержания, как совершенно случайная заметка, имеется такая фраза: «1840. Mai 25, matin. Warka est perdu. On le cherche en vain» (1840, 25 мая, утро. Варка исчезла. Ее тщетно ищут). Радостно отмечает он дальше, что собака отыскалась. Конечно, письмо это не может относиться ко времени после 1840 года, так как в мае 1841 года Лунин был уже в Акатуе, а «Запрещенная» тетрадь с апреля этого года находилась в Петербурге, в III Отделении.

Письмо 30-е (стр. 60).

Напечатано в «Полярной Звезде» последним, под № 19, без даты, которую определить трудно. Однако, из содержания видно, что написано не позднее марта 1841 года. В других списках не сохранилось. Отсутствие точной даты заставляет отнести это письмо в конец группы Сибирских писем, для которых оно и по содержанию является прекрасным заключением.

Из помещенных здесь тридцати писем—впервые печатаются девять, кроме них, еще одно в примечании к письму четвертому; из остальных печатаются в исправленном виде по собственноручной записи автора—шесть, исправленных по авторизованным спискам—четырнадцать (и предисловие). По размеру вновь публикуемые письма составляют почти половину всего текста. Из публикуемых впервые—два печатаются с подлинников, шесть по списку Громницкого, одно по копии III Отделения. Из всех 30-ти писем были напечатаны раньше—в «Пол. Звезде» 20 (по нумерации Герцена 19), в сборнике Шимана—1.

„Взгляд на тайное общество“ (стр. 61).

Сохранилось в собственноручном французском подлиннике в деле Лунина под заглавием: «Aperçu sur la Société occulte de Russie, dans l'intervalle des années 1816 et 1826». Там же имеется русский перевод, выполненный при участии самого Лунина. Перевод, под заглавием, приведенным в настоящем издании, записан на 18 страницах тетрадки (из обычного писчего листа, сложенного вчетверо) неизвестным почерком, очень плохим, но довольно четким. В той же тетрадке на следующих 16 страницах списан «Розыск исторический» (см. ниже), который начинался даже на последней, 18-й странице «Взгляда», непосредственно за его последней строкой, но затем перенесен был на новую, 19-ю, страницу. В «Полярной Звезде» на 1859 год, книга 5-я, Лондон, 1859, стр. 231—237, напечатан другой перевод этого очерка, под заглавием «Взгляд на тайное общество в России (1816—1826)», с примечанием редакции, в котором сказано: «статья эта, переведенная нами с французского, получена позже помещенного нами «Разбора донесения». Кому принадлежит перевод, напечатанный в «Полярной Звезде», точно не установлено, но из письма А. И. Герцена к известному литератору 40-х годов Н. А. Мельгунову (Сочинения Герцена, т. 9, стр. 514, Пет. 1919) от 22 февраля 1859 года можно заключить, как то предполагает и редактор сочинений Герцена М. К. Лемке, что перевод выполнен Мельгуновым. Вот соответственная фраза из письма Герцена: «Лунин — один из тончайших умов и деликатнейших, а потому рекомендую тебе обратить страшное внимание на слог». К «Письмам» это не может относиться, так как они напечатаны в 6-й книге «Пол. Звезды» на 1861 год и перевод их в значительной части дословно совпадает с переводом, сохранившимся в деле Лунина (см. примечания к Письмам). Однако, еще 15 февраля 1859 года (см. примечание к письму 22-му) в «Колоколе» сообщалось, что редакция его получила «Письма» и «Взгляд», но при этом не упоминается «Разбор», о котором в «Полярной Звезде» говорится, что он получен раньше «Взгляда». Где-то здесь разноречие. Перевод «Взгляда» из «Полярной Звезды» был распространен в России и за границей, в печатном и рукописном виде. Он отличается от перевода, сохранившегося в «деле» Лунина, который печатается в настоящем издании, причем отличия эти в большинстве случаев— чисто стилистические. Немногие из них—важные по содержанию — отмечены в выносках под текстом, где оговорены также разночтения переводов и французского подлинника. Последний носит следы тщательной авторской обработки, изобилует поправками, вставками, фразами, написанными на выскобленном тексте, и т. п. Здесь принята окончательная редакция, так как зачеркнутые места представляют собою только переделку надписанного. Подробнее о происхождении очерка, об его списках и дальнейшей их судьбе,—в статье «Лунин в Сибири» (см. стр. 107—110). Написан очерк во всяком случае, до 1838 г.— сравнить показание Лунина от 19 апреля 1841 года и рассказ П. Ф. Громницкого в названной статье (стр. 106).

Союз Рюнимедский, о котором говорится в самом начале очерка,—договор, заключенный в июне 1215 года английским королем Иоанном Безземельным с восставшими против него баронами. Составленная между 15 и 19 июня 1215 г. в Рённемеде, близ Виндзора, Великая Хартия Вольностей—основа английской конституции.

„Разбор Донесения" (стр. 67).

Сохранилось в собственноручном английском подлиннике Лунина в его «деле», под загл.: «Review of the Report, presented to the Emperor of Russia, by the privy Commission, in 1826». Там же сохранился список русского перевода, выполненного при участии автора, под заглавием: «Разбор донесения тайной следственной комиссии Государю Императору в 1826 году». Список, повидимому, руки декабриста П. Ф. Громницкого (см. статью «Лунин в Сибири», стр. 106)). Это почти полный перевод английской рукописи, с небольшими отступлениями, отмеченными здесь в подстрочных выносках к тексту. В английском подлиннике, вслед за текстом, занимающим в рукописи Лунина 28 страниц (тетрадки обычного писчего листа в $^1/_8$), помещены примечания автора, занимающие одну страницу, более убористого письма. Но в русском переводе, в «деле» Лунина, эти примечания помещены в распространенном виде, по об'ему значительно превышая подлинные. В таком виде — «Разбор» напечатан в «Полярной Звезде» на 1859 год, книга 5-я, Лондон 1859, стр. 53—65 (текст) и 66—73 (примечания), под след. заглавием: «Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 году Никиты Муравьева». К последнему слову, под звездочкой, сделана такая выноска: «Другими эта превосходная статья приписывается Лунину». В выноске под текстом напечатанного в той же книжке «Полярной Звезды» «Взгляда» (см. выше), на стр. 231, сказано: «Статья эта... получена нами после «Разбора»... очевидно, опровергает мнение, что «Разбор» был писан Луниным». А в конце книжки, на стр. 299, в общих примечаниях редакции, читаем: «Мы снова получили «Разбор следственной комиссии», и в записке, приложенной к ней, снова говорится, что она писана М. С. Луниным, а примечания Н. М. Муравьевым». В 1863 году Герцен выпустил в Лондоне общий второй и третий выпуск «Записок декабристов», где на стр. 101—136 воспроизведен весь текст «Разбора» и примечаний — из «Полярной Звезды», под таким заглавием: «Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826, Никиты Муравьева и Лунина». Много раз после того «Разбор» перепечатывался разными издателями с заглавием и редакционной выноской то из «Пол. Звезды», то из «Записок декабристов». Принадлежность «Разбора» и кратких примечаний перу Лунина устанавливается как самым английским подлинником, так и указаниями в «деле» Лунина (см. статью «Лунин в Сибири»). Что касается пространных примечаний к «Разбору», то принадлежность их перу Никиты Муравьева устанавливается не только приведенными выше выносками Герцена (в «Полярной Звезде») и заглавием (в «Записках декабристов»), но и самым содержанием примечаний. В них очень подробно, с полным научным аппаратом, разработаны намеки Лунина на события из русской истории в примечаниях его под литерами f, i и др. Известно, что Никита Муравьев особенно интересовался русской историей, в частности военной, и что Н. М. Карамзин относился с уважением к его познаниям в этой области (подробнее о научно-исторических занятиях Н. М. Муравьева—в примечаниях к Запискам его брата Александра, изд-во «Былое», под ред. С. Я. Штрайха, П. 1922). Когда писался «Разбор», Никита Муравьев жил в том же селении Урик, близ

Иркутска, где жил и его двоюродный брат Лунин. Братья Муравьевы и Лунин в долгих беседах обменивались воспоминаниями о тайном обществе (на сходство некоторых мест из «Взгляда» Лунина с отрывками из «Записок» А. М. Муравьева указано в предисловии к этим запискам в названном издании «Былого»), и возможно, что Никита Муравьев подробнее развил исторические намеки в кратких примечаниях Лунина. В связи с обысками у Лунина по поводу его Сибирских писем и статей была тревога в доме Н. Муравьева, который жег какие-то свои бумаги. Но ни в «деле» Лунина, ни в «деле» братьев А. и Н. Муравьевых нет прямых указаний на интерес жандармов к вопросу о прикосновенности Никиты Муравьева к сочинениям Лунина. Что касается исторических взглядов Лунина, то они подробнее, чем в его примечаниях, изложены в «Розыске историческом». Английский подлинник «Разбора» испещрен помарками и поправками автора, свидетельствующими о тщательной обработке очерка. Для настоящего издания использован старый перевод, а в подстрочных выносках к тексту оговорены дополнения по англ. подлиннику и наиболее существенные разночтения. Сообщения разных авторов о том, что «Взгляд» или «Разбор» были напечатаны по-английски в Нью-Йорке или в Англии, повидимому, недостоверны. Нет ни одного точного указания на существование таких изданий. Декабрист П. Н. Свистунов установил происхождение этих слухов в русской подцензурной печати из ошибочного сообщения декабриста М. А. Бестужева редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому.

„Розыск исторический" (стр. 78).

Печатается *впервые* по списку, сохранившемуся в «деле» Лунина, в той же тетради и тем же почерком, что и «Взгляд на тайное общество» (стр. 19—34). Кроме «Розыска», историко-политические взгляды Лунина изложены им в некоторых «Письмах из Сибири», а также во французском очерке «Etudes historiques. № 4», сохранившемся в «деле» в подлинной рукописи автора (о нем в статье «Лунин в Сибири»). Как определил Дубельт содержание этого очерка, в нем «описаны гонения, понесенные великими мужьями Греции за любовь их к отечеству». Это ряд выписок из Фукидида и других авторов о том, как Солон, Аристид, Фемистокл, Алкивиад и другие мужи древности оставались в изгнании верны настоящим интересам родины, причем выписки снабжены рассуждениями Лунина применительно к положению ссыльных декабристов. Рассуждения эти сгруппированы в конце «Исторических этюдов» и приводятся здесь в переводе.

„Изгнание не клало предела деятельности этих передовых людей и не порывало нитей их отношений и их долга. Одни оказали выдающиеся услуги своей стране, защищая ее политические интересы; другие содействовали умственному развитию Греции; все доказали справедливость выдвинутых ими принципов своим личным поведением.

Постигшие их преследования не происходили ни от неблагодарности народов, ни от несправедливости правительств, как хотели уверить *крикуны*. Эти преследования в действительности лишь

условие, присущее проявлению Истины. Если человек идет на смерть за принцип, это значит, что принцип бессмертен. Те, чье призвание вводить существенные изменения в социальный строй и в жизнь народов, должны даже тогда, когда их усилия увенчиваются успехом, быть готовы к сильному противодействию со стороны тех, чьи привычки, наклонности, убеждения и часто минутные интересы они нарушают тем, что опережают идеи своей эпохи.

Изгнание, которое есть один из видов этого противодействия, всегда свидетельствовало о высоких способностях тех, кто ему подвергался. Есть люди, которых достаточно лишить их почести, чтобы показать их ничтожность; есть другие, которых приходится ссылать. Из всех людей, о которых мы говорили, ни один не подвергся изгнанию за то, что он сделал или хотел сделать, но скорее за то, чего он никогда не делал и не думал делать.

Память об этих людях пережила *крушение* веков, не столько благодаря делам, совершенным ими, сколько благодаря принципам, которые они провозгласили и которые были передовыми для их эпохи.

Во всех странах, во все времена, при всех формах правления, массы управляются небольшой группой; все зависит от того, каким образом составляется и пополняется эта группа.

Когда случай [было: наследственность] или личная воля решает в этом важном вопросе, — народы живут и умирают в забвении. Почему Персидское царство исчезло, не оставив следов в истории, тогда как греческие республики сияют как звезды в ночи минувшего?"

Письмо к Ипп. Оже (стр. 84).

Напечатано в «Русском Архиве», 1877, № 5, стр. 59, в «Записках» Ипполита Оже, в значительной степени посвященных воспоминаниям о Лунине в годы после Отечественной войны и до учреждения Тайного Общества.

„Духовное завещание" (стр. 85).

Печатается по тексту, опубликованному В. А. Бильбасовым в «Архиве графов Мордвиновых», П. 1902, т. 6, стр. 255—259, с поправкой по тексту, напечатанному Н. А. Мурзановым в «Рус. Старине», 1914, № 3, стр. 606—618. «Завещание» представляет документ огромной важности для выяснения социально-политических взглядов Лунина в бытность его членом тайного общества, а разыгравшиеся вокруг «Завещания» страсти дают любопытную картину петербургского и московского общества после осуждения декабристов. Свидетелями к завещанию были священник Н. Петров, П. С. Полуденский (сенатор, отец библиографа), декабрист Н. М. Муравьев, чиновник Ф. П. Ильин. Н. А. Лунин, в пользу которого сделано завещание, род. 1789 г., умер 1848 г. в звании шталмейстера и чине тайного советника. После осуждения М. С. Лунина и лишения его гражданских прав Н. А. Лунин возбудил

в Московском Опекунском Совете ходатайство об утверждении в правах наследства. Опекунский совет переслал дело в Губернское правление для исполнения. Но в дело вмешалась сестра Лунина, Е. С. Уварова, подавшая 9 декабря 1826 года в Губернское правление просьбу о выдаче ей копии с духовной М. С. Лунина и о приостановлении распоряжения по этому акту.

Трудно было бы понять, как могла Е. С. Уварова, сильно любившая Лунина и знавшая истинную цель его завещания, так решительно и упорно противодействовать его воле, если бы не сохранились письма А. Я. Булгакова к брату, свидетельствующие о том, что направляющая роль в деле принадлежала мужу ее, Федору Александровичу Уварову (о нем—в примечании к письму 18-му). В этих письмах—данные для характеристики М. С. Лунина.

«Приехал Лунин,—пишет А. Я. Булгаков из Москвы 29 ноября 1826 года брату К. Я. в Петербург,—который очень тебе кланяется. Он теперь находится в странном положении. Брат его двоюродный, Михаил Лунин, приговоренный к каторжной работе, сделал еще в 1819 году завещание, по коему назначает сестре своей, что за Уваровым-черным, по 10.000 р. в год доходу, да по 10.000 же на заведение и содержание богадельни в имении своем; остальное же все свое имение отдает (яко бездетный) брату своему Николаю Александровичу с некоторыми условиями. Уезжая в ссылку, он писал управляющему: все собираемые доходы вносить в Воспитательный Дом, половину бумажками, половину золотом, впредь до какого-либо нового помещения; во всех особо важных случаях требовать разрешения брата Н. А. Как сослали Михайлу, Уваров поскакал в Тамбов и ввел себя по доверенности жены (а ссылаемого сестры) во владение всего имения, хотя управляющий об'явил ему, что доходы имеют поступить в Воспитательный Дом. По приказанию Михайлы Лунина (прибегать в важных случаях к Н. А.), управляющий ему написал, требуя наставления, что ему делать. Теперь является духовная, о которой я тебе выше писал. Она послана к императрице Марии Феодоровне. Между тем, Уваров, которому надобно бы сердиться на шурина своего, весь свой гнев обратил на нашего Н. А.

Я читал последнее письмо несчастного брата к нему, он именно говорит: Уварову что ни дай, он все проживет; имение мое было в твоих руках, я спокоен и уверен, что благосостояние моих крестьян навсегда упрочится и что ты исполнишь мои предначертания и пр. Теперь бедный Лунин очутился с процессом на руках. Я тебе это сообщаю для того, чтоб ты на всякий случай, если бы речь случилась в Петербурге, знал истинное положение дела сего. Уваров верно будет кричать и чернить Лунина, а он совершенно тут невинен».

3 декабря тот же Булгаков писал брату: «В дело Лунина вступился, яко посредник, Кушников [С. С., сенатор Московских департаментов]. Он советовал Уварову, прежде нежели тягаться, об'ясниться с Луниным, чтоб узнать все лучше и образ его мыслей; но тот довольно глупо отвечал: У меня нет никаких сношений с Н. А. [Луниным].—Да, они могли не быть, но будут теперь, как скоро вы дело начали.—Да, я начал, потому что честь моей жены компрометирована.—Почему? Чем?—Как же ввести себя во владение, не узнавши, по крайней мере, в чем заключается завещание шурина? Ежели

оно незаконно, то оспаривай его тогда; хуже же будет, как выведут из владения».

Тем временем от имени Е. С. Уваровой поступила в Московское Губернское правление упомянутая жалоба от 9 декабря. В жалобе, между прочим, писалось: «Родной брат мой, бывший подполковник М. С. Лунин, в числе прочих государственных преступников, осужден к лишению чинов, дворянства, к ссылке в каторжную работу на 15 лет, а потом на поселение. После брата осталось родовое недвижимое имение Тамбовской и Саратовской губ. По определению суда ввели меня на законном основании во владение оным без всякого с чьей-либо стороны спора. Ныне же сделалось известным мне, что духовное завещание, в 1819 г. сделанное помянутым несчастным братом моим, препровождено к надлежащему распоряжению по законам». Заявляя, что она желает оспаривать завещание, для чего просит копию его, Е. С. Уварова пишет: «Несчастный брат мой, хотя подвержен осуждению в 1826 году, но в донесении следственной Комиссии обнаружено, что Михайла Лунин находился уже в феврале 1817 года в числе составлявших первое тайное общество. Следовательно, состав духовного завещания... произведен в то время, когда он... сближался к цели исполнения государственного преступления... Из сего проистекает неоспоримо, что он был одним и тем же преступником в 1817 году, только втайне, и не был осужден к политической смерти... Будучи же преступником, он лишен был всякого права распоряжать имением своим... Начало всякого рода преступления исчисляется от периода возрождения оного, а не от времени раскрытия чрез разнообразные последствия... Прошу приостановиться распоряжением по упомянутому духовному завещанию, тем паче, что достижение слуха до крестьян брата моего, ныне во владении моем состоящих, о той свободе, которую будто бы желали предоставить им, неизбежно возродит между ними неповиновение, безначалие и, может быть, самое буйство к истреблению на важную сумму находящихся в том имении, как хозяйственных заведений, так и разного рода хлеба...»

В это самое время Булгаков писал (от 15 декабря) брату: «Вот и Лунин... долго просидит. Ему этот черный Уваров делает каверзы. Я советую Лунину прямо писать к государю, все дело об'яснить и сделать государя самого судьею в столь щекотливом деле. Уваров не может уничтожить завещание шурина своего и потому кричит, что свидетелем в завещании каторжник Никита Муравьев и что лишает он [М. С. Лунин] имения сестру, чтоб отдать Лунину [Н. А.] и пр., что завещание сделано в 1819 году. С того времени наш Лунин [Н. А.] с тем ни разу не встречался даже. В завещании сказано, сделать все с утверждения правительства; ежели вздор, то правительство не утверждай, да зачем марать невинного? Толкуют, что тут разумеют право возмутителей (в 1819 г.). Лунина все это мучает, да и неприятно. Уваров подавал прошение Голицыну [Московскому генерал-губернатору]. Я советую Лунину просить аудиенцию у князя [Голицына], которую он и получит послезавтра, может все об'яснить князю и показать оригинальные бумаги. Лунин давно уже сказал Кушникову: я не хочу братнина имения, я имею свое состояние, но против совести моей было бы не исполнить волю несчастного; мне разные пансионы, учреждения, школы и пр., а с остальными пусть делают,

что хотят; мне ничего не надобно. Уваров подсылает мириться на 200.000, но подло бы было Лунину принять такие предложения.

Я прочитывал все письма того Лунина [М. С.] к этому, но не нашел ни одной фразы, ни одного выражения, которые бы доказывали товарищество в политических видах, а все заключалось в том, что Мих. Лунин почитал Уварова весьма худым хозяином, угнетающим своих крестьян, а потому, в случае своей смерти, отдавал имение свое Н. Лунину, с тем, чтобы он сделал мужиков вольными хлебопашцами...»

Н. А. Лунин послушался Булгакова, был у князя Голицына, и Булгаков 20 декабря сообщал брату: «Лунин был у князя Дм. Вл., все ему об'яснил и жаловался на губернатора [Московского], который, Бог знает почему, не дал завещанию законного хода, удержав у себя, когда должен был препроводить в суд, который или утвердит или не утвердит завещания. Князь сознался, что все завещание писано в духе самом благотворительном.—Зачем же мешают мне исполнить волю завещателя?—говорит Лунин,—тем более, что я ничего не хочу для себя лично, но хочу, чтоб награждены были все лица по воле завещателя... Лунин очень просил меня извещать тебя [К. Я. Булгаков был Петербургским почт-директором и по связам своим мог влиять на властей в Петербурге, как брат его в Москве] обо всем; не равно будет об этом речь у вас, так чтобы не стали толковать, как и здесь иные толкуют, что Мих. Серг. Лунин бунтовщик, что он предоставляет дать крестьянам свободу на правилах, завещателем Николаю Лунину внушенных, выпуская фразу: на законном основании, с одобрения правительства. Бунтовщик, говорят, может внушать правила только бунтовщические...»

А. Булгаков работал усердно для осуществления воли бунтовщика. На другой день он писал брату: «Заехал я к Шафонскому. Он того мнения, что духовную Лунина невозможно уничтожить, но что Губернское правление, видя акт, сделанный человеком, который уже в 1819 году принадлежал к тайному обществу, взяло на себя остановить законный ход всех завещаний и испросить разрешения высшего начальства. Все послано к князю Лобанову, яко министру юстиции... Сделай милость, повидайся с Журавлевым и попроси его замолвить слово Лобанову или кому надобно будет».

Воздействие с разных сторон на Московское Губернское правление привело к тому, что оно, считая себя обязанным представить духовное завещание М. С. Лунина на утверждение, передало всетаки дело министру юстиции для испрошения высочайшего разрешения по этому вопросу, так как в связи с поступившими жалобами усмотрело в завещании некоторые распоряжения, нарушающие существующий порядок. Пока велась вся эта официальная и частная переписка, Лунин сидел в Петропавловской и Выборгской крепостях, теряя от скорбута зубы, наживая от сырости всякие болезни и ожидая отсылки на каторгу.

Меж тем, как одни родственники честили его в своих прошениях, чтобы уничтожить его завещание,—другие бранили его не менее рьяно, чтобы получить возможность исполнить его волю. Так, 23 декабря 1826 года А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «Прочти, любезный друг, письмо, которое Лунин [Н. А.] пишет князю Дм. Вл. [Голицыну, для пересылки к министру юстиции].

Последние два периода я прибавил к этому письму. Надобно было Лунину показать гласно свои чувства и образ мыслей на счет брата, а то дружба их давала повод к толкам.

Я перечитывал все оригинальные письма ссылочного к Н. А. [Лунину], и ежели судить о человеке по этим письмам, то тот Лунин [М. С.] самый добродетельный человек. Везде говорит, что желает не умножения доходов своих, но благосостояния своих крестьян; везде видно попечение о них. Право, непостижимо, как человек с таким сердцем мог участвовать в адском заговоре; но верно то, что он скрывал все от брата; во всех письмах нет слова сомнительного. Все они наполнены хозяйством и экономическими распоряжениями. Видно его усердие к службе». Чтобы помочь Н. А. Лунину исполнить волю брата-декабриста, Булгаков к его письму на имя Голицына приписал следующие «два периода». «Всему свету известно преступление брата моего, обратив на него справедливую строгость законов... Нужно ли было еще изыскивать новые средства для посрамления памяти человека уже несчастного и от отечества пятном неизгладимым отлученного, стараясь толковать ко вреду его акт... в коем все постановления основаны на желании сделать добро и утвердить... благосостояние всех его крепостных людей».

28 декабря 1826 года министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский представил государю доклад, в котором доказывал, что Лунин имел право передать имение родственнику, но не имел права уничтожить в своем имении крепостное право на крестьян, тем более без наделения крестьян землею и с оставлением их на помещичьей земле со всегдашнею обязанностью доставлять помещику доходы. «Впрочем», Лобанов предлагал царю передать дело в «надлежащее присутственное место для поступления по законам». Николай Павлович согласился с этим, и министр предписал московскому прокурору наблюдать за скорейшим окончанием дела. Московское Губернское правление поспешило сплавить неприятное дело и отправило его в Кирсановский уездный суд по месту нахождения тамбовских имений Лунина.

В конце концов, дело перешло на решение Комитета Министров, который вынес следующее постановление: «Духовная Михайлы Лунина по видам и предположениям сочинителя, по внушениям, втайне сокрытым между завещателем и лицом, получающим в дар имение, и по условиям, в оной содержащимся, будучи во всех отношениях противна законам... должна быть уничтожена при самом ее появлении. Закон не допускает даровать свободу крестьянам по духовным завещаниям... Без земли отпускать крестьян на свободу закон положительно воспрещает... Невозможно лишить законную наследницу Уварову прав наследства после родного брата ее Михаила Лунина и отдать имение другому лицу по акту противозаконному».

Таким образом вопрос о завещании М. С. Лунина был решен согласно с желанием Ф. А. Уварова, но он этим решением не воспользовался. Еще в начале января 1827 года К. Я. Булгаков сообщал из Петербурга в Москву об исчезновении Уварова (см. выше примечание к письму восемнадцатому, стр. 131), а 17 января брат отвечал ему, что в Москве уже знают о «гнусном конце» Ф. А. Уварова. Через несколько дней он же писал в Петербург, что Н. А. Лунин согласен на мировую с Уваровой, но с условием, чтобы она утвердила завещание брата о крестьянах.

Показания (стр. 88).

Оба показания печатаются *впервые*. Первое сохранилось в собственноручной французской записи Лунина, в его «деле». Написано оно, как и второе, в связи с допросом по поводу распространения в списках очерков о тайном обществе («Взгляд» и «Разбор») и Писем из Сибири. Второе показание сохранилось в «деле» Лунина в собственноручной русской записи. Ценно в нем заявление Лунина о том, что в римско-католическое исповедание он окрещен с детства. В литературе сведения об этом разноречивы, но в общем они сходятся на том, что Лунин перешел в католичество после 1817 года, в возрасте 34—35 лет. Сопоставление этого утверждения Лунина с его заявлением на допросе в 1826 году (см. выше стр. 94) о том, что он—«грекороссийского исповедания», могло бы поколебать достоверность факта его принадлежности к римско-католической церкви, если бы этот факт не был подтвержден многими заявлениями друзей Лунина. Психологически утверждение Лунина в 1826 году (когда он заведомо был уже католиком) о том, что он православный (я не видел подлинного показания Лунина от 2 июня 1826 г. и не знаю—собственноручное оно или записано в комиссии с его слов)—можно об'яснить тем, что он вообще относился с явным пренебрежением к допрашивавшим и считал лишним посвящать их в свои религиозные дела. Возможно, что он таким заявлением хотел избегнуть подозрений в симпатиях к Польше в связи с открытием связи между русскими и польскими тайными обществами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

В этот Указатель не включены такие названия, как Верховный суд, Тайное Общество, Союз Спасения, Следственная Комиссия, Декабристы,—все то, что можно найти по оглавлению.

ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА

ПИСЬМА ЛУНИНА ИЗ АКАТУЯ

Из книги С.Я. Гессен и М.С. Коган "Декабрист Лунин и его время", Труды Пушкинского дома при Академии наук СССР, "Наука и школа", 1926; примечания С.Я. Гессена и М.С. Когана.

ВЗГЛЯД НА ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА

(Coup d бeil sur les affaires de Pologne)

1840

Волнения в Царстве Польском возбудили политический вопрос, привлекающий сочувствие народов и занимающий внимание правительства. Этот вопрос был предметом обсуждения народных представителей в Палате Общин и в Палате Депутатов, дипломатических агентов при дворах государей, польских эмигрантов в их убежищах. Но словесная война, последовавшая за вооруженным столкновением, не оказалась счастливее по результатам. Далекая от того, чтобы успокоить умы, уяснив им их истинные интересы, и сблизить братьев, она только разожгла новые страсти, умножила число общественных и частных бедствий и вызвала законные, но справедливые репрессии. Произошло это главным образом потому, что [все] умственные усилия скорее имели целью оправдать одну из сторон, чем выяснить истину. Дело поляков, как и дело русского правительства, находило до настоящего времени всего только адвокатов. И тому и другому не доставало истинных друзей, способных рассеять их общие заблуждения и указать на происхождение их гибельных раздоров.

Внимательно изучая события, нарушившие общественный порядок, мы приходим к выводу, что их источником были достойные похвалы намерения и добрые *(букв.: "хорошие")* чувства, владевшие попеременно обеими сторонами, – случай редкий в политике, подобных коему история знает немного примеров. Среди вопросов первостепенной важности, обсуждавшихся на Венском конгрессе, упустили из виду и забыли участь Польши. Император Александр один вспомнил о ней. Желая загладить прежние несправедливости, дать доказательство великодушия по отношению к побежденным врагам и послужить делу свободы народов, оказавшемуся столь полезным ему, он возымел мысль воскресить имя Польши и предложил восстановить государство на развалинах трех последовательных разделов.

Эта великодушная мысль нашла только слабый отклик у нескольких дипломатов и вызвала сильную оппозицию со стороны монархов. Дело едва не дошло до разрыва, невыгодного для всех участников: поэтому [угроза] новых потрясений, обнаружившая значение России, сплотила

союз, готовый распасться, сломила противоборствующие стремления и привела к осуществлению, в более скромных размерах, проекта императора Александра. Варшавское герцогство, изувеченное Пруссией, получило с общего согласия наименование Королевства [Царства] Польского, и препятствия, чинимые тому, чтобы император Александр даровал ему Конституционную Хартию, исчезли. Польша получила блага конституционного образа правления, на которые она меньше всего рассчитывала в 1813 году, когда депутация от польских воеводств явилась на берега Рейна и заклинала императора Александра управлять поляками так, как ему заблагорассудится, лишь бы только они не попали под немецкое владычество, будучи народом общего с русскими происхождения.

Но из чего состояло это конституционное королевство? Его границы охватывали лишь седьмую часть территории Польши и шестую часть ее населения. Оно было расположено по обеим берегам реки, исток и устье которой ему не принадлежали, и единственная польза от которой вследствие этого заключалась в том, что она придавала живописность крестьянским селениям. Открытое со всех сторон, владеющее только двумя крепостями, из коих одна была вне всякого стратегического плана, королевство было до такой степени урезано и лишено естественной защиты, что [в случае войны] неприятельские действия неизбежно должны были начаться в самых предместьях столицы. Торговля Королевства поддерживалась только путем транзита, разрешенного в ущерб русской торговле; его промышленность развивалась только благодаря иностранным спекуляторам, привлеченным премиями и выгодами момента; его армия была лишь подобием воинской силы, лишенной элементов, необходимых для [ведения] войны, и организованной с единственной целью удовлетворить страсть к парадам полувоенного монарха. Дороги Королевства, его каналы, его мосты, его города, его крепости, его укрепленные места ремонтировались или строились за счет России. [Вплоть] до 1821 года доходов Королевства не хватало для покрытия бюджетных расходов; и опять-таки [только] Россия постоянно пополняла дефицит. Его школы и университет вместо того, чтобы распространять просвещение, соответствующее современной цивилизации, отражали только фальшивое и тусклое сияние короны Пястов и Ягеллонов. Наконец, его конституции, рациональной в принципе, не доставало основы для развития элементов, являющихся залогом продолжительного существования и гарантий действенности ее. Его депутаты в Варшавском сейме имели основание заявить в своем Манифесте, что это Королевство было лишь пустым призраком (a).

В начале варшавского восстания мы видим также благородную самоотверженность и патриотический подъем, увлекающий сердца. "Ночь 29 ноября была озарена огнями свободы. Столица освобождена в один день, в несколько дней все дивизии армии объединены одной мыслью, крепости

заняты, нация вооружена, а брат императора, вручивший себя и русские войска великодушию поляков, обязан своим спасением единственно этой мере – таковы деяния этого восстания [столь же] чистого и благородного, как и героический энтузиазм молодежи, его совершившей" (b).

Между тем Палаты и высшие сановники или лица, пользующиеся авторитетом в глазах народа, не приняли участия в этом событии. Обязанное своим происхождением, как заявляет Манифест, возбуждению молодежи, должно ли оно было быть санкционировано и признано народными представителями? Не скомпрометировали ли они будущность своей страны необдуманным состраданием к молодым людям, за которых могли бы представительствовать Палаты и которых само Правительство, может быть, согласилось бы укрыть под сень законного следствия? Несмотря на слабость власти, на обязанности которой лежало предотвратить восстание, и баснословную неспособность военачальника, которому в дальнейшем было поручено его подавление, оно никогда не могло выйти за тесные пределы Королевства. Полиция не приняла никакого участия в варшавских волнениях. Великое княжество Познаньское равнодушно смотрело на то, что происходило в нескольких шагах от его границы. Литва, Волынь и Подолия не шевельнулись даже в то время, когда проникшие в эти области отряды варшавской армии склоняли и принуждали их население вооружаться на защиту Королевства. Частичные наборы, произведенные несколькими разорившимися или готовыми разориться помещиками, оказались совершенно бесполезными для вторгшихся отрядов и по своей незначительности, в общем, не заслуживают упоминания. Доказательством последнего служит тот факт, что все эти отряды, слишком слабые сами по себе и рассчитывавшие на помощь всеобщего восстания, были принуждены во все время своего набега скорее прятаться, чем сражаться, и что почти все они в конце концов должны были искать убежища в соседних государствах и сложить там оружие, не попытав даже счастья в битве.

Материальные средства восстания ограничивались 35 тысячами линейных войск с почти таким же числом ополченцев, 150 орудиями, двумя полуразрушенными крепостями, 20 тысячами ружей, добытыми чернью из арсенала и скупленными обратно у евреев, и небольшим капиталом, изъятым из варшавского банка. И с такими-то силами хотели они стать лицом к лицу с одной из первых военных держав Европы?

Бывают эпохи, в которые стечение благоприятных обстоятельств придает шансы на успех даже самым рискованным предприятиям. Но восстание вспыхнуло тогда, когда заключение славного мира[1] дало русскому правительству возможность вернуть корпуса своей армии на родину, укомплектовать их новыми рекрутами, возобновить их материальную часть и расквартировать их вдоль западной границы с таким расчетом, чтобы их можно было легко и быстро сосредоточить в любом угрожаемом

1) Адрианопольский мир с Турцией 1829 г. *(Примеч. М.С. Лунина)*.

пункте; когда финансы Империи были подкреплены данью побежденных и золотом займов; когда национальное самосознание достигло высших пределов экзальтации, благодаря изъявленной покорности народностей, падению крепостей, приобретению новых областей, полет русского орла к стенам Византии стал постоянным предметом мечтаний народа.

Манифест Польского народа провозглашает ряд антиконституционных актов, оказавшихся побудительными и определяющими причинами восстания. Но конституция давала законное средство протеста против незаконности этих актов, вполне подчиняясь им [в то же время]. Такой способ действия, пассивный, но действительный, был бы вполне достаточен для того, чтобы доказать существование закона и права с тем, чтобы впоследствии заставить их уважать, дав им двойную опору — принципа и прецедента.

Великой Хартии присягали и подтверждали ее до 35 раз, и, несмотря на это, она была попрана ногами Тюдоров. Однако в ту политически незрелую эпоху англичане не взялись за оружие для обеспечения ее существования. Они оценили важность самых форм свободного правления, даже лишённых того духа, который должен их одушевлять, и они вынесли гонения, несправедливости и оскорбления со стороны власти, чтобы сохранить эти формы и дать им время пустить корни. Манифест равным образом содержит изъявление братской и исключительной любви к жителям присоединенных к России провинций и высказывает стремление освободить их от ярма Петербургского правительства. Он толкует в их пользу одну из факультативных статей Венского трактата, обязанную своим происхождением добровольному желанию императора Александра, и его речь в Сейме 1818 года, которая по своему смыслу обращена ко всем жителям Империи и налагает лишь условное обязательство на монарха. И выше мы видели, что жители этих провинций совсем не разделяли этого исключительного чувства, предметом которого они оказались, и что, далекие от желания помогать своим мнимым освободителям, они смотрели на их вторжение с равнодушием и удивлением. Действительно, по своему географическому положению, по [умственному?] превосходству своего населения, по своим материальным ресурсам и, главным образом, по более тесным связям с русскими, связям, являющимся основой и источником всякого могущества в этой части Европы, — именно жители этих провинций скорее всего были в состоянии восстановить порядок и спокойствие в Королевстве, не путем беспорядочного насилия, но организованными усилиями коллективной воли. Если бы после всего изложенного было необходимо войти в рассмотрение подробностей предприятия, то мы бы нашли, что все были согласны во всем в то время, когда разумная оппозиция способствовала прояснению понятий и победе наиболее здравых, и что мнения разделились во всем, когда успех зависел от единения воль и умов; что прибегли к переговорам тогда,

когда на них уходило драгоценное время и не было ни малейшей надежды на их успех, и что этой возможностью пренебрегли в то время, когда она могла бы предотвратить бесполезное кровопролитие; наконец, что военную силу сконцентрировали в то время, когда отдельные отряды могли бы принести некоторую пользу в этой гражданской войне, — и что распылили силы тогда, когда их сосредоточение было необходимо. Среди этих ошибок есть лишь одна светлая черта: стойкость, проявленная солдатами на полях битв, заслужившая им уважение противников.

Манифест Польского народа кажется составленным под влиянием той же молодежи, которая произвела восстание. Начинается он изъявлением законного желания загладить прежние несправедливости и заканчивается мечтами о завоеваниях и [будущем] величии. Взоры его составителей обращены на Францию, которая в своих интересах, реальных или воображаемых, посылала их соотечественников на гибель в Египет, С.- Доминго и Испанию. Они кичатся своей верностью деспоту, наделяемому ими титулом героя века, и утверждают, что кровь поляков была его собственностью (с). В Варшавском восстании нельзя найти никаких признаков, никаких доказательств национального движения. Оно не выдвинуло ни одного замечательного характера, не проявило ни в чем превосходства в законодательной, административной или военной [области]. Оно не выдвинуло ни одной органической идеи, ни одного общественного лозунга, и, в общем, оно является лишь бледным подражанием былым событиям польской истории и смутным отсветом застывшей в традициях цивилизации.

Подобно тому, как конституционное королевство, построенное на песке, должно было кончить мятежом, так и восстание, изолированное, несвоевременное, вспыхнувшее по сомнительным причинам, лишенное средств, необходимых для развития, и поставившее себе совершенно химерические цели, должно было окончиться полным подчинением государства. Непосредственными результатами восстания были: потеря всех прав, разорение городов, опустошение селений, смерть многих тысяч человек, слезы вдов и сирот... Оно причинило еще большее зло, скомпрометировав принцип справедливого и легального сопротивления произвольным действиям власти. Именно с такой точки зрения на него [восстание] будут указывать будущим поколениям — как на соблазн, которого следует избегать, и как на печальный признак духа нашего времени.

Несомненно все будут согласны в том, что хотя русское правительство несет долю ответственности за возникновение беспорядков, однако оно не могло поступить иначе, как жестоко покарать виновников восстания и [силою] восстановить свой поколебленный авторитет. Оно должно было распустить армию, сражавшуюся против него, уничтожить сейм, вотировавший его низложение, и изменить учреждения, давшие возможность сделать то и другое. Ему дали на это право тем, что взялись за оружие. Но позже

оно встало на ложный путь гонений, облеченных в форму законности. Вместо того, чтобы укрепить свой авторитет широкими милостями, правительство скомпрометировало себя жандармами, шпионами и палачами. Но репрессивные меры отнюдь не находят поддержки в симпатиях русского народа. Он, в общем, осуждает ничтожность амнистий, изуродованных ограничениями и не смогших вернуть в лоно Польши ее рассеянных сынов; осуждает дорого стоющее и безнравственное использование шпионов для добывания сведений о том, о чем органы печати сообщали открыто и без издержек; сооружение Варшавской цитадели, которая сможет заменить распущенную армию; упразднение двух университетов для основания третьего, который оказалось необходимым временно закрыть. Военные суды, разбирающие политические дела, пытки, ими употребляемые для добывания признаний, и казни, ими присуждаемые, возмущают чувство справедливости русских. Упразднение церкви и монастырей и принуждение греко-униатской церкви к отступничеству идут в разрез с их понятиями о веротерпимости. Конфискации, неслыханные доселе и в то же время бесполезные, оскорбляют их великодушные инстинкты и национальную гордость. Они задают себе вопрос: неужели нужда правительства так велика, что оно принуждено заниматься грабежом в розницу для подкрепления своих средств? Почему в таком случае оно не обращается к тем, чья казна всегда так же открыта для нужд государства, как кровь всегда готова пролиться для его защиты?

Не располагая легальным средством для выражения своих чувств, они клеймят своим презрением покупщиков конфискованных имений и чиновников, получающих последние в виде награды; они окружают своим сочувствием жертвы конфискаций и стараются всеми силами смягчить их страдания теми деяниями милосердия, которые остаются скрытыми от глаз света и даже от их собственного сознания.

Однако, дабы быть беспристрастным, не следует упускать из вида того, что русское правительство лишено тех средств, которыми располагают государства с представительным образом правления для распознавания истины и направления своих действий сообразно с нею. Печать нема — как это должно быть при самодержавии; в то же время иностранная пресса, полная слепой ненависти к русским, — подозрительна, так как она выражает мнения народов или правительств, покинувших поляков на произвол судьбы. В России единственными руководителями власти являются люди или мучимые бесцельной жаждой деятельности, или пораженные старческой бездарностью, из коих состоит Государственный Совет. Впрочем, не нужно преувеличивать значение репрессий. Так как правительство действует без помощи нации, то сфера его нравственного воздействия по необходимости ограничена, чтобы не сказать ничтожна. Странное заблуждение — думать, что оно может уничтожить польскую национальность, тогда как

оно само лишено национального характера; что оно может оказать влияние на польскую цивилизацию, тогда как ему самому недостает просвещения; что оно может сокрушить религию поляков, тогда как, нападая на положения, находящиеся вне пределов досягаемости для человека и следуя гибельному примеру религиозных преследований, данному польскими королями, оно показывает, что его собственные верования — шатки и неустойчивы. Варшавское восстание в пользу демократии пронеслось как буря, следы которой будут стерты зрелым умом грядущих поколений; реакция законной власти, являющаяся ничем иным, как восстанием в пользу самодержавия, рассеется сама собой, как туман, не оставляющий следов после себя.

Среди причин, препятствующих восстановлению спокойствия и господству здравых понятий, есть одна, заслуживающая быть отмеченной, ибо ее влияние выходит за пределы Королевства. Когда русская армия готовилась к штурму Варшавы, несколько личностей, оказавшихся в результате восстания во главе Палат и предвидевших близкую развязку драмы, увели в сторону один армейский корпус и затем отправили его в странном направлении, чтобы обеспечить себе бегство заграницу (d). Этот акт естественной человеческой слабости мог бы только их скомпрометировать и предать забвению. Но русское правительство, полагая, что выполняет дело правосудия, совершило ошибку, предав их суду, заочно приговорив к смерти, конфисковав их имущество и придав их [делу] политический характер тем, что сочло их своими противниками и после их дезертирования. Беглецы одумались и, искусно воспользовавшись страстями правительства, снова взялись за использование страстей народа. Их первой заботой было сгруппировать вокруг себя несколько жертв, незапятнанных участием в политических волнениях, — военных, проливавших кровь на полях сражений, граждан, принужденных покинуть отечество вследствие репрессий русского правительства. Опираясь на эту поддержку, они устроили в месте своего убежища род судилища, известного под именем Польского Национального Комитета. Этот Комитет присваивает себе права и власть последнего Сейма, считает себя продолжателем его дела, публикует манифесты от имени Польского народа, составляет пасквили и распространяет их в Польше, посылает в Королевство и его бывшие провинции эмиссаров, чтобы зажечь или раздуть там дух мятежа. Несмотря на странную аномалию — национальная власть вне пределов нации — Польскому Комитету удаются его планы, и в русском правительстве он даже находит опору, агента и часто слепое орудие своей воли. Правительство запрещает распространение изданий, которых не читали бы без этой меры; оно предает эмиссаров военным судам, которые их вешают и расстреливают, превращая их этим в мучеников свободы в глазах черни; оно преследует, лишает имущества и ссылает в Сибирь добрых горожан и крестьян, оказывающих приют эмиссарам или

прислушивающихся к их басням. Этого-то как раз и хотят политические воротилы Польского Комитета. Они прекрасно знают, что Королевство ничего не может сделать, а отторгнутые провинции – ничего не хотят. Их единственная цель – разжигать страсти, вызывая меры строгости, и возбуждать семейные раздоры в угоду западным державам, скорее враждебным, чем равнодушным к славянским народам, объединения которых они страшатся.

С этой целью они [поляки] усиленно подчеркивают раздел Польши, изолируя его от причин, сделавших его столь легким, и приписывая его исключительному влиянию России. Но Австрия и Пруссия приняли в нем одинаковое, если не еще большее, участие. Проект первого раздела вышел из Венского кабинета, чем объясняется почти двойная доля, полученная последним при разделе (е). Россия же только присоединилась к этому проекту для того, чтобы он не был осуществлен без нее в ущерб как полякам, так и русским. Второй раздел был вызван прусским правительством с целью приобретения Данцига и Торна. В то время как Россия была занята войной с Турцией, Пруссия сумела поднять новые волнения в Польше и поставить Речь Посполитую в положение страны, невыполняющей свои обязательства, обязав ее по союзному договору увеличить численность своей армии и изменить свою политическую организацию, в нарушение трактата 1775 года (f). Лишь только конституция 91 года была обнародована, Пруссия поспешила ее отвергнуть, расторгнуть свой союзный договор с Республикой, завладеть Торном и Данцигом и заключить новый союз с русским правительством, чтобы скрыть акт грабежа под императорской мантией (g). Наконец, третий и последний раз раздел явился следствием восстания, которое, нарушая общественный договор, узаконяет все по праву войны.

Впрочем, эти печальные события служат только для определения успехов самодержавия и никоим образом не для выяснения взаимоотношений обоих народов. Русские никогда не помышляли о покорении своих братьев, никогда не намеревались навязывать им законы или приписывать себе социальное или политическое превосходство над ними. Они предлагают им не благодеяния покровительства, но домогаются лишь объединения воли и усилий, направленных к одной цели. Это желание было высказано естественными представителями русского народа, которых правительство, под влиянием духа партии, обрекло на казнь – от руки палача и рассеяло в изгнании... Верные велениям своей высокой миссии, они предсказали полякам, что их изолированные попытки всегда будут обречены на неудачу; что их надежда на помощь западных государств всегда останется химеричной; что единственная надежда на успех заключается для них в союзном договоре с русскими (h).

Нет ни гор, ни рек, нет никаких географических признаков, которые могли бы послужить естественными границами обоих государств. Притя-

зания, выставляемые той и другой стороной на владение одними и теми же местностями, теряются во мраке времен. Климат, естественные произведения, виды промышленности и предметы торговли – почти одинаковы. Нравы, обычаи, навыки, наклонности – похожи друг на друга. Оба языка, происшедшие из одного корня, понимают с одинаковой легкостью в обеих странах. Религиозные верования наиболее близко подходят друг к другу среди различных вероучений, распространенных на земле. Все, как будто, призывает оба народа побрататься.

Ничем не связанные в прошлом, им, в отличие от других европейских народов, не нужно ни ломать, ни расчищать почвы прежде, чем строить. Здание их вольностей воздвигается без потрясений и волнений, подобно тому дому, в котором, пока он строился, не было слышно ни молота, ни топора, ни ударов какого-либо другого инструмента. Они кажутся предназначенными начать новую социальную эру, освободив [нравственные] начала от повсюду их заслоняющих разнородных элементов, и одухотворить политическую жизнь, вернув вольности, права и гарантии к их истинному источнику.

Приступим к рассмотрению основного вопроса, который в речах агитаторов является то окруженным умственными софизмами, то разукрашенным фантазией. Может ли Польша пользоваться благами политического существования сообразно ее потребности вне зависимости от России? – Не больше, чем Шотландия или Ирландия вне зависимости от Англии. Слияние этих государств произошло путем ужасающих потрясений и бесконечных бедствий, следы которых еще не вполне изгладились. Но без этого слияния на месте трех соединенных Королевств, составляющих ныне первую империю мира, были бы только три слабые провинции, враждующие между собой, без торговли, без промышленности, без влияния на другие народы и доступные для первого завоевателя, какими их рисует нам история в эпоху их разделения. Для великих народов существуют положительные и необходимые условия, которые ничем нельзя заменить. Им прежде всего необходимо пространство, реки и море. Без этого самые остроумные политические комбинации суть ничто иное, как пустые теории.

Примените организацию Американских Соединенных Штатов к Германским княжествам или к итальянским государствам. Что получится? Заботиться о политической организации прежде, чем обеспечена социальная основа, значит [думать] об увеличении здания, лишенного фундамента. Если бы удался химерический проект присоединения русских губерний к Царству Польскому, то все же дело Польши не подвинулось бы вперед. Ее мнимые друзья, по-видимому, не имеют понятия о [необходимых] элементах могущества и действенности, стремясь заключить ее на суше, как в ящике. Ее подлинный упадок начался с той поры, когда она была лишена устья своей реки и побережья своего моря. Этой великой Нации так же

необходимы влажные туманы Балтики, как ее старшей сестре — благовонные бризы Средиземного моря.

Только подав друг другу с открытым сердцем руки, они смогут овладеть этими орудиями взаимного влияния, которое народы оказывают друг на друга во имя всеобщего прогресса человечества.

Поляки должны будут постоянно помнить режим, который столь долго угнетал их под обманчивой формой Республики. Никакой социальный прогресс не был возможен при наличии политического порядка, который, будучи нарушаем на каждом шагу liberum veto, развивался только путем конфедераций, и при социальном строе, соединявшем все злоупотребления феодализма, но не дававшем ни одного из его относительных преимуществ.

Административный хаос и моральная анархия, истощая жизненные силы Польши, всегда служили предвестниками ее распадения. Один из ее королей предсказал на сейме в 1661 г. раздел ее земель, что и случилось через 110 лет (i). Иметь это в виду необходимо для полного понимания настоящего положения страны и оценки преимуществ, которые она может извлечь из ее политической связи с Россией. Поляки пользуются теперь гражданским кодексом, содержащим, несмотря на частичные недостатки, почти все элементы демократии, которые Франция завоевала ценою кровавой революции, и свободным от традиционных предрассудков, затмевающих английское законодательство. Они [поляки] имеют положительную гарантию неприкосновенности их территории и уверенность в ее прогрессивном увеличении; эта гарантия заключается в коренном принципе русских сохранять и объединять и в сумме их средств для проведения этого принципа в жизнь. Они являются соучастниками тех выгод, которые дают устья Днепра, Буга и Днестра, выход к морям Балтийскому и Черному, а также континент Азии для развития торговли и промышленности. Они находятся в безопасности от иностранного вмешательства во внутренние дела, которое им во все времена было гибельно, но которое впредь будет ограничиваться пустыми речами против растущей мощи двух объединенных народов. Наконец, они в состоянии взять в свои руки инициативу общественного движения, которое должно связать воедино славянские племена, рассеянные по Европе, и содействовать умственной революции, которая должна предшествовать всякому изменению в политическом строе, чтобы сделать его прочным и выгодным.

Народы и правительство не сходят так легко с ложной дороги, куда их завлекли интересы партии или их собственные страсти. Еще предстоит неравная борьба, гибельные реакции и бесполезные самопожертвования. Меч насилия и правосудия будет снова обнажен в угоду заблуждения и предрассудков.

Но это зло, неизбежное, как искупление и спасительное, как урок обеим сторонам, будет только временной преградой к победе принципов, вытека-

ющих из природы вещей, к торжеству Истины, заключающейся в союзе...

Мы думаем выполнить долг благодарности перед Народом, оказавшим нам гостеприимство в бурную эпоху нашей политической карьеры, сказав ему непритворную и беспощадную правду. Мы говорили одним и тем же языком при дворе его [польского народа] короля и в салонах его вельмож, но нас не хотели понять. Мы надеемся, что наша речь будет лучше понята в более скромных жилищах, где мы часто находили пристанище после усталости и опасностей охоты, где картины домашнего счастья и соединение семейных добродетелей открывали нам источник гражданских доблестей, которые служат украшением характера поляка, и тайну прекрасного будущего, которое предназначено этому народу, когда он будет действовать в согласии со своим единственным союзником.

a) Манифест Польского народа, 1831, стр. 1, 5.
b) Манифест Польского народа, 1831, стр. 5, 19.
c) Манифест Польского народа, 1831, стр. 1. § 4.
d) Романино. 20 тысяч человек.
e) 1772. Народонаселение:
Россия
Пруссия
Австрия.
Территория то же .
f) Договор Пруссии с Польшей 29 марта 1790.
g) Договор Пруссии с Россией 12 января 1793.
h) Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин; см. Донесение Варшавского Следственного Комитета. 1896.
i) Ян-Казимир.

Печатается впервые, по подлиннику, находящемуся у Б.Л. Модзалевского. Существование означенной рукописи до сих пор не было известно исследователям; ни в переписке Лунина, ни среди отобранных у него в Урике бумаг – о ней нет упоминания. В 1859 г в "Колоколе" А.И. Герцена, в листе 36 от 15 февраля, появилась без подписи статья под заглавием "Из воспоминаний о Лунине". В предисловии редакция, выражая благодарность атору, добавляла: "На его (автора) вопрос, не знаем ли мы брошюры (Лунина), напечатанной в Англии или Америке, о которой он говорит, мы должны ответить отрицательно. У нас есть письма Лунина к сестре на французском языке и статьи: "Coup d'oeil sur les affaires de Pologne, 1840" и "Apercu sur la societe occulte en Russie 1816-1821".

Но тогда как "Взгляд на тайное общество" был опубликован Герценом в "Полярной Звезде" за 1859 г., статья о Польше не появилась в свет.

Об этой же статье Лунина упоминает и В.Л. Бурцев (За сто лет. 1800-1896. Сборник по истории политического и общественного движения в России. Составил Вл. Бурцев, 1897, т. II, стр. 27), у которого имеется следующая библиографическая справка: *Лунин*, "Coup d'oeil sur les affaires de Pologne", Paris. 1841 и "Apercu sur la societe occul-

te en Russie 1816-1821"; "Письма к сестре", "Полярная звезда" 58 г.

На основании чего Бурцев решил, что статья Лунина была опубликована в Париже, затрудняемся сказать; к тому же, он ошибочно датирует статью 1841 годом.

С.Я. Штрайху неизвестно было существование этой рукописи и, публикуя впервые письмо Лунина к сестре от 17 ноября 1839 г., в котором речь идет о поляках, С.Я. Штрайх в примечании высказывает предположение, что "статья о польских делах и есть настоящее письмо" (Сочинения и письма, стр. 133).

Следует также отметить, что Герцен, знакомый, как мы видели выше, с этой статьей, между прочим, писал следующее: "Польский вопрос был смутно понимаем в то время. Передовые люди – люди, шедшие на каторжную работу за намерение обуздать императорское самовластие,– ошибались в нем и становились, не замечая того, на узкую государственную патриотическую точку зрения Карамзина; стоит вспомнить факты, рассказанные Якушкиным, негодование М. Орлова, *статью Лунина*[1] и пр. У них была своего рода ревность к Польше; они думали, что Александр I больше любил и уважал поляков, чем русских" (А.И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М.К. Лемке, т. XVI, 1920, стр. 177).

Подлинник – на французском языке. Перевод выполнен Л.Л. Домиром.

---

[1] Курсив С.Я. Гессена и М.С. Когана.

ПИСЬМА М.С. ЛУНИНА ИЗ АКАТУЯ

I. М.С. Лунин – М.С. Волконскому[1]

Мой дорогой Миша. Твое последнее письмо доставило мне большое удовольствие, и я от души советую тебе изучать английский язык. Это не так легко и требует много внимания и прилежания, но ты уже не ребенок и, я надеюсь, справишься со всеми трудностями, как мужчина. Помни, мой дорогой, что твои успехи в науке являются лучшим доказательством, которое ты только можешь мне дать в подтверждение твоей дружбы ко мне. Не читай книги, случайно могущие попасть в твои руки. Ты должен знать, что мир переполнен глупыми книгами и что число полезных книг очень невелико. Как только ты получаешь новую книгу, первым делом ты должен подумать, какую пользу может она принести тебе. Если ты найдешь, что она не заключает ничего, кроме пустых рассказов или скучных рассуждений, то отложи ее в сторону и возьмись за свою грамматику или за какую-нибудь другую хорошую книгу, которая дает положительные сведения. В твои годы – время дорого. Каждый час, потерянный в болтовне, потребует нескольких дней работы (впоследствии). Часть лета можно употребить на прогулки, занятия спортом и т. д., но зима целиком должна быть посвящена занятиям с утра и до вечера.

Прощай, мой дорогой Миша. Поцелуй руки у твоей матери и сестры и поверь, что я навсегда твой верный друг Михаил.

На обороте – Михаилу Сергеевичу Волконскому.

II. М.С. Лунин – С.Г. Волконскому[2]

Мой дорогой друг. Книги, вещи и провизия, посланные со святым отцом[3], дошли до меня в сентябре месяце 1842 г. Я сейчас же узнал подсвечники моей доброй сестры по изгнанию. Они мне доставили столько же

радости, как если бы это было письмо, по той массе воспоминаний о жизни в Урике. Поблагодарите хорошую за это доказательство ее дружбы. Между книгами и вещами много есть лишнего, как, например, кухонная посуда, болтовня de la Mennaie, фарфоровая посуда и т. д. и т. д. Моя темница до того переполнена, что нет возможности в ней повернуться. Впрочем, все ваши распоряжения о моем погибшем состоянии безукоризненны. Я особенно вам благодарен за ваши заботы о моей бедной Варке[4]. Можно ей давать холодное мясо два-три раза в неделю, дабы скрасить дни ее старости. Вы ничего не пишете про расходы по пересылке. Напишите моей сестре, чтобы она возместила стоимость пересылки 9 ящиков. Эта бедная женщина в Берлине, где ее сын надоедает Гумбольту и всем университетским ученым своим арабским языком[5]. Вы мне доставите большое удовольствие, прислав стенные часы memento mori и икону богоматери. По-видимому, я предназначен к медленной смерти в тюрьме вместо моментальной на эшафоте. Я одинаково готов как к той, так и к другой. Перейдем к вашим делам, которые меня столько же интересуют, сколько и мои. Выписали ли вы немецкого педагога для Миши? Это крайне важно. Нравственность педагога не должна производить на нас впечатление. У меня был такой преподаватель философии. Конечно, нравственная сторона есть первенствующее качество, но ее можно приобрести в любое время и без знаний, но для умственного развития и приобретения положительного знания существуют только одни годы. Добродетели у нас есть, но у нас не хватает знания. Миша должен знать латынь и греческий в совершенстве еще до шестнадцати лет. Остальные науки легко дадутся ему потом. Вам необходимо нужен педагог. Поддержите все эти доводы перед вашей женой и постарайтесь уничтожить ее сомнения. Второй такой же важности пункт, это развитие физических сил. Для этого также имеется только один возраст – отрочество и один способ – охота. Дайте Мише хорошее ружье, и пусть он бегает по болотам и лесам во время хорошего сезона. Его учение от этого не пострадает, а здоровье выиграет. Святой отец, который мне предложил писать и дал к тому возможность, хороший человек. Приймите его дружески. Во время его первого путешествия были у него, видимо, столкновения с Шейтовичем. Продайте кое-какие вещи или книги, чтобы сделать ему небольшой подарок. Прощайте, дорогой друг. Поклонитесь вашим и всем тем, кто еще помнит меня. Сердечно благодарю вас за безграничные доказательства дружбы. До конца жизни преданный вам друг Михаил.

III. М.С. Лунин – М.Н. Волконской[6].

Ваши письма, сударыня, возбуждают мою бодрость и скрашивают суровые лишения моего заключения. Я вас люблю так же, как и мою сестру. У нас считается заслугой быть в сношениях с противником власти. Простодушие тоже имеет свои заслуги. Представьте себе, что часы разлетелись в куски, янтарь превратился в порошок, провизия в кашу и т. д. и т. д. Простодушие утверждает, что это вина упаковки, но я этому абсолютно не верю. Было бы лучше вступить в сношение с местными властями и посылать посылки по почте. Занятия Миши дают мне пищу для размышления в глубине темницы. В настоящее время главный предмет – это изучение языков. Помимо французского и английского, латинский и немецкий являются безусловной необходимостью. Эти четыре языка суть ключи современной цивилизации. Есть еще один язык, греческий, но время его настанет позднее. Заклинаю вас говорить всегда по-французски или по-английски с Мишей и никогда по-русски. В начале это Вас будет несколько стеснять, но вы постепенно привыкнете, а он извлечет из этого наивысшую пользу. Одна беседа стоит десяти уроков. Ваш брат Александр[7], без сомнения, в курсе учебных руководств, принятых в начальных школах за-границей, в особенности во Франции, где народное образование наилучше поставлено в настоящее время. Попросите выслать подбор таких руководств по истории, географии, математике и т. д. При помощи этих источников можно заниматься так же хорошо в Сибири, как и в Германии и во Франции. Не от учителей, а от Бога даются нам дух и суждение. В мире почти столько же университетов и школ, сколько и постоялых дворов. И тем не менее, мир наполнен невеждами и педантами.

Смерть моего дорогого Никиты[8] огромная потеря для нас. Этот человек один стоил целой академии. Я никак не могу согласиться на продажу Болландистов[9], которых моя сестра выписала для меня с большими издержками из-заграницы. Этот труд является драгоценным источником исторических сведений, относящихся к средним векам. Преосвященный архиерей предлагает вам смехотворную сделку. Разумнее всего избегать какого бы то ни было общения с этими господами, которые представляют собою ничто иное, как переряженных жандармов. Вы знаете роль, которую они играли в нашем процессе[10]. Надо все простить, но ничего не забыть.

Чтобы составить себе понятие о моем нынешнем положении, нужно прочесть "Тайны Удольфа" или какой-нибудь другой роман мадам де-Радклиф[11]. Я погружен во мрак, лишен воздуха, пространства и пищи, окружен разбойниками, убийцами и фальшивомонетчиками. Мое единственное развлечение заключается в присутствии при наказании кнутом во дворе тюрьмы. Перед лицом этого драматического действия, рассчитанного на то, чтобы сократить мои дни, здоровье мое находится в поразительном со-

стоянии и силы мои далеко не убывают, а наоборот, кажется, увеличиваются. Я поднимаю без усилия девять пудов одной рукой. Все это меня совершенно убедило в том, что можно быть счастливым во всех жизненных положениях и что в этом мире несчастны только дураки и глупцы. Прощайте, моя дорогая сестра по изгнанию! Приймите уверения в совершенной дружбе, которую хранит всецело вам преданный Михаил.

Н а о б о р о т е. – Ее сиятельству княгине Волконской.

IV. М.С. Лунин – М.С. Волконскому[12].

Мой дорогой Миша. Я тебе говорил в моем последнем письме, что количество хороших и действительно полезных книг очень невелико. Ты должен также знать, что и лучшие из них не совсем свободны от ошибок и погрешностей и что, вследствие этого, их должно читать с большой осмотрительностью. Книга, которую я тебе посылаю (Рассказы Дедушки) и которая по справедливости высоко ценится, может послужить доказательством моих слов. Она полна основательных знаний и разумных взглядов относительно шотландской и английской истории, но она заключает также некоторое количество бесполезных и ложных рассуждений о протестантской религии. Вместо того, чтобы просто изложить происхождение и развитие английских церквей, почтенный автор стремится обосновать их догматы и принимает позу проповедника. Так как эти предметы довольно трудны для понимания в твоем возрасте и могут легко ввести тебя в заблуждение, ты хорошо сделаешь, пропустив параграфы, отмеченные мною, и сосредоточив свое внимание на остальной части книги. Новости, которые я получаю относительно тебя, мой милый, очень утешительны. Я узнал, что ты читаешь, понимаешь и даже говоришь по-французски и по-английски. Но особенно рад был узнать, что ты изучаешь латынь. Этот язык совершенно необходим для твоих дальнейших успехов в науке. Невозможно стать хорошим ученым без латыни. Прощай, мой дорогой Миша, поцелуй за меня ручку у твоей сестры. Твой, всегда любящий тебя Михаил.

Н а о б о р о т е. – Михаилу Сергеевичу Волконскому.

V. М.С. Лунин – М.Н. Волконской[13].

Ваши письма, сударыня, и новости, которые я узнаю о Вас от проезжих, способствуют к услаждению и очарованию моей неволи. Проект отправления мне Варки и ваши попытки в этом направлении являются доказательст-

вами вашей дружбы, коими я глубоко тронут и которые никогда не изгладятся из моей памяти. Между тем, к счастью, этот проект не удался. Ибо я не знаю ни где поместить, ни чем кормить это бедное животное. Моя темница так сыра, что книги и платья покрываются плесенью, моя пища так умеренна, что не остается даже чем накормить кошку. Это больше, чем монастырская жизнь. Перейдем к вопросу, интересующему меня больше всего в нашей переписке. Англичанин мне сказал, что Миша сносно понимает по-английски и что у него отличное произношение. Это служит доказательством того, что вы не пренебрегли уроками после моего отъезда. Материнская любовь, как и вера. Я прошу вас продолжать, принявши следующий метод. Пусть Миша вам читает вслух английскую страницу, буквально переводя фразы одну за другой, с помощью словаря для неизвестных слов. После этого вы ему прочтете ту же страницу, но очень медленно и внятно. Таким образом, слова и выражения запечатлеваются в памяти одновременно и через зрение, и через слух. Это упражнение требует не более одного часа ежедневно, и вы будете поражены результатом по истечении года. Я надеюсь, что доктор (глухой) передал вам мои мысли относительно физического и гигиенического воспитания. Нужно, чтобы Миша умел бегать, прыгать через рвы, взбираться на стены и лазить на деревья, обращаться с оружием, ездить верхом и т. д. и т. д. Не тревожьтесь из-за ушибов и ранений, которые он может получать время от времени, – они неизбежны и проходят бесследно. Хорошее время года, столь короткое в этом климате, должно быть почти исключительно посвящено этим упражнениям. Они дают здоровье и телесную силу, без которых человек не более, как мокрая курица. Весь ваш Михаил Л.

На обороте – Княгине Волконской.

VI. М.С. Лунин – С.Г. Волконскому[14).]

Мой дорогой друг. То, что я пишу моей сестре по изгнанию о воспитании Миши, адресуется также и к Вам. Если вы разделяете мои идеи, я прошу Вас проследить за их осуществлением. Метод, предлагаемый мной для изучения английского языка, мог бы быть применен в равной степени с успехом и к латинскому. Визит господ из Комиссии[15)] доставил мне приятное развлечение. У них такой вид, будто они разыгрывают комедию со своими административными, законодательными и филантропическими взглядами. Мы ожидаем приезда кочующего сенатора и примадонны труппы. Эти комиссии, ненужные, смешные и обременительные для страны, служат доказательством истин, которые провозглашены мною и которых другие делают вид, что не понимают. Мое здоровье все время в прежнем

положении. Я купаюсь в октябре при 5 и 7 градусах мороза в ручье, протекающем в нескольких шагах от тюрьмы, в котором для этой цели делают прорубь. Такие холодные купанья приносят огромную пользу. Занятия замирают, потому что книги и все необходимые принадлежности отсутствуют[16]. Михаил.

Н а о б о р о т е – Сергею Григ. Волконскому.

VII. М.С. Лунин – С.Г. Волконскому[17].

Мой дорогой друг. Я получил сейчас ваше прошлогоднее письмо, в котором вы просите у меня письменного полномочия заботиться о моем погибшем состоянии. Но вы забываете, что мое содержание окружено тайной, за мной следят, у меня нет никакой возможности писать. Вы не знаете, может быть, что возникал вопрос о моем расстреле и что это наказание было заменено пожизненным заключением, что тоже самое. Каким образом я могу дать официальное и легальное направление (делу) в таком трагическом положении? Располагайте домом, как вы найдете нужным. Если вы его продадите, то выручка от его продажи должна быть употреблена на пользу Васильича[18] и его семьи. Я не получил образа святой богородицы. Стенные часы находятся в Польше. Надо бы снестись с начальством, чтобы эти вещи мне препроводили. Переговорите приватным образом насчет того, чтобы эти часы были мне пересланы официальным порядком. Для меня большое лишение не знать времени в продолжение долгих бессонных ночей, проводимых в тюрьме. Пришлите мне оставшиеся книги, требуя, чтобы расходы по пересылке были оплачены из моих денег, находящихся в Нерчинском заводе. Мое здоровье сносно, несмотря на все принимаемые меры к его разрушению. Я доволен своим положением, только нет Варки. Этот каламбур не шутка, но горькая истина. Случается мне видеть во сне чудесные обеды, которые я ел у Вас и у Трубецких. Кусок мяса – редкость в этой стране. Чай без сахара, хлеб, вода, иногда каша – вот моя ежедневная пища. Прощайте мой дорогой, уважаемый друг. Поклонитесь от меня всем нашим и верьте в мою искреннюю дружбу и глубокую благодарность. Преданный вам Михаил.

Н а о б о р о т е – Сергею Григорьевичу Волконскому.

VIII. М.С. Лунин – С.Г. Волконскому[19).

Обращаясь к Вам, мой дорогой друг, я оставляю в стороне выражения чувств и прямо приступаю к делу. Если мой дом подходит г. Мрозовскому, вы столкуйтесь о цене и уступите дом ему. Деньги, вырученные от продажи, вы употребите в пользу Васильича и его семьи тем способом, какой вы найдете удобнейшим. Пошлите мне оставшиеся книги и образ богородицы чрез посредство властей, требуя, чтобы издержки по пересылке были удержаны из принадлежащих мне денег, которые гниют бесплодно в правительственных кассах.

Здоровье мое поразительно. И если только не вздумают меня повесить или расстрелять, я способен прожить сто лет. Но мне нужны специи и лекарства для бедных моих товарищей по заключению. Пришлите средства от лихорадки, от простуды и от ран, причиняемых кнутом и шпицрутенами. Издержки на этот предмет будут также возмещены из моих средств. Здесь у меня есть несколько тысяч рублей, но это все равно, как если б у меня ничего не было, – из-за таинственности моего заключения.

Прощайте, мой дорогой друг. Если вы хотите получать более длинные и более подробные письма, присылайте бумагу и чернильный порошок. Передайте мой дружеский привет всем тем, кто меня помнит и меня понимает. Преданный вам Михаил.

Н а о б о р о т е – Сергею Григорьевичу Волконскому.

Печатаются по копиям и фотографическим снимкам, принадлежащим Б.Л. Модзалевскому. Письма эти до настоящего времени считались утраченными и не восстановимыми; они были в руках у С.М. Волконского (внука декабриста); его отзыв о письмах Лунина приведен выше (см. стр. 130). В 1922 г., в своей книге "О декабристах" (стр. 79) С.М. Волконский писал: "Из мрака Акатуйского острога он (Лунин) писал в Урик несколько раз. В одном письме к Марии Николаевне он говорит: "Раз вы так добры, спрашиваете, не нужно ли мне чего из оставшихся у вас моих вещей, то прошу вас прислать мне мои часы: очень мне тяжело в бессонные ночи острожного заключения не знать, который час". Два письма к моему отцу (т. е. М.С. Волконскому) по-английски – он давал ему уроки английского языка – распоряжения насчет своих охотничьих вещей и запрос о здоровье его охотничьих собак".

Этой же цитатой воспользовался С.Я. Штрайх, добавляющий: "Действительно, в отдельной связке бумаг о Лунине есть такая собственноручная расписка его: "1845 г., марта 25 числа, стеновые часы получил. Михаил Лунин" (Сочинения и письма, 115).

Датировка у писем отсутствует. Письма к С.Г. и М.Н. Волконским – на французском языке, к М.С. Волконскому – на английском.

До настоящего времени было опубликовано только одно небольшое письмо Лунина из Акатуя к М.С. Волконскому на латинском языке. (См. "Русск. Прошлое" 1923 г., № 5, стр. 150-151.) Приводим его в переводе С.Я. Штрайха:

"Михаил Л (унин) Михаилу В (олконскому) шлет привет. Давно уже не получал я от тебя письма, но из писем твоей матери знаю, что ты охотно занимаешься и усерд-

но учишься. Это меня очень радует. Учись, чтобы оправдать надежды родителей и друзей. Что касается меня, то я здоров, много занимаюсь, люблю тебя и желаю быть любимым тобою, а также знать, что ты делаешь. В остальном все у меня в высшей степени благополучно. Мою дорогую Варку вполне поручаю тебе и прошу, чтобы она всегда была накормлена вдоволь. Будь здоров".

Надпись рукою С.Г. Волконского: "письмо от покойного М.С. Лунина к сыну моему Мише из Акатуя на латинском языке".

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Письмо написано, по-видимому, в 1842 г., ибо в нем Лунин советует М.С. Волконскому "изучать английский язык", добавляя, что "это не так легко и требует много внимания и прилежания", из чего следует, что в это время М.С. Волконский почти не знал языка, тогда как во второй половине 1843 г. он уже настолько свободно владел языком, что Лунин советовал М.Н. Волконской говорить с сыном только по-французски и по-английски (см. письмо III и прим. № 6). Михаил Сергеевич Волконский род. в Петровском Заводе в 1832 г., след. – в это время ему было немногим более десяти лет. Лунин был сильно к нему привязан и, уезжая в Акатуй, оставил ему двух своих любимых охотничьих собак, Диану и Варку.

2) Письмо написано, вероятно, в конце 1842 или начале 1843 г., судя по тому, что Лунин в нем благодарит за посылку, полученную им в сентябре 1842 г.

3) Должно быть, ксендз Филиппович, единственный получивший право навещать Лунина в Акатуе.

4) "Варка" – любимая собака Лунина. В 1840 г. он писал сестре: "Друга моего Варку ужалила змея... Теперь она лежит у моих ног, с пеной у рта, с трудом переводя дыхание, но при моих словах виляет хвостом и смотрит на меня, словно понимает мою речь. Имя друга приличнее этому животному, чем людям, которые его себе присвоили. Люди испугались, когда гроза разразилась над моей головой, и убежали от меня, поджав хвост" (Сочинения и письма, стр. 59). О Варке см. еще в письме V.

5) Е.С. Уварова имела двоих сыновей: Сергея, впоследствии доктора философии, и Александра. Трудно установить, к кому именно из них относятся слова Лунина. Уварова, после исчезновения мужа, большую часть года жила за границей.

6) Письмо относится, вероятно, ко второй половине 1843 г., т. к. в нем Лунин выражает свою скорбь по поводу смерти Н.М. Муравьева, умершего в апреле 1843 г.

7) Александр Николаевич Раевский, старший брат Марии Николаевны (родился в 1795 г.), знаменитый друг Пушкина, также привлекавшийся к следствию о декабристах и хотя оправданный, но оставшийся в опале, вследствие доносов на него М.С. Воронцова, в жену которого он был влюблен.

8) Никита Михайлович Муравьев; декабрист, умер в Урике 28 апреля 1843 г.

9) Болландистами назывались монахи, принадлежавшие по преимуществу к иезуитскому ордену, занимавшиеся разработкой "Acta Sanctorum", собрание которых было начато Болландом и Россвеем. Ко времени, к которому относится письмо Лунина, вышло уже свыше 50-ти томов. Кроме оригинального издания, имелось еще базельское издание XVIII в. Это огромное собрание сочинений кроме "Acta Sanctorum" заключает в себе множество ценных рассуждений по различным вопросам, относящимся к церковной истории.

10) Лунин, вероятно, подразумевает лицемерное и трусливое поведение в Верхов-

ном Уголовном Суде представителей духовенства, голосовавших за смертную казнь, одобривших "жесточайшие кары" и санкционировавших "Роспись Государственным преступникам", по которой 5 человек приговаривались к четвертованию и 31 к повешению, но "поелику" они "духовного звания", отказавшихся от подписания ее. Быть может, Лунин намекает и на протоиерея Мысловского, приставленного к заключенным, которого многие декабристы несправедливо подозревали в шпионстве.

11) Анна Радклиф (1764-1823), популярная в прежнее время английская писательница. В сочинениях ее сквозит стремление производить на читателя сильное впечатление при помощи всевозможных дешевых, подчас грубоватых эффектов, как-то: призраки, духи, страшные подземелья, забытые могилы, нападения разбойников и пр. Роман "Тайны Удольфа" (The misteries of Udolfho) принадлежит к числу наиболее популярных и лучших ее произведений.

12) Относится, должно быть, к концу 1843 г. или к 1844 г., т. к. в нем Лунин выражает свою радость по поводу того, что М.С. Волконский изучает латынь, тогда как в предыдущем письме (к М.Н. Волконской), писанном во 2-й половине 1843 г., только еще рекомендует обучать его латинскому.

13) Написано, по-видимому, примерно тогда же, когда и предыдущее письмо, ибо в обоих Лунин отзывается на одни и те же полученные им сведения об успехах М.С. Волконского в языках

14) Из начала письма явствует, что оно написано непосредственно после предыдущего, адресованного М.Н. Волконской, и не позднее 1844 г., так как в этом письме Лунин еще скорбит об отсутствии у него книг, полученных им, как известно, в 1844 г. (См. гл. "Акатуй").

15) Быть может, имеется в виду поездка Н.И. Пущина с ревизией мест заключения. См. выше, стр. 133. Вероятнее, однако, ревизия сенатора И.Н. Толстого.

16) Как уже упоминалось, Лунину с величайшим трудом удавалось получать в Акатуе книги.

17) Написано в 1844 г., ибо в нем Лунин просит прислать ему "оставшиеся книги", тогда как книги вообще были им в Акатуе впервые получены, как выше упоминалось, только в 1844 г.

18) Васильич – Урикский слуга Лунина, оставшийся без средств к существованию. О нем см. выше, гл. "Каторга и поселение".

19) Написано, очевидно, вскоре после предыдущего, т. е. в конце 1844 или начале 1845 г., так как в первом письме Лунин просит продать его дом в Урике, а во втором, возвращаясь к этому вопросу, упоминает уже о найденном Волконским покупщике, некоем Мрозовском.

$ 10.00